ETUDES HISTORIQUES

SUR

L'INFLUENCE DE LA CHARITÉ

DURANT LES PREMIERS SIÈCLES CHRÉTIENS,

ET CONSIDÉRATIONS

SUR SON RÔLE DANS LES SOCIÉTÉS MODERNES,

PAR

ÉTIENNE CHASTEL,
PROFESSEUR A GENÈVE.

OUVRAGE COURONNÉ EN 1852, PAR L'ACADÉMIE FRANÇAISE,
DANS LE CONCOURS OUVERT SUR CETTE QUESTION.

Deo in pauperibus.

PARIS.
CAPELLE, LIBRAIRE-ÉDITEUR,
RUE SOUFFLOT, 16, PRÈS LE PANTHÉON.
—
1853

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
О ВЛИЯНИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ
В ПЕРВЫЕ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА,
И РАССУЖДЕНИЯ
О ЕЁ РОЛИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Этьен Шастель
профессор в Женеве
Произведение, удостоенное премии в 1852 году Французской академией
на конкурсе, объявленном по этому вопросу.
Deo in pauperibus («Богу — в бедных»).
Париж.
1853

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ВВЕДЕНИЕ. Взгляд на времена, предшествующие христианству

ПЕРВАЯ КНИГА. Влияние христианской любви в первые три века христианской эры
Глава I. Первое проповедование любви Иисусом Христом
Глава II. Любовь во времена апостолов
Глава III. Любовь во II и III веках
Глава IV. Косвенное влияние любви на римское право в первые три века

ВТОРАЯ КНИГА. Влияние христианской любви с начала IV века до конца VI
Глава I. Рост нищеты в римском мире
Глава II. Милосердное вмешательство Церкви в пользу угнетённых
Глава III. Увещания Церкви в пользу милостыни
Глава IV. Мнения Церкви о милостыне в её отношении к праву собственности
Глава V. Ресурсы, предоставляемые любовью
Глава VI. Управление средствами любви
Глава VII. Использование средств любви
- Приюты и больницы
- Монастыри

Глава VIII. Продолжение предыдущего. Дела милосердия, независимые от приютов и монастырей
Глава IX. Сотрудничество гражданской власти в деле любви
Глава X. Продолжение предыдущего. Специальные меры гражданской власти в пользу бедных

Резюме и заключение. Прошлое и будущее благотворительности
§ I. Поддерживающая деятельность милосердия
§ II. Предупредительная деятельность милосердия

ПРЕДИСЛОВИЕ

До наших дней редко приходило кому-либо в голову ставить под сомнение силу христианского милосердия. Большинство почитало в нем небесную добродетель, столь же действенную, сколь и восхитительную в своей спонтанности, и которая, всюду, где практиковалась с усердием и рассудительностью, мощно способствовала облегчению бедствий. Некоторые даже опасались, что она заходит слишком далеко в этом отношении. Озабоченные некоторыми абсолютными правилами английской политической экономии, они обвиняли благотворительность в том, что, притупляя спасительное жало нужды, она якобы ослабляет усилия бедняка, разрушает в нём дух предусмотрительности, увеличивает население сверх средств к существованию и таким образом расширяет бедствие чрезмерным рвением его облегчать. Любое подаяние, всякое благотворительное учреждение представлялись им более или менее опасными в этом отношении; в крайнем случае, они соглашались лишь на несколько необходимых заведений для излечения бедствий, которые невозможно предвидеть; они охотно свели бы милосердие к открытию для бедных бесплатных школ, где им прививали бы принципы Мальтуса[1].

Сегодня подобные опасения, кажется, улеглись, и напротив — христианскому милосердию предъявляют противоположный упрёк. Его уже не обвиняют в неосмотрительности или неразборчивости, но в бессилии; его упрекают не в том, что оно делает слишком много, а в том, что оно не делает достаточно; утверждают, что даже в самых изобретательных и героических своих проявлениях оно абсолютно неспособно уменьшить бедность. «Чтобы удовлетворить, — говорят, — столь многочисленные и настоятельные нужды, чтобы заполнить такую пропасть, что значат несколько крошек, упавших со стола богатого? Что значат несколько капель воды, чтобы утолить пожирающую жажду? Пока облегчение бедняка зависит от прихоти состоятельного человека, ничего не будет сделано для блага наиболее многочисленного класса. Нужно обратиться к более действенному и менее случайному средству. Речь идёт уже не о милости, которую даруют, а о праве, которое признают. Каждый человек, рождаясь, имеет право жить; общество обязано обеспечить ему либо работу, если он её не имеет, либо средства к существованию, если он не может добыть их своим трудом. Государство должно гарантировать одно или другое; или, что ещё лучше, все общественные ресурсы, собранные и сосредоточенные в его руках, должны быть распределены каждому по его нуждам. Тогда никто не будет страдать. Больше не увидят, как богатство немногих оскорбляет бедность большинства; никто не будет обладать излишеством, но у всех будет необходимое; несчастный больше не будет вынужден ждать, пока на него упадёт взгляд презрительной жалости, пока кто-то из счастливцев мира этого бросит ему унизительное и скудное подаяние[2]».

Чтобы оценить справедливость этого нового упрёка, адресованного благотворительности, и значение средства, которое хотят ей противопоставить, можно и уже приводили весьма веские доводы. Но если верно, как мы думаем, что и в моральных, и в физических науках метод наблюдения — одновременно самый краткий и самый верный путь[3], если опыт — настоящая проба для всех социальных систем, то ничто не подходит лучше для проверки этого утверждения, чем подвергнуть его такому испытанию. Вы обвиняете добровольную милосердную любовь в бессилии: так вот, не вдаваясь в абстрактные рассуждения, где всегда рискуют увидеть лишь одну сторону вопроса, не предсказывая будущее, обратимся к прошлому, рассмотрим, чего достигла такая любовь всюду, где она действовала без принуждения и исключительно под влиянием религиозного убеждения; а затем, как всегда необходимо в подобных случаях, учитывая различие времён и обстоятельств[4], будем судить по её плодам в прошлом о том, какие плоды она ещё способна приносить под тем же импульсом.

Именно эти полезные и убедительные исследования о прошедших временах и хотела вызвать Французская академия в своём объявлении 1849 года; и именно для того, чтобы сделать их ещё более убедительными, она направила их специально на первые века нашей

эры. Христианская любовь тогда, во всей своей горячности, проявлялась в империи, цивилизация которой имеет с нашей больше сходства, чем цивилизация какого-либо другого древнего государства. Какое влияние оказала она на эту империю? Какие учреждения основала? Каким новым духом её проникла? Какие облегчения, какие средства принесла она её бедствиям?

Таков вопрос, кажущийся чисто научным, но в действительности исполненный живой современности, который предложила Академия. Она захотела, чтобы ради назидания нынешнего поколения были вызваны из забвения воспоминания о милосердии первых времён, чтобы, напоминая об отличительных чертах, которые тогда характеризовали эту добродетель, о принципе, из которого она вытекала, о духе, который её оживлял, был рассказан её эффект на римское общество.

Мы не сочли, что выйдем за пределы, установленные программой, расширяя наши исследования немного дальше падения Западной империи. Помимо того, что империя Византии во времена Юстиниана даёт нам более чем один памятный и поучительный пример влияния любви; помимо того, что завоевания этого государя временно вернули под римское правление несколько провинций Запада, уже покорённых варварами, известно, что даже под властью последних гражданские и церковные учреждения римского мира ещё некоторое время сохранялись, что готы, бургунды и даже вандалы и франки считали делом чести в значительной степени поддерживать строй покорённых ими цивилизованных народов и что только начиная с VII века гражданское и религиозное общество на Западе окончательно приняло варварский отпечаток.

Наше исследование, чтобы быть полным, должно, следовательно, охватывать шесть первых веков христианской эры. Оно включает, таким образом, два периода значительной продолжительности, но совершенно различных и разделённых обращением Константина. Ведь не только именно от предшественников этого императора принято вести отсчёт упадка империи и, следовательно, усиления бедствий, которые любовь должна была облегчать, но и с Константина, когда христианство было принято и поддержано государством, принципы любви начали более прямо проникать в римское законодательство; так что эпоха, когда эта добродетель стала наиболее необходимой, была также эпохой, когда она, по крайней мере, юридически, получила наибольшее влияние.

После того как мы расскажем об усилиях и действиях любви в каждом из этих двух периодов, нам, несомненно, будет позволено сделать некоторые общие выводы относительно роли, которую она призвана играть в новое время. Мы признаём, что не смогли бы молчать на подобную тему. Но живой и сильный интерес, который она для нас представляет, не заставит нас ни на мгновение забыть о правде истории. Мы знаем, что прошлое проливает свет на настоящее лишь при условии, что оно изучено беспристрастно и вне всякой системы. Академия запросила исторический труд, и именно такой труд мы и намеревались ей представить, прежде всего.

Собрать из оригинальных памятников первых веков все факты, имеющие какое-либо значение для понимания влияния любви, подняться к господствующему над ними общему духу и тем самым дать точный отчёт о действиях этой добродетели в римском мире — вот основная цель, которую мы поставили себе в этом исследовании. Более искусные, чем мы, несомненно, почерпнут из него уроки, которые нам ускользнули, извлекут выводы, которых мы не заметили. Главная заслуга, к которой мы стремимся, — это собрать об этом периоде, с некоторой полнотой и, главное, с полной точностью, исторические материалы, необходимые для решения одной из величайших проблем нашего времени — средств облегчения бедствий человечества.

[1] Примечание автора: признаем ради справедливости, что это были скорее взгляды наиболее крайних последователей Мальтуса, чем его собственные. См.: Westminster Review, 1824, статья «Charitable Institutions»; Extracts of Reports on Poor-Laws, London, 1837, p.180, 283 и сл.
[2] Цитата из М. де Мелёна: «Любовь не только была осуждена, но и оклеветана. Люди стали подозрительны к её делам, усомнились в её жертвах. Они отвергли как унижение и позор побуждение, которое толкает сильного помогать слабому» (Annales de la Charité, март 1851, p.137).
[3] Тьер: De la propriété, livre I, ch.2. — Де Жерандо: «Именно в изучении прошлого мы искали правила для будущего» (Bienfaisance publique, Introduction, p.19).
[4] Пажэ: «Общества движутся и изменяются, и прошлое не всегда содержит истинную меру возможностей будущего» (Journal des Économistes, t.XII, p.63).

ВВЕДЕНИЕ. Взгляд на времена, предшествующие христианству

Создавая сердце человека, Бог вложил в него наряду с инстинктом, который заставляет его заботиться о собственном сохранении и благополучии, также инстинкт симпатии, который интересуется и счастьем ближних. Пока один инстинкт тянет его жить исключительно для себя, считая себя единственным объектом своих привязанностей, другой притягивает его к другим и заставляет жить, чувствовать и страдать, пусть до определённой степени, вместе с другими людьми. Между этими двумя инстинктами существует та же связь, что и между двумя силами, чьё взаимодействие поддерживает гармонию во Вселенной: от их правильного равновесия зависит благо общества, гармония морального мира. Какой человек не слышал в глубине сердца голос сострадания, иногда настойчивый? Кто не поддавался ему хоть раз в ущерб собственным интересам? Даже самые эгоистичные люди огорчаются при виде страдания; самые жестокие испытывают непроизвольные вспышки чувствительности и сострадания.

Поэтому без удивления и без недоверия мы воспринимаем гуманитарные черты, которые история рассказывает о древних народах. Когда она говорит о щедрой заботе, с которой у них практиковалась гостеприимность, когда показывает нам в Крите, Афинах, Аргосе, Коринфе общественные залы для приёма путешественников, когда восхваляет щедрость таких людей, как Кимон или Пелопидас, когда показывает нам самих римлян, столь уступающих грекам в этом отношении, собирающих и ухаживающих у себя за солдатами Фабия и ранеными Фиденов, мы не заставляем себя выдумывать корыстные мотивы этих щедрых поступков, не считаем всё это блестящими грехами, и если мы приписываем, прежде всего, славу Богу, Который говорил в сердцах этих язычников, мы благодарны им за то, что они последовали Его голосу, даже не зная Его.

Однако у них гуманность, как и многие другие возвышенные природные инстинкты, не укреплялась религией, а скорее подавлялась и уничтожалась. Не говоря уже о варварских культах, которые даже сегодня требуют забвения самых законных привязанностей, заставляют мать убивать собственного ребёнка, или отдавать его на ужасные жертвы, обожествляют жестокость, поощряют каннибализм, — любое многобожие, даже у наиболее цивилизованных народов, было мало способствующим развитию братских чувств. Какой любви, какой взаимной услужливости можно было ожидать от людей, которые не поклонялись одному и тому же богу, которые не признавали одного и того же господина? Когда для каждой группы людей существовали разные боги, какие религиозные связи могли существовать между ними, или, скорее, какая свободная дорога не была открыта национальному эгоизму? Едва ли признавались законы справедливости от народа к народу; как же могли признаваться законы любви?

Каждая нация считала допустимым искать свою выгоду за счёт других; право сильного было общим законом. Один народ обогащался своим трудом — соседи, как алчные осы, не замедляли оспаривать его. Военные кампании с самыми благородными предлогами чаще всего имели другой мотив — грабёж. Никакой справедливости для слабых, никакой жалости к побеждённым. Когда победитель хотел проявить милосердие, религия этому препятствовала: «Что тебе общего с этим народом? Его законы и боги — не твои. Он пал; пусть умрёт или служит тебе!» Бедный пленник, считавшийся лишённым родины и бога, исключённый из храмов, праздников и жертвоприношений, был вместе с потомством предан презрению и варварству своих хозяев. Сколько было в Риме и Спарте граждан, которые могли догадываться, что раб — человек, как они сами?

Раб, по классификации Варрона, был сельскохозяйственным или промышленным орудием, отличавшимся от скота лишь способностью говорить. Это было ничтожное существо, которое никакой закон не защищал, которое покупали и продавали по нужде или прихоти, которое, в зависимости от способностей, направляли на работу, ремесла, сельское хозяйство, попрошайничество или проституцию; ночью его приковывали в эргастуле, как быка в стойле; заботились лишь настолько, насколько можно было извлечь пользу; его клеймили, били, распинали за малейшее нарушение; бросали в яму для животных, если он погибал, но обычно предпочитали, когда он старел, продать его, по совету Катона, «со старым скотом и металлоломом», или отправить на остров Эскулапа доживать, как сможет.

Были ли более уважительны к чужеземцам, которых у себя терпели лишь ради их богатства или ремесла, но которых презрительно обращали на подневольные работы и обременяли непомерными налогами, а при малейшем признаке нехватки или волнений изгоняли тысячами? В целом, в древних республиках человек ничего не значил сам по себе; ценность имел лишь как гражданин. Религия, рождённая с государством, связанная с его конституцией, рассчитанная на интересы и нужды государства, ограничивалась внушением любви к родине, повиновения законам, доблести в боях и уважения гражданских обязанностей. Это не она умиротворяла народы, не она объединяла племена; скорее, сближение народов и племён определяло характер культов. Это не религия смягчала нравы, а нравы, совершенствуясь, заставляли религию смягчаться. Юпитер изначально не был гостеприимен и не защищал молящихся; эти качества он приобрёл благодаря зарождающейся цивилизации греков, гораздо больше, чем от добродетелей, которые они ему внушили.

Даже между согражданами, которых должно было тесно связывать чувство общей национальности, религия воздвигала странные преграды. Каждый класс, каждая семья, каждый род имел, в память о своём отдельном происхождении, своих богов, домовых духов, свои особые обряды, передававшиеся из поколения в поколение, и отделялись от всех остальных. Патриции Рима, например, имели мистические церемонии, в которых народ не мог участвовать; и когда речь шла о сближении с плебеями через союзы, они ссылались на эти древние обряды, которые им не позволялось нарушать. Так возникала глубокая разделённость и постоянный конфликт интересов между этими двумя классами! Какие упорные усилия, чтобы отнять друг у друга права, почести, богатство, достоинства!

Какое бесконечное противостояние между бесчеловечными кредиторами, эксплуатировавшими бедствие должников, и нечестными должниками, объединявшимися, чтобы обмануть кредиторов, между богатыми, присваивавшими посредством мошенничества государственные земли, и бедными, всегда готовыми захватить частную собственность силой! Пока некоторые патриции обосновывали огромные захваченные владения, тысячи семей, разорённых войной или ростовщичеством, тащили по провинциям нищету, о которой никто не думал позаботиться. Жалобы страдающих игнорировались; крик восстания иногда доходил до ушей власти лишь эпизодически. Тогда делались временные

уступки: списывались долги, отправлялись колонии пролетариев, распределялись завоёванные земли, раздавались продукты бедным гражданам, доходило даже до провозглашения аграрного закона. Но миновала опасность — все уступки отзывались, старый эгоизм, старая жестокость вновь брали верх.

Homo homini ignoto lupus est, «Человек человеку — волк» — эти слова персонажа Плавта, возможно, лучше всего описывают отношения между людьми в древнем римском обществе. Безусловно, по мере того как общие интересы сближали разные классы, по мере того как торговля, миграции и завоевания смешивали население, некоторые предубеждения рассеивались, некоторые стереотипы стирались; люди, вступая в более частые контакты, начинали смотреть друг на друга менее враждебно. Некоторые даже, преодолевая барьеры нравов, культов и институтов, начинали догадываться о первичных связях родства, которые их объединяли. Философия, носитель этих новых идей, орган новых настроений, старалась популяризовать более гуманные правила.

Сократ, который стал великим философом именно потому, что умел внимать природе и читать то, что она выгравировала в сердце человека, сравнивал людей с членами тела, которые созданы не для того, чтобы вредить друг другу, а для взаимной поддержки. Платон в Законах выступал против правила лакедемонян: раз каждое государство по природе враг своих соседей, все его институты должны быть рассчитаны на войну. Цицерон, говоря о отличительных чертах божественного, писал: «Что лучше и прекраснее, чем доброта и благотворительность? Не ошибка ли обвинять в слабости такие добродетели? Разве нет среди добрых некоей естественной любви? Само имя любви, от которого происходит дружба, указывает на бескорыстную привязанность; любить других ради себя, как любят луга, поля, стада, из которых получают выгоду — это торговля, а не любовь… Суть милосердия и дружбы — быть бескорыстным».

Он также говорил: «Среди человеческих добродетелей нет ничего прекраснее единения людей, совместного участия в интересах, любви к человечеству, которая начиная с семьи, постепенно распространяется на родственников, близких, друзей, соседей, сограждан, союзников и, наконец, на всё человечество». Однако далеко не все философские школы исповедовали такие благородные максимы. Лактанций критиковал их за то, что они пренебрегали врождённым принципом социальной природы человека, объясняя основание человеческих обществ лишь холодным расчётом полезности. Известно, что стоики и эпикурейцы возводили в систему, одни — безразличие, другие — эгоизм, осуждали сострадание, одни как слабость, недостойную мудреца, другие — как чувство, мешающее душевному покою.

Даже Аристотель не сумел возвысить гуманность до высоких уровней; для него гнев и месть были легитимными страстями, без которых человеческое сердце теряло один из своих сильнейших двигателей. Что касается благотворительности, он видел в ней главным образом средство популярности для практикующих и гарантию спокойствия для государства. Для него, как и для большинства древних, гражданин превалировал над человеком; интерес государства превалировал над интересами человечества. М. Кузен отмечает: «Поражает невозмутимый холод, с которым Аристотель анализирует природу той особой собственности, которую называют рабом, так же, как любой объект естественной истории, без малейших сомнений о гуманности. Раб — своего рода живая собственность; он участвует в разуме лишь в той мере, чтобы изменять свою чувствительность, но недостаточно, чтобы сказать, что обладает разумом… Таким образом, природа создаёт людей свободными и рабами, как животных и людей, души и тела».

Даже философы-спиритуалисты, чьи правила мы приводили выше, не всегда могли полностью абстрагироваться от идей и духа своего века. Платон, признавая человеческое

достоинство даже в рабах и требуя справедливого к ним обращения, тем не менее, советует это, прежде всего, ради интересов хозяина, считая жестокое обращение с рабами проявлением не столько жестокости, сколько неразумия. Если, чтобы избежать обвинений в антисоциальности, он допускал в государство чужеземцев, исключённых из его Республики, он всё же настаивал на строгой натурализации и хотел изгнать с территории любого нищего, даже свободного.

Цицерон, забывая свои собственные принципы бескорыстия в Charity, подчеркивал гражданские выгоды этой добродетели гораздо больше, чем её внутреннее совершенство. Только ради этого он предпочитал выкуп пленных или помощь бедным гражданам публичным играм. По примеру Теофраста он хвалил гостеприимство, так как считал наиболее почётным, чтобы дом гражданина был открыт для знаменитых гостей, а его щедрость и богатство известны другим народам, а соотечественники — объединены узами благодарности. Кроме того, именно по этой причине он советовал тщательно выбирать объекты своих даров и вообще проявлять осторожность и рассудительность в денежных щедротах; как добавлял он, недостаток этих благ состоит в том, что чрезмерное расточительство иссякает источники самой благотворительности, так что чем больше их раздаёшь, тем меньше средств остаётся для будущей помощи. Это была, по сути, предусмотрительность для добродетели, которая требует, прежде всего, самоотверженности и импульса.

Когда бы философы проявили меньше сдержанности в проповеди благотворительности; когда бы они лучше осознали связи взаимной преданности, которые должны объединять людей, — им всё равно не удалось бы, в этом как и во многих других вопросах, победить эгоизм, разрушить предрассудки своих современников. Погружённые, как уже говорилось, слишком исключительно в спекулятивное мышление, они плохо умели популяризировать свои правила; едва ли они сами ощущали в этом необходимость; у них не было той страсти, которая заставляет любой ценой распространять вокруг себя обладание истиной; очаг их щедрых чувств едва ли требовал рядом учеников, и они не могли научить давать то, что сами едва могли дать.

Философия, таким образом, в древности не имела заметного влияния на улучшение общественных отношений. Она, безусловно, расширяла кругозор, увеличивала привязанности некоторых людей, возможно, вдохновила Теренция и Вергилия на прекрасные стихи, где ощущается чистое чувство человечности; но её действие было слабо заметно для большинства. Судьба рабов, столь несчастных в последние времена Римской республики, продолжала ухудшаться до конца первого века. Толпа по-прежнему рвалась на жестокие игры в амфитеатре; человеческая жизнь оставалась неуважаемой; большинство продолжало быть жертвой и игрушкой меньшинства. Народ Рима, правда, получал свои регулярные раздачи пищи, sportula выдавалась каждый день у дверей богатых; священные пиры эпулонов, щедроты полководцев и консулов время от времени приносили радость и увеселение простой публике; но благотворительность имела в этих дарах мало участия; это были скорее жертвы, вызванные тщеславием, амбицией, политикой или страхом — выкуп, который богатство платило бедности, чтобы не быть потревоженным.

Во всей древности нам известен лишь один народ, чьи гражданские и религиозные институты действительно были проникнуты духом братства: народ, у которого Иегова был единственным Богом. Этот Бог, защитник Иуды, был также защитником Ефрема и Манассии; каждый член каждой племени находил в нём не только надёжного хранителя своих прав, но и верного покровителя своих интересов, доброжелательного заступника перед братьями. В Ханаане все евреи должны были делиться имуществом поровну. Каждые пятьдесят лет каждая семья возвращала себе владения, отнятые событиями. Каждые семь лет земля

оставалась нераспаханной, и урожай, который она приносила спонтанно в этот год отдыха, был общим для всех.

Каждый седьмой день прекращался любой труд, чтобы раб, наёмный рабочий и даже домашнее животное могли восстановить силы. Каждый еврей, убирая урожай или собирая виноград, должен был оставлять колос для сборщика и гроздь для нуждающегося. Рабы рекрутировались лишь среди чужеземцев, и если еврей по необходимости вступал в службу, его не обращали, как других рабов; он становился свободным по праву на седьмой год, если не желал продолжать служение. Как член семьи, он мог праздновать Пасху вместе с ней. Даже чужеземец, которому запрет обрезания закрывал это право, был настоятельно призван к гуманности его хозяев. «Не угнетай чужеземца, живущего среди тебя, — говорил Моисей, — ибо ты знаешь, что значит быть чужим, так как сам был чужеземцем в Египте».

Проценты за займ, разрешённые для чужеземцев, были запрещены для евреев; залог, переданный ими, должен был быть возвращён до захода солнца. Любой долг погашался в юбилейный год, и, тем не менее, каждый должен был всегда быть готовым помочь нуждающемуся. Эти заповеди и некоторые другие подобные, которые можно критиковать с точки зрения социальной экономики и которые в наши дни серьёзно подорвали бы кредит, имели меньше недостатков у народа, изолированного и исключительно преданного сельскому хозяйству; с точки зрения законодателя, нельзя не восхищаться человеческим духом, которым они проникнуты.

Какая торжественность в его наставлениях о сироте и вдове! Какой проникновенный акцент в словах: «Если твой брат обнищал и протянет к тебе дрожащие руки, поддержи его. Когда среди вас есть бедствующие братья, не ожесточайте сердце своё и не закрывайте руку свою. Бедные всегда будут в земле, но пусть никто не будет вынужден просить милостыню, чтобы Господь благословил вас на земле, которую вы занимаете!». Милостыня рассматривалась как жертва благодарности Богу за его благодеяния, одна из искупительных дел, через которые обещалась прощённость грехов: «Искупайте, — говорил Даниил, — свои прегрешения делами милосердия». «Несправедливость, — говорил Соломон, — искупается добротой». Эти наставления глубоко проникли в дух еврейского народа. Старый Товия на смертном одре повторял их сыну. Сын Сираха воспитывал в них евреев Диаспоры. Иов, в своих бедствиях, свидетельствовал о себе как о защитнике бедных и кормильце сирот. Император Юлиан отмечал, что в его время среди евреев не было ни одного нищего; и по сей день израильтянин всегда готов принести дар бедным братьям, и взаимная поддержка внутри нации почти постоянно защищала их от нужды.

Следует заметить, однако, что милосердие еврейского народа было далеко не полностью свободным и добровольным. Помимо добровольных милостынь, существовала обязательная трёхгодичная десятина с имущества каждой семьи в пользу чужеземцев, вдов и сирот. Точно так же, как и урожайные приношения, как и предписания относительно года покоя, юбилейного года и бесплатных займов — всё это вытекает из теократического характера еврейской конституции. Иегова, глава и законодатель нации, объявлял себя единственным собственником всех благ и предоставлял их израильтянам лишь на условиях определённых законных обязательств. Даже после того как евреи оказались под властью чужеземцев, благотворительность и благочестие сохраняли у них этот — более или менее принудительный — характер. Закон церкви, при отсутствии гражданского закона, определял жертву, её количество, делал это церемониальным предписанием, от которого еврей не мог отказаться, не отрекшись от веры. Таким образом, он соблюдал предписание буквально, а не по духу; его милосердие часто исходило от руки, а не от сердца, и Иисус мог упрекнуть фарисеев, что, точно уплачивая десятину даже с наименьшей травы, они имели пустую душу без справедливости и милосердия.

Проблема заключалась не только в том, что у еврейской благотворительности отсутствовали свобода и спонтанность, но прежде всего — широта и охват; она не выходила за пределы избранного народа. Чтобы иметь на неё право, нужно было либо самому принадлежать к потомкам Авраама, либо быть допущенным к проживанию на его наследии. Иегова, хотя и был создателем вселенной и царём всех народов, защищал только тот народ, с которым он торжественно заключил союз. «Возлюби ближнего твоего, ненавидь врага твоего», «помогай тем, кто из твоей нации, а остальных подчиняй своему игу» — таково было последнее слово закона Моисея.

Примечание редакции - Фраза «ненавидь врага твоего» — не цитата из Ветхого Завета, а отражение народных или сектантских толкований, которые Иисус противопоставляет своему учению о всеобщей любви. Есть несколько основных объяснений, почему слова «ненавидь врага твоего» встречаются только в Новом Завете (Мф. 5:43) и отсутствуют в Торе или пророческих книгах:

1. Иисус цитирует бытовое толкование, а не Писание
   - В Ветхом Завете заповедь «возлюби ближнего твоего» (Лев. 19:18) не сопровождается указанием ненавидеть врагов.
   - Многие библеисты считают, что Иисус воспроизводит распространённое в иудейской среде искажённое толкование: если «ближний» — это свой (соплеменник или праведник), то врага якобы можно ненавидеть.
   - В некоторых интерпретациях слова Пс. 138(139):22 — «совершенной ненавистью ненавижу их» — применялись к врагам Бога и могли влиять на народное сознание.
2. Влияние кумранской (сектантской) традиции
   - В свитках Мёртвого моря (например, 1QS 1:10–11) встречается выражение «любить всех сынов света и ненавидеть всех сынов тьмы».
   - Некоторые исследователи полагают, что подобные идеи, бытовавшие среди кумранитов и других радикальных групп, могли отразиться в общем иудейском дискурсе времени Иисуса.
3. Риторический приём усиления контраста
   - Некоторые толкователи видят здесь гиперболу: Иисус намеренно обостряет привычные противопоставления («свои» — «чужие»), чтобы подчеркнуть радикальность христианской заповеди любви ко всем, включая врагов.
4. Указание на практику, а не на текст
   - Возможно, Иисус отразил реальную социальную практику — отношение к врагам (например, самарянам или римлянам) как к «ненавистным» — даже если такого формального текста в Писании не существовало.

Давид в этом вопросе был не намного более продвинут, чем Моисей; пророки — не намного более, чем Давид; а позднее, если Диаспора смягчала национальные предубеждения, если греческий дух в Александрии вдохновлял Филона на более либеральные правила по отношению к чужеземцам, если время от времени этот автор признавал изначальное равенство людей между собой и их родство через природу, общую мать, он всё же чрезмерно подчёркивал привилегии своего народа и не был свободен от страсти к мести. Так же сын Сираха, наряду с трогательными наставлениями о милосердии к еврейскому народу, проявлял глубокую ненависть к язычникам.

Тем не менее, догма, из которой должна была происходить самая широкая и бескорыстная благотворительность, — догма о единстве Бога — провозглашалась в Израиле. Бог Вселенной не мог вечно ограничивать свою заботу одним народом; однажды он должен был научить своих поклонников любить в нём всех своих детей. Моисей заложил этот принцип; Иисус должен был извлечь из него последствия — и тем самым дать сигнал самой великой и благотворительной из революций.

ПЕРВАЯ КНИГА
ВОПРОС О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Первое проповедование благотворительности Иисусом Христом

Невозможно по-настоящему понять заповеди Иисуса, касающиеся благотворительности, если, прежде всего не осознать цели, с которой Он её проповедовал. Согласно некоторым авторам, эта цель была исключительно земной и временной. Иисус якобы был социальным реформатором, взявшим на себя миссию помочь страдающим классам и уничтожить бич бедности. Некоторые даже приписывали ему в этом плане эгалитарные или социалистические взгляды. Уравнивание условий, общность или равное распределение благ, упразднение различий по рангу и состоянию — для них это и есть «Царство Божие», которое Иисус пришёл основать на земле.

Если действительно такова была цель Иисуса, нужно признать, что Он избрал для её достижения самый странный и нелогичный путь. Якобы пришедший изменить социальную организацию настоящего мира, Он сам утверждает, что Его Царство не от мира сего, и называет его «Царством Небесным». Он заявляет, что не хочет трогать установленный порядок; Он приказывает «отдавать кесарю кесарево» (Матф. 22:21). Пришедший якобы для уничтожения нищеты, рабства, для призыва людей к всеобщему благосостоянию, вместо того чтобы возбуждать у них жажду этого благосостояния или усиливать представления о страданиях бедных, Он начинает с провозглашения: «Блаженны нищие духом, блаженны скорбящие, блаженны алчущие, блаженен нищий Лазарь, лежащий у ворот богатого» (Матф. 5:3 и далее; Лк. 6:20 и далее).

Блаженны! И почему? Не потому, что их насытят здесь на земле, не потому, что им достанутся богатства могущественных и состоятельных. Нет! А потому что Лазарь после смерти будет «перенесён в лоно Авраама» и «что великая награда ждёт их всех на Небе». Именно на Небе Он обещает им возмездие; там Он призывает искать «сокровища, которые не гниют и не крадут воры». И кроме того: «не заботьтесь, что будете есть или пить, ибо язычники заботятся об этом; ищите прежде всего Царства Божия» (Матф. 6:33).

Таким образом, этот Иисус, пришедший якобы для справедливого распределения земных благ, для восстановления изначального равенства и возврата бедным того, что им принадлежало, проповедует благотворительность вместо справедливости; Он просит то, что следовало бы требовать, и требует как милость то, что следовало бы взыскать как долг; чрезмерно великодушный, Он обещает вознаграждать за возвращение присвоенного богатства. Более того, в первый раз, когда Его просят поделиться, Он отказывается, и вместо ожидаемого арбитража даёт урок довольства и проповедует против любви к богатству (Лк. 12:15). Что окончательно разрушает мнение о «социальной миссии» Иисуса, — это Его заявления о надвигающемся разрушении народа Израиля (Матф. 24). Иисус знал, что Иерусалим падёт, что приближается конец поколения, к которому Он обращается, и именно в этот момент Он якобы решил менять у него социальный порядок! Странный революционер: пытается реформировать то, что вот-вот будет разрушено, и погибает, чтобы исправить зло, которому неизбежное событие уже положило конец.

Нет, Иисус не был этим земным реформатором, в котором современные гуманисты любят видеть себя. Он так мало думал изменить земной порядок, что именно за отказ от этого Он был предан и принесён в жертву своим людям. Его цель была возвышеннее: Он приносил миру духовное спасение. Он пришёл проповедовать людям обращение, которое вводит их в Небесное Царство, показать путь к вечной жизни и условия, необходимые для её

достижения (Матф. 4:17; Лк. 1:76–79; Мк. 1:14). Какие же эти условия? Первое — благочестие. Чтобы жить с Богом на небесах, нужно было жить с Ним на земле: любить Его всем сердцем, всей душой, всем разумом. Но как любить Бога, не стремясь Ему подражать? И если Бог есть любовь, как не подражать Ему в любви и доброте к творениям? Как любить Отца и не любить детей?

Следовательно, существует вторая заповедь, неразрывная с первой: «Возлюби ближнего твоего как самого себя». На этом, говорит Иисус, сходятся весь закон и пророки: «Сделай это — и будешь жить» (Лк. 10:25–28; Мк. 12:33; Матф. 22:37–38). Таков дух, в котором Иисус проповедует благотворительность, такова её роль. Это не политическая добродетель; это религиозное чувство, призванное подготовить человека к вечной жизни. Благотворительность — первый плод нового духовного рождения, который делает человека достойным Небесного Царства. Это «одежда», в которую нужно облачиться, чтобы быть допущенным на «свадьбу Невесты». И каковы требования к чистоте и совершенству! Как образ Божий, любовь должна охватывать всех одинаково, возвышая человека над происхождением, состоянием, эгоизмом, расчётом, конфликтами страстей и интересов.

— «Кто мой ближний?» — спрашивает законовед. «Это Самаритянин, которого традиции твоего народа учат проклинать, так же как и еврей, которого твой закон приказывает любить» (Лк. 10:29–37).
— «Когда устроишь пир, приглашай бедных, хромых, калек, слепых; радуйся, что они не смогут отблагодарить тебя» (Лк. 14:13–14).
— «Сколько раз прощу брату своему? Не до семи раз, а до семидесяти семи раз… Вы слышали: люби ближнего, ненавидь врага. Но Я говорю: любите врагов, благословляйте проклинающих вас, делайте добро ненавидящим вас, молитесь за преследующих вас. Если любите только тех, кто любит вас, в чём заслуга? Поступайте так, как совершает Бог, который благ к злым и неблагодарным. Будьте милосердны, как милосерден ваш Отец, совершенны, как совершен ваш Отец» (Матф. 5:43–48; Лк. 6:27–36).

Какой чистый и возвышенный идеал! Кто имел право говорить так людям, кроме Того, Кто отдавал Себя полностью и шёл на Голгофу ради спасения всех? Если горизонт благотворительности, установленный Иисусом, бесконечно шире обычной благотворительности, то благотворительность проявляется там, где есть любовь к ближнему. Истинное чувство проявляется через действия. Как можно искренне любить ближнего и не делать ему добра, по возможности телесного и душевного? Любовь к ближнему естественно порождает благотворительность, как ручей вытекает из источника. Именно потому Иисус, проповедуя Царство Небесное, исцелял болезни и недуги народа (Матф. 4:23–24; Лк. 6:17). Та же сострадание, что охватывала Его при виде блуждающей толпы (Матф. 9:36), проявлялась к другим страданиям: Он ходил от места к месту, творя добро, оставляя следы неизмеримой любви.

У учеников должно вызывать те же действия. Поэтому Он обещает награду за милостыню, но не за показную, не для людских глаз, не за роскошную десятину фарисеев, не за корыстное добро, ожидающее ответного; а за скромную милостыню, сотворённую ради Бога, из сердца, полного любви. «Идите и делайте так же», — говорит Иисус, рассказывая притчу о добром самаритянине. «Давайте — и вам дадут; меру добрую, нагруженную, встряхнутую и переполненную отмерят вам» (Лк. 6:38).

— Горе эгоисту, который не вкладывает свои богатства в Бога и собирает только для себя! Горе богатому, закрывшему своё сердце для нуждающегося! Благотворительность, предписанная Иисусом как знак и как естественный плод любви, имела ещё одно основание. Ученики Спасителя подвергались жестоким испытаниям; преследования, обрушившиеся на Него, вскоре коснулись бы и их. «Посланные в мир, как овцы среди волков, они будут

схвачены, преданы синагогам, заключены в тюрьму, преданы перед царями и правителями, возненавидимы и прокляты всеми за имя Моё, преданы даже родными и друзьями» (Ин. 17:14; Лк. 21:12 и далее).

Какие испытания для их веры! Как устоять, если нельзя хотя бы рассчитывать на поддержку братьев? Именно эту поддержку Иисус постоянно им обеспечивает. С этой точки зрения благотворительность, долг перед всеми людьми, становилась ещё более строгой обязанностью среди Его учеников. Помогать им, поддерживать, защищать, делать добро каждому верующему в Него — значит участвовать в Его деле спасения. «Кто принимает вас, тот принимает Меня», — говорил Он. «Кто принимает праведника в качестве праведника, тот получит часть награды праведника; и если кто даст только стакан холодной воды одному из малых, потому что он Мой ученик, тот не потеряет своей награды» (Матф. 10:40–42; Мк. 9:41).

В день Последний Царь скажет тем, кто будет по правую руку: «Придите, вы, благословленные Отцем Моим, наследуйте Царство, потому что Я был голоден, и вы дали Мне есть; Я жаждал, и вы дали Мне пить; Я был странником, и вы приняли Меня… Я был болен и в темнице, и вы посетили Меня. Не удивляйтесь: всякий раз, когда вы сделали это одному из малых Моих братьев, вы сделали это Мне» (Матф. 25:34–40). В том же духе, когда Он готовился покинуть учеников, Он с настойчивостью вновь повторяет о новой заповеди: «Любите друг друга». Эта взаимная любовь, которая должна была сделать их узнаваемыми как учеников и отличать в глазах мира, должна была быть их крепкой опорой против преследований. «Мир ненавидит вас, потому что вы не от мира. Любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как отдать жизнь за друзей. Так Я повелеваю вам любить друг друга» (Ин. 15:12–13).

Но в этих критических обстоятельствах благотворительность была полезна не только тем, кому она оказывалась; она была полезна и для тех, кто её совершал. Богатство имеет свои препятствия, как и бедность: цепи, связывающие нас с миром, мнимые потребности, которые нас порабощают, капризные желания, которыми оно наполняет душу, слабость, в которую оно укачивает, тщеславие, ослепляющее его, потребность наслаждаться, возрастающая с легкостью удовлетворения, жажда приобретать и страх потерять, растущие с обладанием — всё это закрывало для Иисуса даже самые благорасположенные сердца. Сколько богатых, «взявшие плуг в руку, оглядывались назад!» Сколько, одержимые этим идолопоклонством, «отступали от веры»! Сколько у кого семя добра, едва проросшее, было задушено заботами века, тревогами о богатстве, соблазнами удовольствий!

«Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие», — говорил Иисус (Лк. 18:24). Чтобы последовать за бедным Учителем, странствующим, ненавидимым, преследуемым, не имевшим даже места, где положить голову, — и смерть должна была быть крестом, — ученику нужно было заранее «нести крест», быть готовым оставить отца, мать, жену, детей и даже свою жизнь; тем более следовало отказаться от богатства, если оно препятствовало спасению; продать всё, если необходимо, чтобы приобрести жемчужину великой цены (Лк. 14:26; Мф. 19:21). И какой лучший способ использовать эти богатства, отказываясь от них, чем использовать их, чтобы вырвать других из забот о нужде, из искушений бедности?

Иисус советовал это молодому богатому: «Если хочешь быть совершенным, продай всё, раздай бедным, и будешь иметь сокровище на Небе. После этого иди и следуй за Мной» (Мф. 19:21). Очевидно, что Иисус имел в виду не столько облегчение бедных, сколько спасение богатого; благотворительность в Его глазах была помощником отказа от мирского. Он не всегда требовал одного и того же жертвоприношения. Когда Закхей заявил: «Я отдаю половину своего имения бедным; и если обидел кого-либо, возвращаю вчетверо», Иисус

остался доволен (Лк. 19:8) — Он видел, что мытарь исцелён от скупости, и через это спасение вошло в его дом. Но молодой богатый, всё ещё раб своего имущества, мог найти в полном отказе от него смелость, чтобы последовать за Иисусом. В том же духе Он говорил к остальным: «Вы, кто оставил всё, чтобы следовать за Мной, сядете на двенадцать престолов и будете судить двенадцать колен Израиля. И кто оставил ради Меня отца, мать, жену, детей или братьев, тот получит стократное и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:28–29; Лк. 18:29–30).

Это не дар, который Он обещает вознаградить, но преданность и верность следованию за Ним. Святой Августин ясно это объяснил в своём наставлении о презрении к миру: «Ты дал бедным, — говорит Он, — что ещё делать? Отдай ещё больше. Ты ещё не достиг совета Учителя: продай своё имущество и следуй за Мной. Куда идти? Везде, куда Он поведёт, через мучения, оскорбления, позор». Так же понимал это и святой Павел: после того как продал всё, что имел сам и его жена, открыл свои амбары для бедных, освободил должников и говорил тем, кто хвалил его за достижение христианского совершенства: «Я только в начале. Как юноша, я снял с себя доспехи для боя, но мне предстоит бороться и победить. Я оставил всё, что мешало следовать за Мастером, но мне ещё предстоит следовать за Ним до смерти. Я отказался от своих богатств, но мне ещё нужно победить страсти и очистить сердце» (Августин, De contemptu mundi, c. 6; Ep. 157, c. 25).

В итоге трудно найти хоть одно высказывание Иисуса, где благотворительность представлена как средство улучшения временной участи людей. Когда Он хвалит её или предписывает, то как знак братской любви, от которой зависит спасение, то как связующее звено общины верующих, опора против отречения и апостасии, наконец, как средство помочь богатому на пути отказа от мирского. При этом, ставя духовную цель, Иисус тем надёжнее достигал и той земной пользы, которая приписывается Ему: в парадоксальном контрасте, но легко объяснимом позже, земное благо отдельных людей и народов, которое тщетно ищут те, кто ставит его единственной целью, обильно проистекало из проповеди, имеющей своим главным объектом регенерацию и очищение душ.

ГЛАВА II. ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ В ЭПОХУ АПОСТОЛОВ

Ученики Иисуса вскоре проявили себя достойными вестниками Его любви. Скоро они проповедовали её не только в Иерусалиме. Разбросанные преследованиями по разным городам Палестины, затем ведомые своим рвением в более отдалённые страны — в Сирию, Финикию, Малую Азию, Грецию, Италию, повсюду, куда они несли весть Христову, они одновременно провозглашали Его закон любви. Каждый апостол, каждый евангелист, основывая новые церкви, старался оставить в них этот божественный отпечаток. Каждый, своим собственным акцентом, в проповеди и посланиях повторял новый завет, который Иисус оставил на прощание.

Обращаясь к верным, рассредоточенным в Малой Азии, святой Пётр призывает: «Любите друг друга горячо чистым сердцем, без лицемерия; будьте милосердны, дружелюбны, сострадательны; имейте великое взаимное братское чувство, ибо любовь покрывает множество грехов. Практикуйте между собой гостеприимство без ропота; служите друг другу, каждый по дару, который получил, как добрые распорядители благодати Божией». Святой Иаков называет любовь «царским законом». «Чистая и непорочная религия», — пишет он рассеянным двенадцати племенам, — «это посещать вдов и сирот в их скорби». Он упрекает тех, кто, будучи удовлетворён своей верой, мало проявляет её делами, ограничиваясь словами: «Иди с миром» к нуждающимся, не давая им необходимого. Особенно он опасается, что эгоизм язычников проникнет в христианские общины, и гневно обращается к богатым, которые, забыв о бедных, думают лишь о насыщении себя, словно в

день жертвоприношения: «Плачьте и вопите… Сгнили ваши богатства, черви поели ваши одежды; золото и серебро заржавели, и их ржавчина будет свидетельствовать против вас и пожрёт плоть вашу, как огонь».

Святой Иоанн, более миролюбивый, ограничивается повторением порядка, который он услышал от Иисуса, и, по преданию, до конца своих дней постоянно говорил: «Возлюбленные мои, любите друг друга! Кто любит своих братьев, пребывает в свете и перешёл от смерти к жизни. Кто ненавидит брата своего, пребывает во тьме и в смерти; ибо как можно любить Бога, Которого не видишь, если не любишь брата, которого видишь? Если имея блага этого мира, видишь брата в нужде и закрываешь ему сердце? Если мы любим Бога и верим во Христа, мы должны любить друг друга, быть готовыми отдать жизнь за братьев, как Христос отдал Свою жизнь за нас».

Но именно в словах и письмах святого Павла проповедь любви приобретает всю полноту и силу. Великий апостол, не знавший Иисуса лично, так глубоко постигший Его мысли, настаивает на этом долге как никто другой. С того момента, как он полностью предал себя Христу и принес себя в жертву ради Его дела, он больше не знает удержаний и, можно сказать, меру при выполнении любого долга; он без усилия поднимается к высочайшим вершинам христианской морали. В то время как одни лишь размышляют о добродетели, а другие лишь интуитивно её практикуют, у святого Павла сила идеи отвечает энергии чувства. Как золото в печи очищается и сияет ослепительным блеском, так и у апостола жар сердца рождает мощь мысли и полноту понимания. Он показывает, что среди общества, разделённого различиями статуса, положения, национальности, все эти различия исчезают перед Богом, который создал всех людей в природе, затем вновь во благодати и хотел создать Церковь «единого тела, Христос — глава, а связь — любовь».

Он определяет любовь с возвышенной философской точностью: это прежде всего чувство, обитающее в сердце, которое никакое внешнее действие не заменит: «Когда бы я раздал все свои блага бедным и отдал тело своё на сожжение, а не имел любви, то мне это ничего не даст». Любовь невозможна без любви к Богу. Искренняя вера, чистое сердце, добрая совесть — вот корни, из которых она произрастает. Её свойства: терпеливость, доброта, бескорыстность, отсутствие зависти, тщеславия, гордыни, раздражительности, подозрительности; она радуется правде, готова всё простить, всему верить, на всё надеяться и всё терпеть. Её яд — гордость, её опора — смирение. В ощущении своей слабости христианин находит силу подавить обиды и ненависть. Так же, как Бог ежедневно прощает человеку, так и он должен прощать и терпеть ближних. Подражая Христу, который смирил себя, приняв образ слуги, христианин всегда готов считать других выше себя, подчиняться им в страхе Божием. Тогда он думает не только о собственных интересах, но и о благе других.

Святой Павел применяет эту любовь на практике: поддержание мира, единство, взаимная поддержка, сострадание к слабым, доброта к подчинённым, гуманность к рабам, взаимные услуги между равными, гостеприимство, милостыня и благотворительность во всех формах. Любовь — это «одеяние, которым должны облачаться на земле святые и избранные Божии». Это наименее сомнительное доказательство искренности их любви, священный долг перед Иисусом, который, будучи богат, сделал себя бедным ради них. Если кто-либо удерживается привязанностью к тленному богатству, Павел призывает доверять тому, кто сказал: «Я не оставлю тебя и не покину». «На деле же стоит обогащаться добрыми делами»; богатство, которое проходит сквозь руки скупца, рассеивается, но применённое к бедным, становится сокровищем на прочном основании, и его плоды — вечная жизнь, урожай собирается на небесах. Поэтому Павел призывает: «Стремитесь к любви, подражая Христу, Который возлюбил нас и предал Себя за нас».

Апостолы никогда не смешивают в этих призывах форму принуждения; новый закон, подчёркивая права Бога, действует только через убеждение. Павел пишет: «Не закон я вам налагаю, а наставление, совет, чтобы вы довершили начатое добро по вашей воле, давая от чистого сердца, ибо так благоугодно Богу». Таким образом проповедовали апостолы; они оставляли каждого свободным как в размере даров, так и в выборе самих даров. Они не приказывали, они советовали, они увещевали, они умоляли, и это проповедование, основанное полностью на убеждении, совете и, прежде всего, на примере, оказывало глубокое воздействие на христиан всех народов, к которым оно обращалось. Сами апостолы восхваляли благодеяния таких людей, как Гай, Филемон, Стефан, Епафродит, Онисифор и многих других. Они рассказывали, как в Йоппе, когда святой Петр поднялся в комнату Доркас, вдовы показывали ему с плачем одеяния, которые они сами сшили, чтобы одеть бедных; как Мария в Риме, Феба, диаконисса в Кенхре, помогали святому Павлу вместе с несколькими братьями; как Аквила и Прискилла рисковали жизнью ради него.

Однако проявлялась не только индивидуальная милосердная любовь: все церкви, основанные апостолами, с самого начала образовывались как настоящие благотворительные объединения, и большинство из них было восхитительно в практике этой добродетели. Если судить по портрету церкви Иерусалима, который оставил нам святой Лука: «Все, кто верил, были тесно связаны между собой и имели всё общее». Они продавали свои владения и другие блага и распределяли их между всеми по мере необходимости. «Множество верующих было как одно сердце и одна душа; никто не говорил о том, что что-то из его имущества принадлежит только ему — всё было общим. Никто не испытывал нужды, потому что все, кто имел землю или дома, продавали их и приносили выручку к ногам апостолов, и она распределялась каждому по необходимости». Эти слова, если принимать их буквально, заставили многих думать, что церковь Иерусалима при своём возникновении образовывала общину, подобную ессенам или терапевтам, где вся личная собственность была отменена. Но последующий рассказ святого Луки формально опровергает это предположение.

Когда Аниан и Сапфира притворялись, что приносят апостолам всю выручку от продажи своей земли, на самом деле принесли лишь часть, святой Пётр не упрекал их в нарушении правил общины; напротив, он сказал, что они могли сохранить своё имущество или его стоимость — он упрекал их лишь во лжи и лицемерии. Церковь Иерусалима не была абсолютно общинной; она не заменила индивидуальную собственность общей, и каждый, вступая в неё, мог сохранить своё имущество. Есть основания полагать, что многие пользовались этой свободой. Например, из семи-восьми тысяч верующих, составлявших церковь Иерусалима, если бы все, кто имел какое-либо имущество, продали его, автор священного текста не стал бы выделять единственный пример — левита, который мог без вреда для себя продать землю на Кипре.

Кроме того, мы видим, что Мария имела дом в Иерусалиме в полной собственности. Также, как отмечает Мошейм, если бы существовала абсолютная общность имущества, жалобы эллинистических иудеев на распределение по дням касались бы не только вдов, но и их семей, и святой Иаков не стал бы упрекать церковь Иерусалима в пренебрежении нуждающимися. Слова «всё было общим между ними» следует понимать в фигуральном или моральном смысле — как выражение духа союза и братства между иерусалимскими христианами: каждый был готов делиться имуществом со своими братьями, а при необходимости — продавать его для помощи бедным. Ожидание великих событий, которые христиане считали близкими, облегчало им эти жертвы. Убеждённые, что не только Иерусалим, но и весь мир погибнет, и что Иисус скоро придёт судить людей, они стремились обеспечить награду за свои дела, щедро распределяя имущество.

Даже те авторы, которые допускают реальную общность имущества у первых христиан, признают, что она быстро прекратилась, оставив лишь следы в виде общих трапез, о которых упоминает святой Лука. У иудеев была обычай приглашать на семейные трапезы десять-двадцать родственников, соседей или друзей. В конце трапезы подавали тщательно приготовленный хлеб, отец семьи раздавал куски каждому гостю, а затем, подняв чашу с вином, давал её по кругу, произнося слова благодарности и благословения. Иисус, накануне своей смерти, совершил трапезу этого рода в новой, торжественной форме, и захотел, чтобы его ученики воспроизводили её в память о нём. С первых собраний в Иерусалиме и впоследствии они всегда делали это во время культа. Это было воспоминание о смерти и последних прощальных словах учителя, но также — так как среди них появлялись богатые и бедные, — они не клали всё имущество в общую собственность, а готовили общие трапезы в определённые дни, на которые богатые приглашали бедных. Эта традиция со временем видоизменилась.

Святой Иоанн Златоуст объясняет происхождение «Агап» так: верующие, после святых наставлений, молитв и участия в таинствах, не расходились сразу; более состоятельные приносили из дома пищу и приглашали бедных на трапезу, приготовленную в месте собрания. Этот общий обед укреплял их взаимное единство и приносил радость и пользу: бедные получали поддержку, а богатые — благодарность тех, кого кормили, и благосклонность Бога. Первая послание святого Павла к коринфянам показывает, что в этих встречах начали появляться злоупотребления, противоположные их духу. По примеру некоторых греческих обедов, где каждый ел самостоятельно принесённые блюда, богатые, на средства которых устраивались Агапы, не всегда дожидались бедных и ели в одиночку; бедные, приходя, не всегда находили пищу, а ученики Христа больше не собирались, чтобы «ломать хлеб во имя Господа».

Однако эти злоупотребления, на которые ссылаются Пётр и Иуда, вероятно, были редкими исключениями и не мешали этой практике приносить плоды и существовать более трёх столетий. Роль диаконов, для которой церковь изначально дала повод, ещё более расширилась и укрепилась. Без сомнения, милосердие Иисуса Христа должно было отражаться во всех его служителях; поэтому святой Павел требует, чтобы епископ «был гостеприимен и заботлив к людям доброй воли». Но именно диаконы в каждой церкви были специально назначены для заботы о благотворительности, и тот же апостол подчёркивает важность диаконата, уделяя большое внимание описанию их обязанностей. Чтобы соответствовать обычаям Востока и избегать всего, что могло бы вызвать нежелательные подозрения, к диаконам с ранних времён приобщались диакониссы, которые заботились о бедных или больных женщинах, выполняя те же обязанности, которые диаконы несли по отношению к мужчинам.

Среди бедных, о которых заботились церкви, наиболее достойными сострадания были, без сомнения, те, кого смерть лишила естественных покровителей; это также были те, кого апостолы особенно горячо рекомендовали к христианской милости, подражая древнему закону. Любая вдова старше шестидесяти лет, которая не имела достаточной поддержки в семье, по приказу святого Павла записывалась в книгу бедных, обслуживаемых каждой церковью — в том числе и сирот, стариков без опоры, больных и тех, кто не мог прокормиться своими трудом. Даже уже начали возникать связи милосердия между самыми отдалёнными церквями. В 44 году от Р. Х., когда в Палестине случился голод, унесший множество жизней, христиане Антиохии собрали обильные пожертвования для иудеев, которые они отправили через Павла и Варнаву.

Они не были единственными, кто подал этот пример. Елена, прелат среди иудеев и царица Адиабены в Сирии, в то же время прислала своим соплеменникам зерно из Александрии и инжир с Кипра и распределила эти продукты среди бедных Иерусалима. Однако еврейская

благотворительность истощалась быстрее, чем христианская. Примерно через пятнадцать лет, когда новая засуха постигла Иудею, святой Павел, в это время основывавший церкви в Малой Азии, Македонии и Греции, решил испытать щедрость новых верующих и направить её на пользу делу, которое он проповедовал. Если его план удался, то не только христиане Иерусалима будут избавлены от тяжёлого испытания, но, получая помощь от обращённых язычников, они убедятся в призвании язычников к вере, которое до этого оставалось для них почти тайной и даже скандалом. В щедрой поддержке со стороны новых братьев они увидят плоды живой и достойной спасения веры.

Святой Павел приступает к делу. Он просит христиан Галатии, Македонии и Ахайи делиться своими материальными благами с теми, кто получил духовные дары гораздо более высокой ценности, и помочь им в голодное время, чтобы позже и они получили помощь, создавая равенство. Святой Павел понимал, что из маленьких пожертвований складывается большая помощь: то, что кажется дорогостоящим, если собрать всё сразу, постепенно и незаметно становится доступным даже для средних возможностей. Поэтому он призывает верующих не ждать его прихода или прихода его посланцев для сбора милостыни, а откладывать каждое воскресенье часть своих сбережений, увеличивая этот маленький капитал до момента, когда его нужно будет передать.

Чтобы сохранить полную свободу и избежать подозрений, он приглашает их самим назначить человека, который доставит их пожертвования в Иерусалим. Так он использует все возможности для активного и плодотворного проявления их щедрости и демонстрирует пример усердия и предусмотрительности, которому апостолы милосердия могут подражать во все времена. Результат превзошёл все его ожидания. Он свидетельствует о верующих Македонии, что, несмотря на многочисленные испытания, они отдавали от сердца и по возможности, а иногда и сверх того, и казались богатыми своей щедростью. То же самое он говорит о верующих Ахайи и Галатии, и похвалы, которые он всем даёт, не оставляют сомнений, что цель была полностью достигнута.

Кто не восхитится этими первыми чудесами христианской благотворительности, которые, несмотря на удалённость мест и трудность дорог, уже преодолевали один из самых страшных бичей? Веря, не переставая, в скорое приближение конца времён, в ожидании звука последней трубы и интересуясь лишь предвестниками великого дня, они оставляли свои обычные занятия — лишние, как им казалось, для тех, кто в любой момент мог быть призван к своему Искупителю; их дни проходили в праздности, иногда в греховных развлечениях, и когда их ресурсы иссякали, они рассчитывали на милосердие братьев. «Мы узнаём, — говорит святой Павел христианам Фессалоники, — что среди вас есть те, кто вмешивается в чужие дела, живёт распущенно и не занимается никаким трудом». Так что даже, казалось бы, невинная ошибка всегда имеет печальные последствия.

Эта вера в близкий конец мира, которая у одних способствовала отрешённости, у других — лени, если умножала милостыню богатых, одновременно увеличивала число бедных; если наполняла сокровищницу Церкви, она опустошала её ещё быстрее, и постепенно милосердие устало бы кормить столько благочестивых ленивцев. Святой Павел стремился предотвратить это. Успокаивая чрезмерное ожидание верующих, он напоминал им об обязательстве усердного труда, которое он непрестанно проповедовал и словами, и примером: «Мы никогда не ели чужой хлеб; мы предпочитали трудиться день и ночь, чтобы ни на кого не быть обузой, и хотя имели право быть обеспеченными вами, мы хотели служить вам примером. И когда мы были с вами, мы прямо говорили: если кто не хочет трудиться, пусть и не ест».

Он призывает их трудиться спокойно не только для пропитания, но прежде всего по долгу: ради Господа Иисуса Христа, ради уважения к своему достоинству как христиан, чтобы ни от

кого не зависеть, и, наконец, из милосердия к братьям, чтобы иметь возможность давать. Он идёт дальше: он требует исключить из общения Церкви тех, кто нарушает эти предписания. «Если кто не хочет слушаться того, что мы приказываем в этом послании, отметьте этого человека и не общайтесь с ним, чтобы ему было стыдно. Мы приказываем вам, именем Господа Иисуса Христа, отделиться от всякого брата, чья жизнь распущенна и противоречит учениям, которые он получил от нас». Исключение из Церкви означало прежде всего исключение из святой трапезы, а значит — и из предшествующих ей трапез милосердия. Оно также лишало регулярной доли от пожертвований верующих; все блага христианского общения прекращались для того, кто сам себя исключил своим безобразным поведением. Ему могли помочь в крайней нужде, как язычнику, но он терял право на регулярную поддержку.

Вдовы, которым помогала Церковь, также были обязаны трудиться на благо общины. От них требовалось совершать добрые дела, проявлять гостеприимство, помогать страдающим, и в целом искать все возможности делать добро. Бедный был ещё более строго обязан уважать права ближнего, и защищён от всех склонностей, которые могли бы повлечь за собой нарушение этих прав. Долг милосердия, по словам Павла, включал, прежде всего, долг справедливости; долг отрешённости и презрения к миру был предписан бедному так же, как и богатому. Апостолы учили его довольствоваться малым, соединяя это с благочестием как величайшим приобретением; они показывали любовь к богатству как источник множества ненужных желаний, ведущих к гибели, и призывали довольствоваться бедностью или изобилием, радоваться, что есть чем питаться и чем одеваться, и прежде всего, стремиться к вечной жизни.

Сам Иаков, после строгих наставлений богатым своего времени, бедных учил лишь терпению в страданиях: «Но вы, братья мои, проявляйте терпение до пришествия Господа; не жалуйтесь друг на друга, чтобы не быть осуждёнными; учитесь у пророков переносить страдания с твёрдостью». Каждое новое религиозное учение, если оно казалось благоприятным для угнетённых, вызывало у них надежды, которые часто приводили к восстаниям — как, например, крестьянские бунты и эксцессы анабаптистов в XVI веке. Не меньше в начале христианства рабы и бедные могли надеяться на освобождение и перераспределение имущества. Апостолы спешили рассеять эти опасные надежды: они проповедовали не равенство, а милосердие; не отмену прав, а правильное пользование ними; не изменение социальной организации, а соблюдение долга каждого.

«Да будет каждый покорен установленной власти, — говорит Павел угнетённым христианам при Нероне. — Слуги, почитайте своих господ и служите им с уважением; если у вас верующие господа, служите им ещё лучше». Апостолы не стремились немедленно освободить рабов; они учили их выполнять свои обязанности с новой законом любви и совести: «Да остаётся каждый перед Богом в том состоянии, в котором он был, когда Бог призвал его». Таким образом, Евангелие утверждает права и условия собственности, исходя из одного принципа: «Земля со всем, что в ней, принадлежит Господу». Бог — источник и хозяин всех благ; Он гарантирует их распоряжение, но требует исполнения условий. Бог говорит богатому: эти блага принадлежат тебе, но кому они даны? Кто направил события, чтобы ты стал их обладателем? Кто обеспечил процветание тебе и твоим предкам? Всё, что ты получил, дано и для братьев; и если ты ущемил их в этой жизни, можешь лишиться того же и в жизни будущей.

Так Евангелие освящает права и обязанности каждого, делая человека ответственным перед Богом за всё, что он получил, и призывая делиться с нуждающимися.

Глава III. Благотворительность во II и III веках.

Принципы, которые мы наблюдаем, установленные во времена апостолов, продолжали оставаться таковыми в течение двух последующих столетий. Были лишь попытки внедрить в Церковь некоторые иные элементы. Те же философские школы, которые в то время стремились внедрить в христианство чуждые его сути догматические элементы — одни дуализм, другие пантеизм Востока — пытались также внедрить соответствующие этим учениям моральные принципы. Клементий Александрийский охарактеризовал их точно и кратко: «Гностические секты, – говорит он, – склонны к одному из двух крайностей: либо к преступному безразличию к нравам, либо к чрезмерному воздержанию, основанному на нечестивых принципах ненависти к творению».

Одни из них, противопоставляя принцип добра, создателя невидимого мира, принципу зла, которому приписывали создание материального мира, считали всякое наслаждение земными благами уступкой этому злому принципу. Другие, отождествляя Бога с Вселенной и, следовательно, производя всё из Бога — и добро, и зло, — видели в беспорядочной, распущенной похоти вершину мудрости. Всё лишать себя или всё позволять себе — вот два крайних подхода гностических сект, и оба они одинаково приводили к отрицанию частной собственности. Действительно, индивидуальная собственность оспаривалась гностическими сектами по двум направлениям: дуалистическими сектами маркионистов и манихеев с одной стороны, и пантеистическими сектами карпократиан, продиков, ложных базилидиев — ветвями египетского гностицизма — с другой.

Однако Церковь всегда отвергала такие првила. Лактанций относил к числу смертельных ошибок Платона, что он установил абсолютное сообщество имущества: «Система хороша в отношении женщин, – говорит он, – но несправедлива в отношении имущества, так как благоприятствует праздным и расточительным за счёт трудолюбивого и бережливого». Святой Клемент Александрийский, противопоставляя в своих «Строматах» истинного гностика — последователя Иисуса, обученного апостольскому учению — ложному гностику, поглощённому восточными фантазиями, в другом трактате доказывает законность владения и пользования имуществом.

Эпифан, сын и преемник Карпократа, опубликовал около 125 года н. э. книгу «О справедливости», в которой определял справедливость как сообщество с равенством, и, следовательно, обосновывал сообщество имущества и женщин. В Ливии, в Киренаике, были найдены надписи, относящиеся, вероятно, к этой секте, в которых говорится: «Источник справедливости — жить счастливо в сообществе; сообщество имущества и женщин — источник божественной справедливости и совершенного мира для тех, кого Зороастр и Пифагор избрали жить сообща».

Церковь того времени отвергала любые преувеличения и неправомерные толкования слов Иисуса: «Слова Иисуса молодому богатому не следует понимать буквально, но в глубоком смысле: Продай то, что имеешь. Не бросать свои богатства, а отказаться от ложных представлений о них, от чрезмерной привязанности и жадности. Это новый завет: очистить сердце от пороков и извлечь всё чуждое. Философы отказывались от богатства, но увеличивали свои пороки; Иисус советует сделать лучше — использовать имущество для пользы ближнего».

Святой Киприан и Ориген, более строго следовавшие аскетическим традициям, понимали это как совет, а не обязательство: это акт добродетели, а не предписания, произведение высшей степени самоотречения и любви. Они хвалят Закхея, который сохранил часть своего имущества, Авраама, богатого землёй и рабами, но практиковавшего гостеприимство. Ориген объясняет Цельсу, что Иисус, говоря о трудности богатых войти в Царство Божие, не

хвалит бедных и не осуждает богатых, а лишь тех, кто коррумпирован богатством и не умеет нести его бремя. Богатство добро, когда оно служит для дела добра.

Таким образом, Церковь того времени единогласно признаёт законность богатства как в гражданском, так и в христианском смысле: оно неприкосновенно для тех, кому Бог его даровал, и милостыня является полностью добровольным и свободным актом, который никто не может требовать, кроме Того, кто дал всё. Даже при том, что Церковь напоминает всем о религиозном обязательстве делиться, она не считает возможным применять принуждение. Как говорит мученик Иустин: «Наши богачи дают, когда хотят, и что хотят». Тертуллиан: «Каждый из нас приносит скромное пожертвование раз в месяц или когда хочет; никто не принуждается, каждый делает это добровольно».

Иринеус подчёркивает характер добровольности христианской милостыни, который отличает её от еврейской, делая её в этом отношении выше: «У евреев были жертвоприношения, у христиан тоже, но разница в том, что там жертвовали рабы, здесь — свободные люди. Евреи обязаны платить десятину; христиане, освобождённые Иисусом, посвящают всё добровольно и от сердца, делясь с бедными». Таким образом, речь идёт не о полной общности, исключающей всякую собственность, а о сообществе интересов и привязанностей, которое побуждает максимально помогать ближнему.

Ни у кого, следовательно, среди христиан, не было права требовать милостыни как долга; бедные должны были ждать её с терпением и покорностью щедрости своих братьев и выражать благодарность сначала Богу, источнику всех благ, а затем своим братьям, как за милость, которую каждый имел право им отказать. «Пусть рабы, — говорит святой Игнатий, — не просят выкупа из сокровищницы Церкви, чтобы не оказаться рабами жадности. Пусть они остаются в своём положении и служат с ещё большим рвением для славы Божией». «Пусть бедный, — говорит Ермас, — приносит Богу молитвы и благодарственные действия за богатого».

Апостольские Конституции, первые шесть книг которых содержат обычаи и правила, действовавшие в Церкви до эпохи Константина, также рекомендовали вдовам и сиротам принимать с почтением помощь, которую им оказывали, и благодарить за неё Бога; епископ должен был сообщать бедным имена их благодетелей, чтобы они могли молиться за них лично. Что касается «завистливых и злословящих вдов, которые, вместо того чтобы призывать благословения Божии на своих благодетелей и их епископа, расспрашивали, что получили другие, и жаловались на несправедливость распределителей милостыни», — они считались «злонамеренными душами, не принадлежащими Христу». Те же Конституции предписывали помогать каждому бедному не по его капризам, а согласно его истинным потребностям (о чём должны были судить только епископы и диаконы), и таким образом обеспечивать его материальное и нравственное благо. «А вы, молодежь Церкви, — добавляли они, — усердно трудитесь, чтобы обеспечивать свои нужды, и с полной святостью занимайтесь своим делом. Бог ненавидит ленивых… Следовательно, те, кто беден из-за своей неосторожности, пьянства или безнравственности, не заслуживают помощи; они не достойны даже быть членами Церкви».

Святой Климент Александрийский отмечает, что те, кто притворно демонстрируют бедность, подражая ей лишь внешне, не имеют истинного отношения к христианской милости. Последствия бедности, по его мнению, не должны нарушать принцип Божьей справедливости и любви к людям, а должны воспитывать принцип человеческого братства и взаимной любви. Лактанций пишет: «Я изложил то, что принадлежит Богу, теперь скажу, что принадлежит человеку; хотя эти два долга по сути составляют единое, поскольку человек создан по образу Божию. Бог, создав человека в состоянии зависимости и слабости, дал ему также чувства, ведущие к любви, взаимопомощи и поддержке ближних против всех

опасностей. Эта священная связь, которую нельзя нарушить без греха, связывает всех людей родственными узами, и мы должны не только воздерживаться от причинения вреда друг другу, но и всегда быть готовы помогать друг другу, обеспечивая бедным средства к жизни и помощь страждущим».

«Мы все по природе — ближние друг другу, — говорит Ориген, — но через дела милосердия тот, кто может делать добро, становится особенно ближним бедному. Милость всегда направлена к Богу, от которого она берёт начало, и к ближнему, чья природа участвует в нашей. Таким образом, взаимная любовь, которой мы обязаны друг другу, хотя и может иметь разные степени, должна в первую очередь охватывать добрых людей и, в конечном счёте, всех людей, включая врагов и тех, кто находится в узах неправды, поскольку права родства с ними сохраняются».

Ермас учит: «Творите добро всем, давайте бедным с чистым сердцем; ибо Бог хочет, чтобы давали всем из Его благ». Св. Киприан добавляет: «Будем в нашей щедрости подобны нашему Небесному Отцу, который справедливо делит солнце, дождь и все общие блага». Следуя этому порядку, подражая Божьей неиссякаемой щедрости и заимствуя этот благой атрибут, христиане могли наиболее полно соединиться с Ним, выражая одновременно восхищение и благодарность: «Кто сможет восхвалить любовь Божью? Кто сможет достойно воспеть её красоту и величие? Кто сможет оценить, насколько она возвышает нас, соединяя с Богом?»

Апостол Иреней подчеркивает: ни у кого среди христиан не было права требовать милостыню как долга; она должна была быть актом добровольной любви. Бедные должны были благодарить Бога за щедрость ближних, а не требовать её, и получать помощь согласно истинным нуждам, с полным доверием к воле Бога и заботе Церкви. Милосердие и помощь бедным рассматривались как возможность подражать Богу, проявляя любовь и заботу о ближнем, который, по сути, является образом Христа, страдающего за человечество. Таким образом, христиане видели в своих бедных братьях возможность служить Богу, проявляя добродетель и братскую любовь, и должны были воспринимать все деяния помощи как акт поклонения и благодарности Создателю.

Однако «не знали ли они этого? — спрашивали — только таким образом, по мнению Церкви, они могли присвоить себе блага искупления. «После крещения, — говорит святой Киприан, — у нас не было бы никакого средства для искупления наших постоянных грехов, если бы Божественное сострадание не научило нас делам справедливости и милосердия как пути спасения, и милостыне как способу очистить пятна наших пороков». «Накормить голодного, одеть нагого, открыть дом для странников и тех, кто лишен крова, оказать помощь сиротам и вдовам, выкупить пленных, посещать и заботиться о больных бедняках, обеспечить погребение умерших — вот, — говорил Лактанций, — жертва, действительно приятная Богу, который умиротворяется благочестием Своих детей гораздо сильнее, чем кровью жертв», и который, как говорит Иустин Мученик, «не требует, чтобы мы использовали для себя только то, что Он создал для нашего пропитания, но чтобы мы служили им как себе, так и нищим».

Но что же! — возражали Лактанцию — разве я должен так расточать богатства, накопленные мной или моими предками тяжелым трудом, чтобы самому нуждаться в милости моих братьев? — «Трусливый человек! — отвечает он, — ты боишься бедности, той бедности, которую философы превозносили как самое спокойное из состояний. Наоборот, то, чего ты боишься, — это отброс против всех тревог. Разве не знаешь ты, сколько опасностей таят в себе твои богатства, и как часто они приводят к смерти? Обремененный этим добытым имуществом, ты идешь по миру, полный зависти даже со стороны собственных родственников. Что мешает тебе поместить свои сокровища в надежное место, доверив их Богу, перед Которым тебе больше не угрожают ни воры, ни

ржавчина, ни тираны? Тот, кто богат перед Богом, никогда не беден…» Впрочем, тебе не велено уменьшать или расточать свое наследство, а только использовать его с наилучшей пользой — отдавая то, что ты потратил бы на пустяки, на дела добродетели. Из того, что ты купил бы и кормили диких зверей для цирка, — накормить бедняков, выкупить пленных; из того, что ты направил бы на несчастных, обреченных на меч, — позаботиться о погребении умерших. Из тленных благ соверши Богу благородную жертву, чтобы получить вечное вознаграждение».

«Великое и возвышенное дело, — восклицает Киприан, — которое делает Бога нашим должником!». «Прекрасный обмен, — говорит Гермас, — совершается между богатым и бедным: богатый дает бедному то, в чем он нуждается, а бедный, в свою очередь, обогащает его своими молитвами. Так виноградная лоза украшает и питает шелковицу, на которую она опирается». «О, богатый! — добавляет Климент Александрийский, — разве ты не заключишь этот драгоценный договор?.. Ты, чьё спасение ежедневно под угрозой из-за творений, создай себе безопасную и мирную армию стариков, благочестивых сирот, добродетельных вдов, избранных душ, которые скрыты от глаз людей, хотят быть святыми без показухи; и здесь, на земле, живут как в изгнании, в ожидании дня, когда они будут соединены с Богом…»

«Вот храбрые хранители, которые тебе нужны. Никто не празден, никто не бесполезен; один будет молиться за твое спасение, другой будет сострадать твоим бедам, третий — стонать за тебя в лоне Бога; столько бедных, которым оказана помощь, столько для тебя адвокатов и заступников перед Верховным Судьей». «Ах! — говорит Киприан, — как велика будет твоя слава и радость в последний день, когда Господь, проходя перед Своим народом, воздаст твоим заслугам и делам обещанную награду — вечные и небесные блага за временные и земные, и откроет тебе Царство Небесное».

Эти красноречивые наставления, из которых приведенные цитаты дают лишь очень неполное представление, получали новую силу из положения тех, к кому они обращались. Изолированные среди враждебного и преследующего мира, они тем более чувствовали необходимость держаться друг за друга и оказывать друг другу помощь против всех бед.

Иустин Мученик изображает метаморфозу, которая произошла в этом отношении среди учеников Иисуса: «Все мы, — говорит он, — которые раньше жили только ради земных благ, теперь щедро делимся с бедными тем, что имеем». Тертуллиан, в свою очередь, показывает дом каждого христианина с открытой для всех братьев трапезой и амбарами; христианские женщины спешат везде оказывать помощь бедным и посещать самых скромных из них. Однако, хотя эти индивидуальные милостыни, возможно, составляли тогда большую часть даров, распределяемых по милосердию, они нам менее известны, чем коллективные добрые дела. Именно их мы должны в первую очередь восстановить.

Письмо Плиния императору Траяну подтверждает сохранение Агап или трапез милосердия в церквях Малой Азии. Множество других свидетельств также подтверждают существование этой практики в большинстве христианских общин и дают ценные сведения о духе, который продолжал ей руководить. Апостольские Конституции рекомендуют тем, кто хочет пригласить пожилых женщин на свои Агапы, приглашать прежде всего тех, кого диаконы укажут как наиболее нуждающихся. «Само название этих трапез, — говорит Тертуллиан, — раскрывает их назначение. С их помощью мы поддерживаем бедных не так, как вы кормите своих паразитов, продавая им пропитание с тысячью унижений, а как достойных всех почестей и уважения, которых смирение лишь подчеркивает перед глазами Господа. Здесь нет ничтожного, нет непристойного: за стол садятся только после молитвы; едят лишь столько, чтобы утолить голод; говорят только с осознанием, что их слышит Бог; и к этим

благочестивым беседам добавляется чтение Его слова и песнопения в Его славу. И расходятся не для распутства, а чтобы вернуться к своей обычной мирной жизни».

Хотя иногда, по свидетельству Климента Александрийского и Тертуллиана (позже ставшего монтанистом), тщеславие некоторых богатых приводило к таким приготовлениям, которые нарушали строгость и простоту первоначальных трапез, нельзя отрицать, что это касалось скорее похоронных Агап, подражавших погребальным трапезам язычников; другие же, как отмечал сатирик Луциан, носили одновременно благочестивый и благотворительный характер.

Однако в рассматриваемый период Агапы не проводились ежедневно, а сама Евхаристия, особенно с II века, также не совершалась регулярно. Но даже в этих случаях нужда бедных не забывалась: заботу о хлебе и вине для таинства обычно поручали верующим, и было принято предлагать на алтарь больше, чем необходимо для совершения таинства; излишки, отложенные для содержания клира и бедных, распределялись диаконами. Имена жертвователей записывались в диптихах и зачитывались вслух во время молитвы освящения. Этот дар, называемый жертвой, в некотором роде заменял жертвы, которые приносили иудеи в свои праздничные дни. Он особенно щедро совершался в честь друзей или родственников, чьи похороны отмечались, и особенно в день мученической кончины или, как тогда говорили, рождения мучеников.

Помимо этих приношений для Евхаристии или Агап, делавшихся наиболее обеспеченными членами общины, было принято, чтобы каждый верующий еженедельно или ежемесячно передавал диакону или епископу пожертвование, пропорциональное своим средствам, для распределения среди бедных. «Если Бог, — говорится в Апостольских Конституциях, — освободил вас от бремени обрядового закона, Он не освободил вас от взносов священникам и от благотворительности по отношению к бедным. Люби ближнего как самого себя. Дай бедным необходимое… Не показывайся пустым перед священниками, а предлагай свои добровольные дары, отправляй в Корбан то, что можешь».

Эти Конституции даже упоминают приношение первых плодов и десятины, которые многие христиане продолжали, по обычаю, брать с урожая для содержания нуждающихся. Когда этих обычных ресурсов не хватало, когда возникала новая и неотложная нужда или большое несчастье, прибегали к общим сборкам, где каждый жертвовал продукты своего труда; кто не имел средств, был призван поститься и отдавать своим братьям то, что они экономили на своей обычной пище. Иногда вся община приглашалась участвовать в этом посте.

Наконец, многие пожертвования совершались в торжественных обстоятельствах, например, когда Церковь принимала новых обращённых. Святой Киприан, при своём крещении, продал на пользу бедным все свои земельные владения, и даже сады, которые он имел возле Карфагена. Святой Григорий Чудотворец, когда захотел посвятить себя уединённой жизни, отказался от всех своих богатств. Многие евангелисты, отправляясь в свои миссии, распределяли своё состояние среди бедных. Маркион, в пылу первоначального усердия, пожертвовал Церкви двести тысяч сестерциев, которые ему были возвращены после его отлучения.

Мы, конечно, не претендуем на то, чтобы утверждать, что эта благотворительность никогда не претерпевала спадов. Она имела их даже во времена апостолов; тем более они имели место, когда первая ревность начала ослабевать и когда новообращённым предъявлялись менее суровые испытания. Периоды внешнего спокойствия редко совпадали со временем наибольшей внутренней добродетели Церкви. Союз, любовь ближнего ослабевали вместе с пылом; дух самопожертвования, менее вызываемый обстоятельствами, постепенно угасал; забота о частных интересах начинала превалировать над общим благом. В период мира,

предшествовавшего гонению при Деции, многие верные, по свидетельству святого Киприана, забывая примеры первобытной Церкви, позволяли сердцу увлечься любовью к богатству, закрывали его для порывов милосердия и думали лишь о том, как приумножить своё имущество, иногда прибегая к обману и ростовщичеству. Те же тревожные проявления повторялись, по словам Евсевия, перед гонениями Диоклетиана. Однако спешим добавить, что такие эгоистические настроения редко были характерны для большинства, и даже в те времена, когда христианская благотворительность была наименее активна, её щедрость всё ещё резко контрастировала с застарелым эгоизмом языческого мира.

Хотя каждый имел свободу раздавать бедным напрямую, доходы от регулярных пожертвований верных, а также средства, собранные между ними, обычно поступали в общую кассу. В то время Церковь копила мало. Всегда под угрозой разграбления со стороны язычников и полагаясь на милосердие своих членов, она щедро удовлетворяла текущие потребности, оставляя на будущее заботу о том, что касалось будущего. После мученической смерти папы Сикста I святой Лаврентий, его диакон, предвидя собственное мученичество и разграбление своей церкви, собрал всех бедных, которых смог найти в Риме, и распределил между ними церковное сокровище, даже не щадя священных сосудов, которые он продал, чтобы помочь им. Префект Рима, узнав о такой щедрости и не сомневаясь, что христиане могут иметь ещё более крупные сокровища, приказал диакону передать их ему. Святой Лаврентий попросил три дня; по истечении срока он показал префекту, выстроив их перед церковью, слепых, хромых, увечных и всех нуждающихся, которых Церковь кормила, сказав: «Вот наши сокровища; пользуйтесь ими для Рима, для императора и для себя». Этот благородный ответ был принят как дерзкий улов, и диакон был приговорён к смерти на костре.

Епископ, как глава Церкви, отвечал за управление её доходами. Он обычно делил их на три равные части: одна шла на содержание служителей культа, вторая — на расходы самого культа, третья — на помощь бедным. Последняя распределялась ежедневно и на дому диаконами под надзором епископа: либо тем, кто нуждался во временной помощи, либо тем, чьё положение, возраст или болезни оставляли им только помощь Церкви как обычное средство существования. Чтобы избежать всякого вмешательства и мошенничества, их имена заносились в специальный реестр, который позже получил название «матрикуля» или «каноническая книга». Диаконы должны были указывать возраст, пол, профессию и положение каждого нуждающегося и собирать максимально точные сведения.

На первом месте среди получателей помощи стояли, естественно, щедрые исповедники, которые возмещали свою верность через конфискацию имущества, изгнание или оковы. Апостольские конституции особенно рекомендовали их к милосердию верных. Святой Киприан, сам находясь в изгнании по этой причине, призывал своё духовенство не оставлять их без поддержки в тюрьме и помогать бедным, которые оставались верными и подвергались гонениям за имя Христово. Каждый старался помочь им, приютить их, приносить пищу, оказывать поддержку перед судьями и сопровождать их в последний час. Жестокие указы Деция, Диоклетиана, Лициния не могли этому помешать. Так Ориген, Иустин, Феодот, Анастасия и многие другие предавались ненависти язычников и заранее посвящали себя мученичеству. Даже если допустить, что единственным мотивом христиан был дух сострадания, человечество выигрывает от того, что объединение, взаимное преданность и любовь к добру вдохновляли их на героическую деятельность.

После исповедников веры главными объектами христианской благотворительности были семьи, оставшиеся без поддержки из-за пленения или мученичества их глав. Это было естественно и справедливо. Как говорил Лактанций, «христианам нужно было быть полностью уверенными в судьбе наследства, оставленного ими, чтобы они могли без сожаления рисковать жизнью ради истины и справедливости». Мы видим, что Ориген после

смерти отца и конфискации его имущества был принят в дом христианки, которая щедро заботилась о его образовании. Аскет Селеук, прежде чем самому предстать мучеником, полностью посвящал себя служению вдовам и сиротам исповедников и был их защитником и отцом. Во всех церквях значительная часть сокровищ шла на помощь бедным. Все бедные или больные вдовы старше шестидесяти лет, а также более молодые, если они не вступали в новый брак и жили целомудренно, были включены в список получателей церковной помощи. То же самое относилось к детям, лишённым родителей; если никто из частных лиц не брал на себя их воспитание, они передавались епископу, который должен был заботиться о них, обучать ремеслу, давать средства к существованию и снабжать необходимыми инструментами. Девушки воспитывались до брачного возраста и могли быть выданы замуж с одобрения церкви, чаще же их призывали к вечному целомудрию и включали в список церковной помощи, формируя таким образом своего рода «клерикальный порядок», живший за счёт алтаря.

Подопечные Церкви включали почти всех, кто нуждался в помощи, а также сирот и девиц. Церковь обучала их, давала профессию и воспитывала в вере, в то время как языческий мир подвергал их насилию в гладиаторских школах и борделях, а Церковь готовила их к достойной жизни. Позднее святой Иероним, возражая противникам религиозного целибата, говорил: «Мир полон, земля больше не может нас вместить… поле сеется лишь для того, чтобы быть собранным… каждый день войны и болезни убивают нас». Можно услышать от него тот же принцип, что и у апостолов: Церковь, заботясь о вдовах и бедных девицах, стремилась уберечь их от опасного поиска поддержки в браке, избавить от нужды и греха, предотвратить дополнительные социальные проблемы и решить проблему, которую языческий мир разрешал посредством выкидышей и детоубийства.

Никогда эти соображения не перевешивали более важные интересы; никогда страх способствовать увеличению населения не заставлял Церковь отказывать в помощи тем, кто действительно нуждался; никогда она не наказывала за неосторожность. Женщины, оказавшиеся в бедности из-за большого числа детей, как и другие, были рекомендованы к милосердию христиан. Так, через этот вид просветительного и практического служения, который является самым достойным из всех, Церковь всегда и во все времена твердо укреплялась среди языческих народов. Она по-прежнему включала в число своих подопечных стариков, инвалидов, больных, лишённых всякой иной помощи, в общем, всех, кто был неспособен к труду, в то время как ограничивалась предоставлением дополнительной помощи лицам, способным работать, чьей работы не хватало для содержания семей.

Корнелий, епископ Рима, сообщает нам, что около середины III века его церковь обычно содержала, кроме многочисленного клира, более полутора тысяч бедных, как вдов, так и людей, страдающих от различных бедствий. Другие церкви, несомненно, помогали пропорционально своим возможностям. Если же к обычным бедам человечества добавлялось какое-либо чрезвычайное и общественное несчастье, дух милосердия, растущий вместе с бедой, сталкивался с новыми потребностями. В III веке, вследствие непрерывных войн, ведённых Галлиеном, и вызванного ими голода, в Александрии вспыхнула заразная болезнь.

Язычники, поражённые один за другим столькими бедствиями, предавались слепому и глупому страху, который у грубых масс вытесняет всякое другое чувство, кроме чувства опасности. Не человеколюбивые по излишку страха, они, по словам святого Дионисия Александрийского, «отталкивали из своих домов тех, кто начинал заболевать, оставляли самых близких друзей, выбрасывали на улицу несчастных, ещё дышащих, отдавали на растерзание собакам тела без погребения, надеясь таким образом, но тщетно, избежать поражения болезнью».

Христиане, напротив, видя в этом бедствии, как и во всех несчастьях жизни, испытание, посланное свыше для укрепления их терпения и веры, воспринимали его спокойно и смело противостояли ему. Охваченные горячей любовью к ближнему и забыв обо всём ради себя, многие из них посещали больных день и ночь, ухаживали за ними ради любви к Иисусу. Священники, дьяконы, миряне и среди них наиболее уважаемые из паствы, умирали жертвами инфекции, радуясь возможности отдать свою жизнь за друзей и братьев. Другие, обнимая на руках усопших святых, закрывали им глаза, переносили на плечах, омывали, заворачивали в саван, пока сами не были поражены и получали от выживших ту же заботу.

Несколько лет ранее, во времена правления Галла, чума в Карфагене выявила подобный контраст между христианами и язычниками. Пока последние, разделённые между страхом и скупостью, занимались лишь избеганием контакта с больными и захватом трупов, епископ Киприан оставался среди своей паствы, разделяя опасности, и благодаря своим трогательным наставлениям поддерживал доверие и вдохновлял на самоотверженность верующих. Все, как отмечает его биограф, стремились следовать за ним и жертвовать собой ради братьев и членов Христовых. Их обязанности распределялись в соответствии с положением и средствами каждого. Те, кто не могли дать деньги, делали больше — отдавали себя для ухода за больными. Эти святые проявления милосердия продолжались на протяжении всего периода эпидемии, которая не прекратилась даже после смерти Киприана.

Другая возможность испытать милосердие паствы представилась знаменитому епископу в 255 году, когда варвары вторглись в некоторые города Нумидии и увели множество христиан обоих полов, страдавших от ужасов плена. Нумидийские епископы, не в силах уплатить выкуп, обратились к епископу метрополии. Никогда просьба о помощи не встречалась с большей благодарностью, чем эта. «Будьте благословенны», — ответил им Киприан, — «за то, что показали нам поле, где мы можем посеять семена, чтобы получить обильный урожай. Вот сто тысяч сестерций (около шестнадцати тысяч франков), собранные мною среди клира и народа этой церкви, которой я руковожу. И если вас будут угрожать новые опасности, мы готовы выслать помощь снова. Всё, что мы просим взамен — это ваши молитвы».

Но чудеса милосердия проявлялись не только в пределах одного города или одной провинции. Мы видим, что уже во времена святого Павла христианская благотворительность не знала границ. Церкви, основанные по всей территории Римской империи, поддерживали между собой самые братские и тёплые отношения. Любой христианин, куда бы он ни отправлялся, при наличии рекомендательного письма, удостоверяющего его принадлежность к вере, был уверен найти у братьев заботу и гостеприимство. Любая церковь в беде получала помощь от своих «сестёр»; расстояния словно сокращались, горы опускались, моря сжимались, чтобы облегчить этот обмен благами, осуществлявшийся от одного конца империи до другого.

«Какой же христианин, — писал святой Климент Римский к верным Коринфа, — не восхищался великолепием вашей гостеприимной заботы? Вы всегда спешили дать, а не принять; никакое доброе дело не было для вас тяжким; вы постоянно готовы ко всякого рода добрым делам». Позже церковь Рима сама получала такие же свидетельства от Коринфа. Перед лицом столь беспристрастного и всепроникающего милосердия, чуждого любой предвзятости по месту или происхождению, христиан, любящих и помогающих друг другу как братья, простые язычники были поражены и почти возмущены. Такое тесное единение чувств, несмотря на то, что люди никогда не встречались, казалось им магическим заговором против остального человечества. «Смотрите, — говорили они, — как они любят друг друга, как обращаются друг с другом как с братьями и сестрами и готовы умереть друг за друга». Для этой толпы это казалось самым невероятным.

«Истинно, — отвечал им Тертуллиан, — эта братская любовь удивляет вас, тех, кто умеет лишь ненавидеть и посягать на жизнь друг друга. Наша братская любовь поражает вас, потому что у нас она не ведёт к кровавым трагедиям, а мы считаем друг друга братьями в общих интересах, которые так часто разрушают узы братской любви у вас. Но когда вы видите в этом доказательство общего и преступного ненависти к вам, признаёте это заговором против человеческого рода, вы забываете, что сами являетесь объектом нашей любви; христианская любовь охватывает вас и весь мир, который в наших глазах есть великая республика».

Христианская любовь, хотя, без сомнения, была теснее среди самих христиан, могла подниматься над различиями в культуре и проявляться ради любви к Богу даже к тем, кто Его не признавал и кощунствовал против Него. Даже иудеи, вступая в Церковь, оставляли свои исключительные и нечеловеческие предубеждения. «Наша религия, — говорили единым голосом Юстин Мученик, Афинагор, Феофил Антиохийский, — велит нам любить не только своих, но и чужих и даже врагов». «Если все любят своих друзей, — говорит Тертуллиан, — лишь христиане должны любить тех, кто их ненавидит».

Во время карфагенской чумы, о которой мы упоминали ранее, язычники, не зная, на кого свалить страдания, обвиняли в них христиан и использовали это как повод для новых оскорблений. Святой Киприан призывал паству отвечать на зло добром: «Если мы делаем добро только тем, кто делает его нам, — говорил он, — чем мы отличаемся от язычников и языческих народов? Но если мы — дети Бога, который проливает дождь на праведных и неправедных, докажем это делами: благословляя тех, кто нас проклинает, делая добро тем, кто нас преследует». Христиане Карфагена откликнулись на этот призыв, и изобилие их даров было так велико, что в нём участвовали все, включая чужеземцев и слуг веры.

При тиране и гонителе Максимине Александрия была охвачена чумой и голодом, о которых нам сохранил печальные подробности Евсевий. Богатые язычники, потрясённые множеством нищих, некоторое время щедро раздавали милостыню, но, опасаясь в конце концов самим оказаться нищими, замкнулись в непробиваемой жестокости. Два бедствия усиливались одновременно, весь город отзывался стонами и жалобами; не было редкостью видеть, как из одного дома одновременно выносят два или три трупа. Только христиане в этот период проявили действительно героическую милосердие. Хотя они, как и жители Карфагена, могли жаловаться на недавно возникшие преследования, забыв в столь великой беде несправедливость своих противников, они самоотверженно занимались погребением умерших, которых улицы города были полны; другие, собирая на площадях несчастных, истощённых голодом, раздавали хлеб всем без различия, так что даже их враги не колебались признать, что именно они искренне служат Божеству; и вся страна отзывалась о них хвалою.

Церковь с самого раннего времени включила в число дел милосердия, которые рекомендовала, бесплатное погребение умерших: помимо причин немедленной пользы, которые могли впечатлить любого, она видела глубокое значение в том, чтобы созданное по образу Божию существо было уважено даже в своей телесной оболочке, и его тело достойно возвращено земле, из которой оно было взято. Лактанций решительно выступает против тех, кто считал такие заботы излишними. Часть средств верующих выделялась на это, и с III века в Церкви образовался своего рода малый чин — «погребатели» (copiatores).

Возможно, в то время было легче возвыситься над различиями веры и национальности, чем преодолеть предрассудки состояния и рождения: видеть братьев, которых нужно поддерживать и спасать, среди сторонников другой религии, чем среди тех рабов, которых закон, обычаи и философия ставили ниже человеческой природы. Но то же Евангелие, которое говорило христианам: «Нет уже ни иудеев, ни эллинов, ни скифов, ни варваров»,

также говорило им: «Нет уже ни граждан, ни людей благородных, ни свободных, ни рабов». Через видимую деградацию человека, осуждённого к служению, оно показывало им, глазами веры, достоинство человека, созданного, как и они, руками Божьими, созданного по Его образу, призванного, как и они, к познанию и спасению.

В сердце языческого города, где человек ценился только как член этой самой общины, и где унижение двух третей человечества поддерживало достоинство оставшейся трети, христианство создало новый город, образ небесной Иерусалимской общины, где положение определялось только добродетелью, где раб порой был выше или, по крайней мере, равен по вере тем, кому он служил по миру. Между христианским хозяином и рабом не существовало различий по вере; они приходили в одно и то же святилище, возносили молитвы одному и тому же Богу, молились, пели, участвовали в одних и тех же таинствах, садились за один и тот же стол, пили из одной чаши, участвовали в одних и тех же трапезах.

Как это единение в служении Богу не могло глубоко изменить их взаимные отношения? Как хозяин мог продолжать видеть в своем рабе вещь, которой римское право позволяло пользоваться и злоупотреблять? Поэтому, какой бы сильной ни была привычка и нравы, почти невозможно было увидеть в христианских домах тех жестоких хозяев, каких описывают Сенека и Ювенал; раб не боялся ни распятия, ни пыток, ни оставления в болезни, ни пренебрежения в старости; он не опасался быть проданным в амфитеатр или на какое-либо низкое ремесло, которое Церковь осуждала и от которого она стремилась оградить своих детей.

Наконец, преданный и верный раб всегда имел надежду обрести свободу в христианском доме. Хотя среди язычников освобождение рабов иногда происходило по мотивам благодарности или привязанности, чаще всего этому предшествовали необходимость, каприз, тщеславие, корысть, иногда самые низкие расчёты, и эти бедные люди, оказавшись почти без средств в обществе, где свободный труд едва поощрялся, редко использовали свою свободу с пользой. Церковь, однако, по мере своих возможностей, защищала их: она не принимала в свои ряды тех, кто занимался ремеслами, противоречащими христианской чистоте; она отлучала гладиаторов, актёров и шутов, принимая их вновь лишь тогда, когда они брали честное занятие. Иногда Церковь сама оплачивала выкуп; так она действовала для христианских рабов или пленных, находящихся под властью языческих или варварских хозяев. Эмансипация рабов была делом менее трудным и опасным, если она осуществлялась в этом духе.

Теперь, если резюмировать все факты, которые мы перечислили: вспомнить дела христианской милосердия в течение трёх веков — эти пожертвования, которые циркулировали от человека к человеку, от церкви к церкви, от провинции к провинции; эти многочисленные списки поддержанных бедных, вдов, сирот, стариков, облегчённых больных, выкупленных пленных, освобождённых рабов; вспомнить успокоенные голод и общественные бедствия — станет очевидно, что христианское милосердие не появилось в мире напрасно. В среде римских городов, рядом с расточительным роскошью, возникали, как оазисы, сообщества, пусть и небогатые, но где никто, по крайней мере, не страдал от нужды, где все беды бедности были, если не устранены полностью, то хотя бы смягчены.

Каким необычным искусством было организовано эти сообщества! Для того чтобы защитить их от бедствия, с которым современная наука борется безуспешно, какой ловкости потребовалось основателям Церкви, какое глубокое изучение условий материального благополучия общества! Однако их усилия имели совсем другую цель. Прежде всего они заботились о духовном спасении, которое Иисус пришёл принести людям; они трудились для будущего мира гораздо больше, чем для настоящего, для интересов души гораздо больше, чем для потребностей тела, для вечности гораздо больше, чем для времени.

Но именно в этой мысли о вечности первые христиане черпали средства против бед настоящей жизни: богатые — дух бескорыстия, который заставлял их без сожаления жертвовать для братьев имуществом временным в обмен на бессмертные блага; бедные — дух смирения, который ограничивал их желания и нужды для этой жизни, терпели временные лишения в ожидании вечного счастья; все же — дух милосердия, который они надевали, как одну из главных условий спасения, и который делал их общество тесно сплочённым, непроницаемым для бедности.

Вот всё искусство первых христиан, вот вся тайна Иисуса и Его апостолов: они служили интересам человечества в настоящем тем лучше, чем, прежде всего, заботились о благах будущих. Церковь, основанная ими для духовного спасения человека, становилась тем лучше приспособленной к его земным нуждам; настолько верно, что для того, чтобы правильно управлять этим миром, нужно опираться на нечто вне этого мира, и только возрождая души, укрепляя их мыслью о небесном, можно обеспечить счастье обществ. «Благочестие, — говорит святой Павел, — имеет обещания жизни настоящей и будущей», но именно потому, что оно имеет обещания будущей жизни, оно имеет и обещания настоящей, согласно словам Иисуса: «Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, и всё остальное приложится вам».

Кроме того, эффекты христианской милосердия ощущались не только внутри общества, которое её проповедовало. Её принципы начинали, хотя и медленно, проникать в языческое общество, проявляться в общественном мнении и оказывать реальное влияние даже на законодательство и администрацию империи. Именно это предстоит нам теперь изложить.

Глава IV. Влияние милосердия на римское право в период философского права

В период римского права, который принято называть философским периодом, и который охватывает время от Цицерона до Константина, это право претерпело внутреннюю революцию, которая смягчила его первоначальную строгость и приблизила к принципам справедливости. Сначала этому способствовали завоевания и философия. Завоевания смешивали народы, стирали различия между расами, сближали победителей и побеждённых, старых и новых подданных, заставляли всех соблюдать взаимные уступки. Философия, интерпретируя эти новые отношения, формулировала и распространяла более широкие, более человечные принципы права, которые, принятые юристами, постепенно смягчали прежнюю жестокость римских законов.

Однако, по общему признанию историков римского права, ничто не способствовало так сближению права с принципами естественного права и справедливости, как незримое, но активное влияние зарождающейся Церкви. Юриспруденция модифицировалась философией, но философия сама невольно впитывала принципы милосердия. Из Церкви, где они впервые были провозглашены, эти принципы, подобно благотворным эманациям, распространялись от человека к человеку, входили в поток общественного мнения, проникали в сердца тех, кто был готов их принять, оказывали влияние на разум философов; из их душ эти идеи переходили в их речи, их труды и, в конечном итоге, в языческое общество, где эти выдающиеся люди считались своеобразными оракулами.

Невозможно не признать прогресс: что сделала моральная философия со времени Цицерона? Для Цицерона почти вся мораль сводилась к понятию справедливого и честного: не вредить другим и работать на общее благо, которое, по его мнению, прежде всего заключалось в заботе о семье и родине; вот и вся мораль. Лишь изредка и краткими вспышками он поднимался к общему понятию человечности. Сенека в этом отношении был более прямым и богатым на мысли: «Философия учит нас почитать богов, любить людей,

уважать власть одних, признавать родство с другими. Человек должен быть священной вещью для человека. Мы все лишь члены одного великого тела. Природа, породившая нас всех, сделала нас родственниками друг другу и установила закон взаимной любви».

Эпиктет добавляет: «Все люди братья по природе как дети Юпитера». Ранее кто-то сказал: «Наши рабы — наши враги; не давайте им покоя, спят ли они или работают». Цицерон же, рассказывая жестокий случай префекта Домиция с сицилийским рабом, не осмеливался ни осудить, ни похвалить. Теперь не только платоник Плутарх выступал против варварских правил старых хозяев; и стоик смягчался и гуманизировался. Сенека говорит: «Живи со своим нижестоящим так, как хочешь, чтобы твой начальник жил с тобой». Кто осмелится ограничивать благотворительность только теми, кто носит тогу? Природа велит нам быть полезными людям, будь они рабами или свободными, рожденными вольно или освобождёнными; все они граждане в более широкой родине. Везде, где есть человек, нужно делать добро.

Он также напоминает, что рабы имеют такое же происхождение, как и их хозяева; если они по телу подчинены, то по духу свободны; они не враги нам сами по себе, а становятся таковыми лишь из-за того, что мы их таковыми делаем; и он называет их своими скромными друзьями.

Какое преобразование за несколько лет! Как стоицизм с эпохи Катона стал таким мягким и гуманным, как Платон? Невозможно не признать здесь косвенное, но явное влияние христианства. Новые взгляды Сенекы и Эпиктета отражают идеи апостола Павла; возможно, они были знакомы с его учением и трудами. «Эпиктет, — говорит г. Вильмен, — не был христианином, но отпечаток христианства уже лежал на мире». То, что говорили такие люди, как Сенека и Эпиктет, имело авторитет для современников и потомков. Стоицизм, переработанный ими, был особенно признанным у юристов первых трёх веков. По Сенеке, Флорентий и Ульпиан утверждали: «Природа установила между нами родство. Все люди равны по естественному праву; все рождаются свободными. Рабство — это учреждение закона, по которому человек подчиняется против природы другому».

Юрист Юлий Павел, при Севере и Каракале, приравнивал аборты и к любому другому убийству. Просвещённые юристы проникались такими принципами; имперские законы следовали за ними. Так же как Ульпиан, при распятии христиан, говорил на «языке стоицизма», которого он придерживался, императоры, преследуя христианство, сами творили христианство, не осознавая этого. Вероятно, под влиянием христианства уже в конце I века произошло реальное смягчение участи рабов. Трудно было бы объяснить это иначе: тогда рабов было много, а не мало.

Тем не менее, принимались меры для смягчения рабства: Клавдий освобождал рабов, которых их хозяева выставляли на острове Тибр во время болезни; при Нероне чиновник получал жалобы рабов на жестокость хозяев; Адриан лишил хозяев права жизни и смерти над рабами, запретил эргастулы, разрешал допрос только тех рабов, которые были у места убийства хозяина, и запрещал продавать их для проституции или гладиаторских боёв без согласия судьи; Антонин Пий наказывал за убийство рабов без веской причины; Марк Аврелий отменил бои гладиаторов; Траян постановил, что ребёнок, рожденный в законном браке свободных родителей, не теряет свободы при выставлении.

Тот же Траян, частично из гуманности, частично из соображений общественной пользы, добавил в римский зерновой реестр имена пяти тысяч детей; для провинций была создана касса помощи бедным детям, которую родители согласны были воспитывать. Эта система была расширена Адрианом, Антонином и Марком Аврелием. Когда при Пертинаксе истощение казны мешало продолжению выплат, их компенсировали пожертвования частных

лиц. Многие завещали свои города или муниципалитетам средства для обучения и кормления детей и содержания стариков. До Адриана имущество тех, кто был осуждён за государственные преступления, полностью конфисковывалось; Адриан отдал половину им детям, а в одном случае даже вернул им всё имущество.

Антонин Пий славился безграничной благотворительностью. Марк Аврелий считал это добродетелью идеалом морального совершенства и воздвиг ей храм на Капитолии. Он говорил: «Как римлянин, я имею Рим за родину; как человек — весь мир». В его сочинениях сохранилось несколько правил, явно пропитанных духом христианства, а также меры, направленные на помощь молодым девушкам в честь его жены Фаустины. Фонд, учреждённый Траяном для таких целей, оценивался в 3 300 000 франков.

Вообще же, администрация этих императоров соответствовала общему принципу помощи ближнему. В своих усилиях по борьбе с оставлением детей, кажется, они прислушивались к протестам Афинагора. Пертинакс, чтобы сократить налоги, добровольно принимал почётные лишения. Александр Север лучше всех императоров того времени понимал, как важно следовать христианским ценностям: он считал Иисуса предметом поклонения и выбивал на стенах своего дворца одну из евангельских заповедей любви. Он проявлял щедрость к подданным, иногда необдуманную, но чаще благоразумную: открывал бесплатные школы для детей бедных семей, выдавал кредиты бедным под низкий процент или без него для покупки земли.

Он защищал найденных детей, даже рождённых в рабстве, сохранял свободу ребёнка, родившегося свободным, если родители продавали его. Диоклетиан также издавал законы против продажи детей и для сохранения свободы неплатёжеспособных должников. Даже императоры, преследующие Церковь, ощущали косвенное влияние её принципов. Следовательно, тем, кто хвалится обладанием секретами для счастья человечества, следует помнить: если их реформы терпят неудачу, винить следует не власть, а свою нетерпеливость или неудачное время для изменений. Несправедливо ставить всё общество на непрерывное испытание: оно вправе требовать предварительной проверки новых систем. Любая действительно полезная идея, удовлетворяющая глубокие потребности, сама проложит путь в мире; достаточно, чтобы её сторонники верили в неё и работали над её воплощением. Из этого небольшого очага она быстро распространяется; её успех — лучшая апология, и, получив поддержку общественного мнения, она вскоре обретает власть.

Так действовала Церковь первых веков. Она не стремилась свергнуть старое общество, ограничиваясь правом на существование; не меняла старые отношения, но создавала новые рядом с ними; вводила новые добродетели, новые обязанности для своих членов, осуществляла реформы внутри своей общины и полагалась на естественный прогресс общественного мнения. Ожидания не были обмануты: хотя Церковь была бедна, преследуема и унижена, её влияние ощущалось даже в законодательстве, которое её угнетало. Однако её милосердие готовило ещё более значительные триумфы. Распространяя дары, Церковь лишь исполняла божественный закон, не стремясь платить за обращения или покупать последователей, но дух благотворительности неизбежно способствовал её внешнему прогрессу. Знамя милосердия привлекало слабых и бедных; несчастные охотно следовали за рукой, которая помогала, за плечом, которое поддерживало. Так, Манихей, желая распространять свои ошибки в Месопотамии, счёл надёжным привлечь человека, известного своей исключительной щедростью; успех, которого он добивался, Церковь достигала без расчёта.

В таком угнетающем обществе преимущество было на стороне религии, которая проповедовала и практиковала благотворительность; несчастные естественно шли туда, где находили помощь и поддержку. По этим и другим причинам количество христиан росло

ежедневно, и наступал момент, когда политически умный правитель мог без опасности и даже с выгодой объединить Церковь с империей. Принятие Церкви государством при Константине непременно изменило влияние милосердия в Римской империи. Ранее Церковь действовала в пределах незаконной общины, и её милосердие проявлялось лишь частным образом; принципы проникали в законодательство косвенно. Теперь же государство сотрудничает с Церковью, провозглашает принципы милосердия, берёт их за руководство в управлении и законах; милосердие становится не только частной, но и общественной добродетелью. Церковь, которая прежде проповедовала милосердие в религиозных целях, теперь использует его на пользу государства, рекомендуя проявление добрых дел более настойчиво и наглядно.

Так открывается новая эпоха в истории христианской благотворительности, особенно важная, поскольку совпадает с периодом великих бедствий Империи и, соответственно, с ужасными страданиями бедности. И именно на этом печальном фоне сосредоточится наш следующий взгляд.

КНИГА ВТОРАЯ
ВЛИЯНИЕ МИЛОСЕРДИЯ, С ЧЕТВЕРТОГО ВЕКА ДО Н.Э. ДО КОНЦА ШЕСТОГО ВЕКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Прогресс бедности в Римском мире

С древних времён в Риме пренебрежительно относились к промышленности и торговле; единственными источниками богатства, которые ценились, были сельское хозяйство и завоевания.

Пока большинство граждан одновременно владели землёй и занимались её обработкой, и пока их участие в военных походах было кратковременным, сельское хозяйство процветало; семь акров считались достаточными для пропитания одной семьи. Но позднее, когда походы стали дальними и продолжительными, те, у кого не было рабов для замещения их во время службы, были вынуждены оставлять свои земли под паром. По возвращении они вместо временного богатства, добытого в лагерях, находили бедность и нужду дома. Под давлением долгов, которые их бедность заставляла брать, и не в состоянии платить ростовщические проценты, они продавали свои владения или лишались их через экспроприацию.

То же происходило и с частью земель, выделяемых государством в качестве компенсации, которая, к тому же, всегда была ограниченной. Большую часть этих земель продавали богатым, единственным, кто мог извлечь из них выгоду. Часто, благодаря своему влиянию на магистратов, они получали землю по низкой ренте через долгосрочные аренды (эмфитевзис), которые со временем превращались в полную собственность без каких-либо обязательств. Время от времени пытались вернуть узурпированные земли, но законы о землевладении либо обходили, либо откровенно нарушали; бедные сами, на чьё имя законы были приняты, часто первыми оставляли удалённые земли, предпочитая ресурсы и развлечения столицы.

В ту эпоху деспотизма богатые владельцы находили тысячу способов расширить свои владения за счёт соседей. По словам святого Иоанна Златоуста, одни, притворяясь должниками и предъявляя длинные списки «наследственных долгов», получали дома, поля и рабов других. Другие прибегали ко всяческим хитростям и жалобам, чтобы вытеснить несогласных. Святой Амвросий пишет: «История Навота стара, но повторяется ежедневно: каждый день появляется новый Ахав, каждый день какой-то Навот лишается наследства, а за ним страдает его семья и плачущая жена, ибо богатый хочет владеть всей землёй один».

Иногда бедный сам, чтобы обеспечить себе реальную или мнимую защиту от грабителей или налогов, отдавал своё владение или свободу. Так, из-за бедности и притеснений, сельская собственность всё больше концентрировалась в руках немногих семей. Уже во времена Гракхов возникали крупные поместья, которые с каждым днём увеличивались, особенно с правления Антонинов; к IV веку они уже превышали размеры городов. По Плинию, половина римской Африки была поделена между шестью собственниками, пока Нерон не лишил их жизни, а в других местах можно было пройти сотни миль, не выйдя из владений одного патриция или консула.

Теперь какой была жизнь населения на этих обширных землях? Увы, крайне тяжёлой. Богатые римляне держали на своих землях лишь должников, которых они экспроприировали, чьи тела отвечали за долги, и использовали их в своих интересах, предоставляя лишь скудное существование или жалкие зарплаты. Святой Златоуст пишет: «Эти несчастные, согнутые над своим трудом всю жизнь, обременены непосильной работой, обращаются с ними как с тягловыми животными, не дают им отдохнуть и никогда не предоставляют долю урожая, который они собирают».

Со временем крупные владельцы предпочли труд рабов, которым не угрожала постоянная военная служба, вместо свободных работников. Поля были покрыты рабами-пахарями, с клеймом на лбу. Свободные земледельцы, заменённые рабами, либо приезжали в Рим искать пропитание через публичные раздачи или поддержку богатого покровителя, либо скитались по провинциям, где их семьи угасали в бездействии и бедности.

Однако известно, как ценен труд рабов для работы, требующей интеллекта и активности. Сисмонди отмечает, что сельское хозяйство у древних процветало лишь там, где рабы составляли небольшую часть и работали совместно с хозяевами. Когда они повсюду заменили свободных работников, владельцы, осознав, что земли приносят меньше дохода, чем требуют затрат, нашли новый способ: превратили поля и виноградники в пастбища, где держали скот лишь под присмотром нескольких слуг. Эта практика, хотя и выгодная из-за экономии на рабочей силе, добила и опустошила страну, распространив по почти всей Римской империи опустошение и бесплодие, которые уже в Италии вызывали латифундии во времена Плиния.

И пока ресурсы сельского хозяйства почти иссякали, чему же служила завоевательная политика? Завоевания римлян означали разорение подданных ради обогащения Рима, который, после грабежа своих провинций генералами и легионами, продолжал эксплуатацию через ветеранов, общественных управляющих и проконсулов. Все богатства, накопленные промышленной деятельностью и торговлей Востока и Юга на протяжении веков, стекались в Рим — законным и незаконным путём. Но прямая выгода доставалась не большинству: армейские награды, распределения продовольствия бедным и редкие денежные подарки — вот что доходило непосредственно до народа, а остальное шло в императорскую казну и богатым семьям, зачастую более богатым, чем весь народ вместе взятый.

Зло было бы меньше, если бы эти богатства, распределённые через продуктивные и разумные расходы, циркулировали по тщательно организованным каналам и питали процветание столицы и провинций. Само по себе неравенство условий не является источником бедности; как и различия уровня на земном шаре, оно, напротив, в замыслах Провидения, служит источником изобилия и плодородия. Есть такое использование богатства, которое приносит тысячу раз больше пользы бедным классам, чем самая справедливая пропорция распределения. Но таким не является обычный плод богатств, накопленных несправедливо. Богатства римской знати приносили мало пользы, кроме как пороку и праздности. Вместо того чтобы плодотворить труд, они разрушали его рост чрез

рост процентного обременения. Вместо того чтобы делать граждан полезными и процветающими, эти богатства служили лишь для удовлетворения тщеславия хозяев, пожирания рабов и клиентов, для развития постыдных ремесел актёров, шутов, гладиаторов, для организации роскошных зрелищ для народа, для блеска триумфов или радости дней публичных торжеств; для продуктивного строительства памятников и произведений искусства они почти не использовались, зато роскошь и материальное великолепие, накопление пустых удовольствий, извращённых и грубых забав преобладали.

Во времена поздней Республики жена богатого римлянина могла потратить семь миллионов на одну вечеринку. В IV веке, как пишет один отец Церкви, целые состояния нескольких семей уходили на украшение причёски или одежды одной матроны; целые состояния поглощались из-за пышных банкетов, скачек или боёв гладиаторов. Всё это шло на эгоизм, чувственность, гордость и тщеславие немногих, ничего для реального благосостояния большинства. Более того, чтобы стимулировать промышленность провинций роскошью, чтобы они могли частично возвращать промышленным трудом то, что Рим отнял, им потребовались бы доверие и безопасность, которых деспотизм им не предоставлял. Провинции, обманутые жадностью губернаторов и алчностью сборщиков налогов, потеряли мужество трудиться и производить; чем сильнее их гнобили, тем меньше отдачи они давали.

Поглощённые в Риме богатства не возобновлялись; торговля не восполняла страдания сельского хозяйства; плодородие одной области медленно и с трудом компенсировало бесплодие другой. Отсюда ужасные голодные годы, которые эксплуатировалась алчностью монополистов. Даже в обычные годы царила чрезмерная и постоянно растущая дороговизна, которую Диоклетиан тщетно пытался остановить своим знаменитым эдиктом. Все меры, которые предпринимались, оказывались бессильны; голод достиг такого уровня, что, чтобы избавиться от нищих, якобы топили большое их число. Его преемники, менее жестокие, но сталкивавшиеся с теми же трудностями, при первых признаках нехватки выгоняли из Рима не только иностранцев, но и итальянцев — детей тех, чьи налоги кормили город, рискуя тем самым подвергнуть их собственных голоду.

Таким образом, как пишет М. Морё де Жоннес, сокровища, которые римляне приобрели в результате своих завоеваний, стали для них подобны американским рудникам для испанцев: они удвоили цены на всё, бросили земледелие ради грабежа дальних стран и, смело добавим, разрушая эти страны, готовили тем самым разрушение самого Рима. Наконец, ресурсы завоеваний были далеко не безграничны. Рим давно извлек всё, что мог получить. После того как он расширил своё владычество во всех направлениях до пределов цивилизованного мира, после того как опустошил все богатства цивилизованных народов Греции и Востока, он столкнулся теперь с варварскими народами, у которых было нечего грабить, но которые сами готовы были грабить и обращаться с Римом так же, как Рим обращался с покорёнными народами.

Задача заключалась уже не в том, чтобы увеличить добычу, а чтобы её защитить; и как её защитить, когда исчез класс среднего слоя, который раньше составлял силу римской армии? В опасные времена вооружались рабы, но они защищали территорию ещё хуже, чем обрабатывали её. Набирали наёмников, но чтобы платить четырёмстам тысячам чужеземцев, которые со всех сторон должны были противостоять врагам империи, приходилось утраивать и учетверять налоги. Все стонали под гнётом налогов и вымогательств военных. Декурионы, ответственные за сбор налогов на свой риск и за установленную законом сумму, бросали свои имения, чтобы избежать ответственности.

Должники казны, не способные платить налоги, также оставляли свои земли пустыми и переходили к нищенству. Бремя падало на привязанных к земле колонов и на небольшой круг свободных земледельцев, которых щадила тирания богатых. Если они не могли

платить, их бросали в государственные тюрьмы, бичевали, подвергали пыткам, от которых часто спасались лишь ценой чести жен или свободы детей. Многие, чтобы избежать налогов, бежали к варварам или сами становились варварами, разоряли провинции, именуемые Багаудами, и через разбой возвращали то, что угнетательная администрация у них отняла.

Как можно описать страдания, которые тогда охватывали империю? После того как она пренебрегла истинными и законными источниками богатства народов, отбила желание свободного труда, пожертвовала торговлей, промышленностью и сельским хозяйством ради войны и завоеваний, и искала источники процветания в насилии и несправедливости, она достигла предела бедствия. Мемуарный урок для государств, которые ещё могут извлечь из него пользу. Что касается Римской империи, то, будучи уже столько веков устремлённой по этому роковому склону, она уже не могла подняться обратно. Её катастрофа была неизбежна: всё, что ещё можно было сделать для её подданных, — это смягчить, ослабить удары, которые им предстояло пережить; зло было неисцелимо: всё, на что можно было надеяться, — это принести хотя бы паллиативы.

И прежде всего, так как одной из главных причин нищеты было злоупотребление властью со стороны богатых и знатных, нужно было, насколько возможно, защищать слабых от их притеснений. Затем, всюду, где давала о себе знать нужда, не имея возможности противопоставить ей единственное действенное средство — а именно ресурсы свободного и плодотворного труда, — следовало хотя бы постараться облегчить беды, лишения, которые она за собой влекла. Такова была двойная задача, которую христианская милосердие должно было исполнять начиная с IV века. Рассмотрим теперь, каким образом оно к этому стремилось и до какой степени оно преуспело.

ГЛАВА II. Благотворительное вмешательство Церкви в пользу угнетённых

Столько авторов занимались вопросом влияния христианства на смягчение участи рабства, и некоторые сделали это столь учёно и глубоко, что после них было бы излишним входить в длинные подробности. Мы ограничимся лишь кратким напоминанием принципов Церкви по этому поводу.

«Учение Церкви, — говорит г-н Валлон, — должно было привести к уничтожению рабства. Но апостолы этого не требовали, и Отцы Церкви даже после гонений не находились в лучших условиях, чтобы осуществить это; ибо и после, как и до официального признания веры, общество оставалось прежним, во всех своих привычках связанным с институтом рабства. Нужно было больше, чем один закон, чтобы изменить такое состояние вещей; это изменение было бы революцией; и для того чтобы произвести его прочным образом, нужно было не столько отнять у хозяина раба, сколько отвлечь самого хозяина от рабства, пробудив в нём чувство достоинства человека. Но эта работа была долгой; к тому же существовало более серьёзное и насущное дело — освобождение душ от ига греха».

Поэтому Церковь воздерживалась от подстрекательства рабов искать своей эмансипации, опасаясь, что их стремление к временной свободе отвлечёт их глаза от свободы духовной, несравненно более высокой. «Почему, — говорит святой Иоанн Златоуст, — апостол оставил рабство существовать? Чтобы научить вас превосходству свободы души; ибо, как для того, чтобы сохранить невредимыми тела трёх отроков в печи, потребовалось чудо, так и здесь — меньшая величина и чудо — уничтожить рабство, чем явить свободу прямо внутри него».

Таким образом, хозяева могли, не переставая быть христианами, сохранять своих рабов. Даже священники и епископы имели рабов, которых нередко отпускали лишь на смертном одре, как святой Григорий Назианзин, или, как святой Августин и клир Гиппонский, — когда они добровольно отказывались от личной собственности и решали жить общинной жизнью. Это, однако, не мешало Церкви продолжать поощрять освобождение рабов. «Как наш Искупитель, — говорил святой Григорий Великий, освобождая двух рабов своей церкви, — принял человеческую природу, чтобы разрушить узы, державшие нас пленниками, и вернуть нам нашу изначальную свободу, так и освобождать от рабства тех, кого право народов подчинило неволе, — дело спасительное».

Златоуст осуждает безмерную роскошь, связанную с огромными толпами рабов; он желал бы, чтобы хозяева ограничивались лишь строго необходимым числом слуг для службы и обучали прочих ремеслу, чтобы те могли зарабатывать себе на жизнь и впоследствии получить свободу. «Вот что по-настоящему называлось бы милосердием», — говорил он. Но прежде всего и всегда Церковь наставляла хозяев чувствами братства, побуждавшими их обращаться со своими рабами так, как они сами хотели бы, чтобы обращались с ними. Пока язычник Либаний исчерпывал свою риторику, доказывая, что рабы свободнее и счастливее своих господ, Отцы Церкви выставляли перед глазами хозяев печальное положение их слуг, увещевали щадить их от чрезмерных работ и жестокого обращения, проявлять к ним участие, мягкость, и даже в необходимых наказаниях — отеческое снисхождение.

Подобные наставления изобилуют в их проповедях и сочинениях. Они не принимали оправданий хозяев. «Рабы порочны, — говорили те, — это непокорная и ленивая порода, склонная ко лжи, краже и всяким порокам». Но кто же делал их такими, как не жестокость и развращённые примеры самих хозяев? И чем иным можно было их исправить, как не заботой об их душе и большей человечностью? — «Вы говорите: ваши служанки невыносимы, если их терпеть. Это верно, но есть другие средства исправить их, кроме плети. Благодеяния сделают для этого больше, чем страх. Они склонны к пьянству? Уберите у них случаи к опьянению. К распутству? — Жените их. К воровству? — Надзирайте. Эта рабыня, если она верует, — ваша сестра во Христе. Разве у неё нет души, как у вас? Разве её не почтил Господь? Разве она не сидит за тем же столом? Разве она не имеет столь же высокого происхождения? У неё есть пороки, — говорите вы; а разве у свободных женщин их нет? И тем не менее Евангелие велит их мужьям терпеть их».

Пример святых действовал даже больше, чем их наставления. Знатные христианки, такие как Паула и Фабиола, старались трогательной простотой и близостью поднимать души тех, кого судьба подчинила им. «Лея, — говорит святой Иероним, — казалась среди своих рабынь меньше госпожой, чем служанкой среди подруг: настолько её сострадание и доброта ставили её на уровень их положения; потому она была уважаема и любима большинством из них». Епископ Синесий требует вернуть беглого раба: «Он не из моих, — добавляет он, — ибо я обращаюсь со своими так, что они любят меня скорее как избранного ими господина, чем боятся меня как властителя, которого им навязал закон». Такие хозяева были хорошо расположены проповедовать другим сострадание и милосердие. Мы видим, как святой Василий благодарит Каллистена, который, по его настоянию, пощадил двух рабов, приговорённых им к смерти.

И, наконец, когда наставления и мольбы не помогали, Церковь открывала угнетённому или угрожаемому рабу прибежище своего святилища: пока этот приют защищал его от первых вспышек ярости хозяина, епископ шёл умолять и часто добивался прощения. Интересы этого несчастного класса вдохновляли Церковь также на борьбу против гладиаторских боёв. Какая же пылкая любовь к ближним горела в сердце монаха Телемаха, когда он, прибыв в Рим в момент проведения этих жестоких игр, бросился в самую арену, чтобы разнять

бойцов, и погиб от ярости толпы! Но его кровь оказалась плодотворной, как кровь мучеников, и закон Гонория стал достойной наградой.

Церковь также окружала защитой несчастных колонов, прикреплённых к земле. «Заплати наёмнику его справедливую плату, — говорил святой Амвросий, — не презирай бедняка, который тратит свою жизнь на труд для тебя, ибо отказать ему в его должном содержании — значит убить его. Помни, что ты сам — тоже наёмник на земле, и давай наёмнику, чтобы и сам ты мог просить у Господа». Святой Августин, узнав, что бедные колоны вынуждены платить своим господам двойное сверх положенного, обращается к магистрату их провинции и возлагает на него ответственность за любое насилие, которое будет к ним применено. Монах-сириец Масимас с тем же упрёком обращается к правителю Летоию. Папа святой Григорий узнаёт, что колоны Римской церкви на Сицилии притесняются её агентами, что с них требуют больше зерна, чем они должны, что некоторых из них, рождённых свободными, незаконно объявляют рабами; он немедленно пишет сицилийским субдиаконам, чтобы они следили за этими злоупотреблениями и защищали колонов Церкви от всякой несправедливости и притеснения.

После участи рабов и колонов не существовало положения более жалкого, чем положение мелких свободных собственников, которых вельможи под разными предлогами и с помощью тысяч гнусных средств лишали их наследственных владений. Поэтому, с какой же отвагой Церковь защищала их от этих привилегированных грабителей! «О ты, кто, чтобы ограбить бедняка, возбуждаешь против него несправедливые тяжбы, перенесись мысленно к высшему судилищу, где у тебя не будет защитника, который бы говорил за тебя против этих несчастных, сделавшихся твоими жертвами. О, богатый! Чем тебе служат твои великолепные постройки? Даже после смерти их владельца они возглашают обвиняющий голос. Каждый, измеряя их взглядом, восклицает: Сколько слёз они стоили! Сколько сирот они разорили, сколько вдов довели до отчаяния!»

— «Вот ты опять, — скажут мне, — обличаешь богатых». — «Да, так же, как вы обличаете бедных. — Против похитителей. — Да, так же, как вы против тех, чьи имущества вы похищаете. Пока вы не перестанете пожирать бедняка, я не перестану выступать против вас. Не трогайте мою овцу, если не хотите, чтобы я её защищал». Жестокость ростовщиков не щадилась ничуть больше. Святой Амвросий изображает их так: они подманивают свою жертву то обещанием удовольствия, то кратким облегчением, окружают её коварными авансами, опутывают невидимыми узами, которые всё более затягивают, пока не смогут спокойно её обобрать.

Он описывает отчаяние отца семейства под когтями одного из этих стервятников, который заставляет его продать своё наследственное имущество и даже собственных детей. «Я видел, — говорит он, — печальное зрелище: сыновей, проданных с аукциона, чтобы уплатить долг отца, наследников его бедствий, тогда как они должны были быть наследниками его благ. И кредитор, вместо того чтобы стыдиться такой сделки, торопил её заключение. „Они были вскормлены моими деньгами, — говорил он, — пусть их служба возместит мне мои авансы“… О, ненасытная алчность, достойная сатаны, образ которой — ростовщик!»

Процентная ставка у римлян была столь высокой, что давать взаймы на законных условиях с твёрдым намерением получить уплату означало почти заранее решать судьбу заёмщика — его разорение. Поэтому Отцы Церкви мало различали простую ссуду под проценты и откровенное ростовщичество и возобновляли на этот счёт постановления Ветхого Завета. Они хотели, чтобы, отказывая невоздержанному, игроку, сластолюбцу в том, что только подпитало бы их страсти, безвозмездно помогали нужде бедняка. Но, проповедуя гуманность кредиторам, они уважали их права, и когда не могли добиться отсрочки или

справедливого уменьшения долга, они иногда помогали должнику рассчитаться и даже не боялись лично поручиться за него. Святой Августин однажды написал к своей пастве, прося помочь ему выплатить семнадцать золотых солидов: не имея средств для погашения долга бедняка, обратившегося к нему, он занял нужную сумму, а так как не смог вернуть её, то сам оказался под угрозой судебного преследования. Церкви и клиру Гиппонского епископата пришлось освободить его при помощи сбора пожертвований.

Чем выше стоял кредитор, тем глубже была нищета должника; и тем больше сострадания находила она у этих великодушных деятелей христианской благотворительности. Сочинения Отцов полны их мольбы за отдельных лиц, города или провинции, раздавленных тяжестью налогов. Это святой Василий умоляет правителей и сборщиков налогов Каппадокии то пощадить бедного старика, обременённого детьми, то облегчить бремя, тяготившее Кесарию; в другом месте он просит дать крестьянам отсрочку для уплаты налога, предназначенного для военного снаряжения; в ином случае — освободить внука ветерана, которого несправедливо подвергли подати, или уменьшить налоги, угнетающие земледельцев Тауруса. Это святой Феодорит пишет к патрицию Ареобинду, чтобы заступиться за жителей, пострадавших от нашествия, и снова пишет влиятельным лицам, даже к самой императрице, чтобы облегчить тяготы жителей своей епархии, для которых налоги были увеличены на основании ложных доносов.

Представленные с пылом людьми, чья преданность была известна, чей характер почитали, и чья красноречие имело дар убеждать, эти жалобы почти всегда встречали благоприятный приём. Святой Василий и святой Григорий сопровождали своими благословениями правителей, чью милость они не раз вызывали и испытывали. Павел, епископ новатиан Константинополя, с такой горячностью просил о послаблении для должников фиска, что почти всегда добивался их освобождения. Святой Епифаний, епископ Павии, получил у Одоакра пятилетнее освобождение от налогов для города, сожжённого и разграбленного герулами; он же облегчал налоги лигурийцам, которых обложили двойным сбором, и добился от Гундобада выкупа пленных, взятых Теодорихом.

Когда слабые страдали от сильных, когда местные тираны — магистраты, правители, проконсулы — безжалостно угнетали провинции, доверенные их управлению, то вновь христианское милосердие становилось защитой этих жертв произвола. То, подобно святому Амвросию, папе Целестину, Домитиану, епископу Мелитены, святому Герману, епископу Осера, или святому Марцеллу, архимандриту Константинополя, они пользовались своим влиянием при дворе, чтобы довести туда жалобы бедняков и скорби провинций; то, подобно святому Григорию и святому Василию, прямо обращались к угнетателям, стараясь строгими и вместе с тем трогательными наставлениями заставить их опомниться.

«Я бы проявил неуважение к вам и к важности вашей должности, — писал святой Григорий губернатору Олимпию, намеревавшемуся наказать город Назианз, — если бы не дал вам совета, который требуют ваши интересы и интерес народа, которым вы управляете. Кроме того, если Бог доверил вам управление этим городом, то, как христианина и члена Церкви Он подчинил вас нашей духовной юрисдикции. Я обязан дать вам совет, и вот он: вы держите власть от Бога; пользуйтесь ею, как пользуется Он Сам, — для блага людей, а не как сатана, который пользуется ею лишь для их зла. Лишь милосердием и добротой вы сможете уподобиться Богу и заслужите для себя звание „бог на земле“. Другие стараются завоевать этот прекрасный титул великими подвигами; вам же, чтобы его получить, нужно лишь проявить снисходительность… Простите, чтобы и вам простили. Смогу ли я тронуть ваше сердце, вы, кто не раз благосклонно слушали меня? Осмелюсь ли я, вместо прошения, предложить вам мои седины и долгие годы, проведённые в служении? Должен ли я прибавить что-либо ещё?… Так вот, я предлагаю вам Иисуса Христа, Его страдания, Его крест, гвозди, что пронзили Его, кровь, которую Он пролил за нас, Его трапезу, за которой

мы все причащаемся… Я оставляю вас перед лицом Бога и Его ангелов, вместе с этим народом, который присоединяется к моим мольбам. У вас на небесах есть Владыка, который будет судить вас так, как вы судили своих подчинённых».

Если же наставления и увещевания оставались без результата, Церковь не считала себя побеждённой. Рискуя навлечь на себя гнев могущественных, она брала на себя защиту слабого, принимала на хранение его имущество, защищала его как собственное, открывала свои святыни угнетённым и, если нужно, противостояла притеснителю. Святой Амвросий настойчиво увещевал своё духовенство об охране прав сирот и вдов и напоминал, сколько раз ради этого святого дела ему приходилось выдерживать нападки сильных мира сего. Первый Маконский собор постановил, под страхом отлучения, не привлекать вдов и сирот к суду без уведомления епископа или архиепископа, чтобы он мог предоставить им защитника. Тот же собор объявил подлежащими анафеме вельмож и царских людей, которые самовольно изгоняли бедняков из их домов или с их земель.

Но не ограничивались одними угрозами. Возмущённый жестокостями Андроника, который, чтобы свободнее угнетать жителей Птолемаиды, отменил право убежища, святой Синесий, после тщетных увещеваний этого злого правителя, не поколебался отлучить его от Церкви. «Пусть никто, — писал он епископам Ливии, — не называет Андроника христианином, ибо он был бичом всей Пентаполии… Пусть ни один храм не откроется для него или для его близких; пусть ни один священник не живёт с ним под одной крышей и не садится с ним за один стол».

Что же сказать напоследок? Даже сама императорская власть не смущала этих мужественных истолкователей христианской милосердной любви. Когда императрица Евдоксия, воспользовавшись тираническим законом, захотела присвоить себе виноградники нескольких бедных вдов, хотя и предлагала, правда, уплатить цену, она встретила на своём пути Златоуста, который, не заботясь ни о законе императора, ни о гневе своей государыне, осмелился воспрепятствовать этому акту узурпации. Нужно ли ещё напоминать здесь его заступничество и заступничество Флавиана за Антиохию, восставшую и раскаявшуюся? Напрасно Либаний приписывал себе спасение своего родного города: достаточно сравнить его холодную риторику с пламенными словами его соперника, а прежде всего — достаточно прочесть ответ Феодосия, чтобы понять, кто именно — епископ или ритор — снискал славу тронуть сердце императора.

«Какая же заслуга, — сказал император, — для меня, простого человека, отказаться от мести против других людей, когда Господь вселенной, принявший ради нас образ раба и творивший людям лишь добро, молил Своего Отца за тех, кто распинал Его?» Святой Амвросий, несомненно, имел бы такой же успех у Феодосия, если бы заранее узнал о наказании, назначенном Фессалоникам. К несчастью, преступление уже было совершено, когда епископ вмешался; но, по крайней мере, своим мужественным анафематствованием он отомстил за права оскорблённого человечества и добился эдикта, который на будущее предостерёг монарха от порывов собственной ярости.

Таким образом, принципы Церкви относительно власти не отличались от её принципов относительно собственности. Утверждая, что высшие власти происходят от Бога и настаивая на повиновении им именно по этой причине, она вовсе не заключала из этого, что их власть может осуществляться произвольно; напротив, раз она исходит от Божественного источника, то должна применяться согласно самому духу Божию и для блага Его детей. «Власть имущий, — говорит святой Павел, — есть служитель Божий тебе во благо». В этом заключалась вся политика Евангелия. Но как же возвышенна и плодотворна была эта политика! Какое более спасительное понимание власти можно было дать, чтобы сделать её дорогой для подвластных и направить её употребление у тех, кто её осуществляет?

Искренняя любовь властителей к тем, кого они управляют именем Отца человечества, — любовь, которая, по словам святого Августина, может сочетаться с самыми строгими обязанностями справедливости, — уважение и доверие народов к тем, кого Верховный Владыка наделил Своей властью: эти два чувства, которые не могут существовать одно без другого, но развиваются и укрепляются одно через другое, — если бы они глубоко укоренились в сердцах, разве не стали бы самой надёжной гарантией счастья и спокойствия государств?

ГЛАВА III. Увещевания Церкви в пользу милостыни

Защищать угнетённых, которых закон оставлял без защиты; отстаивать права вдов и сирот; добиваться при помощи благожелательного ходатайства облегчения для народов, обременённых налогами, более мягкого обращения с колонами и рабами, отсрочек для несчастных должников; предавать ростовщиков осуждению общественного мнения; тревожить узурпаторов имущества бедных в их несправедливом владении; спасать невинных, чья гибель повлекла бы гибель их семей; и наконец — мирными средствами бороться с этим безудержным деспотизмом, который, исходя с вершины общества, давил на все сословия, особенно на низшие. Всё это, без сомнения, ослабляло некоторые причины и облегчало некоторые бедствия нищеты, но не уничтожало самой нищеты: её корни были слишком глубоки, чтобы можно было надеяться их затронуть; она проникала через все трещины общества в упадке, империи, готовой рухнуть.

Вялость или, вернее, почти полное отсутствие торговли и промышленности, упадок земледелия и всех искусств, войны, вторжения — вот источник множества зол, которые благотворительности не дано было ни предотвратить, ни отвести, и потому тем более горячо она должна была стремиться их облегчить. Именно в этом направлении мы и увидим, как Церковь направляла свои главные усилия.

С этого времени благотворительность, особенно в форме милостыни, занимает в иерархии христианских обязанностей место, какого она ещё никогда не имела. Это уже не только проявление братской любви, как проповедовали христианские ораторы прежде, — теперь её прежде всего рекомендуют как средство смягчить бедствия, терзавшие их паству. Мы хотели бы привести целиком их замечательные речи в защиту бедных. Пусть нам будет позволено хотя бы воспроизвести здесь их основные аргументы. У нас нет другого способа показать то новое значение, которое они придавали этой обязанности, и охарактеризовать дух, в котором они её проповедовали. Немногие темы так занимали древнюю христианскую красноречивость IV века. Быть может, читатели поблагодарят нас за то, что мы соберём здесь несколько фрагментов, несколько глубоких изречений, несколько патетических движений, правдивых и впечатляющих картин, которые и спустя столько веков, несмотря на встречающиеся местами менее удачные мысли, всё ещё умеют трогать и волновать нас.

Однажды зимой, когда Златоуст шёл по улицам Антиохии к кафедральному собору, он встретил на пути множество бедняков и нищих, более многочисленных, чем обычно, и их вид глубоко его опечалил. Придя на место, он не мог говорить со своими слушателями ни о чём другом. После чтения шестнадцатой главы Первого послания к Коринфянам он сказал:
«Братья мои, я пришёл исполнить посольство справедливое и необходимое, столь же почётное для вас. Те, кто меня посылает, — это бедные вашего города. Мои грамоты — не народные постановления и не указы сената: это жалкое зрелище, которое только что поразило мои глаза. По пути сюда, проходя по площадям и переулкам вокруг церкви, я видел, как на перекрёстках лежала толпа несчастных: одни калеки, другие лишены зрения, третьи покрыты язвами и показывали мне безобразные раны. Будучи свидетелем стольких бедствий, я считал бы себя самым бесчеловечным существом, если бы не рассказал вам об этом сегодня, особенно в эту пору года.

Ибо если во всякое время следует напоминать нам о сострадании к братьям, — нам, которые сами всегда нуждаемся в сострадании Божием, — то никогда проповедь о милостыне не бывает столь необходима, как зимой. Летом мягкость погоды даёт беднякам некоторое облегчение: согретые лучами солнца, они могут обходиться без одежды, спать под открытым небом на голой земле; им не нужны ни вино, ни укрепляющая пища: вода и немного зелени им достаточно. Это и то время, когда большинство рабочих — пахари, моряки, каменщики — могут заработать на жизнь. Но зимой, когда им нужно так много, у них нет заработка, чтобы это приобрести. Сегодня, если мы не находим никого, кто мог бы их занять, найдём хотя бы сострадательные души, которые их поддержат, и присоединим к нашему поручению великого покровителя бедных, апостола Павла, разъяснив наставления, которые он адресовал коринфянам».

Златоуст не боялся показаться назойливым, постоянно повторяя этот долг. «Вы скажете мне: каждый день вы говорите нам о милостыне. — Да, конечно, и я не перестану говорить. Даже если бы вы были так послушны, как я желаю, я продолжал бы говорить, чтобы вы не ослабели. Но если вы не прошли даже половины пути — кто виноват? Разве ученик-ленивец должен жаловаться на повторения своего учителя? Мне горько видеть, что ни опыт жизни, ни обещания Божии, ни страх перед будущим, ни наши многократные увещевания не действуют на некоторых из вас; но я не перестану предупреждать их, пока не разрушу это опьянение, в которое их погружает любовь к земным благам».

Августин, отвечая на те же упрёки, говорил: «Я скажу вам, почему мы так настойчивы: каждый раз, когда мы идём в церковь или возвращаемся из неё, бедные просят нас напомнить вам об их нуждах, и, ничего не получая, обвиняют нас, что мы тщетно хлопочем перед вами. Мы даём от себя, что можем; но разве можем мы одни удовлетворить их нужды? Конечно, нет, и именно потому мы ходатайствуем перед вами. Вы слушали нас, даже аплодировали: хорошо, но эти похвалы увеличивают нашу ответственность. Это только листья на дереве — мы ждём плодов».

Как и их предшественники, эти великие учители указывали, что основание этой обязанности — Бог и Его воля, явленная и в природе, и в благодати. Они напоминали о связях, которые Творец установил между людьми, вложив в каждого Своё высокое изображение, произведя всех от одной крови, внушив им сочувствие к несчастьям друг друга, и подвергнув их одним и тем же переменам судьбы. «Любить людей, подобных нам, созданных, как мы, — что тут трудного? — говорит Златоуст. — Бог Сам вложил это чувство в наши души: к детям, к родителям, ко всем людям. По природе мы склонны к жалости: мы плачем о мёртвых, мы умиляемся вместе с печальными. Так Бог показал, как дорого Ему исполнение этой обязанности».

Астерий добавляет: «Тот, кого не трогает бедствие братьев, более жесток, чем самые свирепые звери. Говорят, что когда одного из них убивают, кабаны и быки издают жалобные крики. Стаи журавлей, если одну из птиц поймают в сети, летают вокруг, горестно крича. И человек, одарённый разумом и наученный самим Богом доброте, разве может оставаться равнодушным к бедствиям братьев?»

Патристическая мысль также подчеркивала неравенство, с которым Бог разделил между людьми духовные и телесные дары, так что каждый мог найти полное удовлетворение своих нужд только в обществе братьев, а счастье никого из них не было обеспечено без деятельного участия всех. «Видите, — говорит Златоуст, — сколько естественных связей установил Бог между нами и как, разнообразием даров Он сделал так, чтобы мы все нуждались друг в друге. Как Он дал разным странам разные продукты, чтобы между ними установился непрерывный обмен благодеяниями, так и людям Он распределил телесные и

духовные блага в различных мерах, чтобы они сообщали их друг другу, как и увещевает святой Павел».

Но чаще всего учители Церкви, обращаясь к христианским чувствам своих братьев, напоминали им о новых узах, которые соединяют их в деле благодати. Христос, их общий брат, их общий Искупитель, Христос, пришедший спасти их ценой Своей крови, отметил их всех одной и той же печатью возрождения, чтобы они в Нём были лишь одним телом; Он установил между ними общество ещё более тесное, чем человеческое общество, — Церковь, главой которой Он является. Кто отвергает своих братьев — отвергает Его Самого. Кто любит их — даёт Себе Самому самое очевидное доказательство Своей любви.

Таким образом, они должны видеть в бедном уже не просто ближнего, брата по природе, но образ своего Искупителя, оскорблённого и распятого ради них. Христос — любимый, почитаемый, поддержанный в несчастном — вот трогательный образ, который Церковь ставит перед их глазами. Святой Мартин Турский, еще, будучи простым солдатом и оглашаемым, разорвал свою хламиду, чтобы отдать часть её бедняку, дрожавшему от холода, и, вытерпев насмешки товарищей, увидел во сне Христа, одетого в эту половину хламиды и рассказывающего ангелам, как Мартин прикрыл Его.

«Дом гостеприимства, — говорит святой Ефрем, — дом, где принимают бедных и сирот, странников и путников, никогда не лишён присутствия Христа». Святой Августин добавляет: «Иисус, хотя и не нуждается в наших благах, ибо Он — Господь всего сущего, всё же благоволил возжаждать в бедном, чтобы мы могли явить Ему свою признательность и сделать что-нибудь ради Него. Поэтому богатые должны считать Его одним из своих детей или братом, который на небесах и который должен иметь часть в распределении их богатств. Кто питает своего брата — питает Самого Христа. Дай тому, кто просит тебя, ибо это Христос просит у тебя того, что Он Сам дал тебе, став бедным ради тебя».

Развивая эту мысль и опираясь также на слова Ветхого и Нового Завета, древние учители Церкви уже представляли милостыню как одно из самых верных средств умилостивить Верховного Судию и изгладить грехи людей. Их преемники ещё более настойчиво подчеркивали этот мотив. Когда им не удавалось возбудить в сердцах самоотверженную любовь, чистую от всякого эгоизма, они, по крайней мере, старались противопоставить низкой корысти мгновения интерес более возвышенный: они показывали в милостыне самый верный способ избежать будущих наказаний.

Такой способ проповеди милостыни, несомненно, был не без опасности: он грозил приучить христиан думать лишь о себе даже тогда, когда они делают добро другим, придавать своим поступкам ценность и заслугу независимо от побудившего их принципа, а может быть, даже дерзать грешить, надеясь на слишком лёгкое искупление. Учители Церкви понимали эту опасность и старались её предупредить. «Милостыня полезна только для тех, кто исправил свою жизнь, — говорит святой Августин. — Если вы даёте лишь для того, чтобы приобрести право безнаказанно грешить, вы не питаете Христа в бедных, но хотите обмануть вашего Судию».

«Одно дело, — добавляет святой Григорий Великий, — давать милостыню за свои грехи, другое — грешить, рассчитывая потом на милостыню. Считать дозволенным грех потому, что ты даёшь, полагать, что можно, искупив одни проступки, тут же совершать другие, — значит, отдавая своё имущество Богу, отдавать самого себя дьяволу». Отцы особенно резко выступали против заблуждения тех, кто пытался оправдать неправедно приобретённое богатство, посвящая его частично на дела милосердия. «Если ты даёшь, — говорит святой Григорий Богослов, — давай своё и не корми бедного тем, что тебе не принадлежит». «Есть люди, — говорит святой Иоанн Златоуст, — которые, ограбив чужое имущество, думают, что

им простится за десять или сто экю, которые они раздают. Такая милостыня — милостыня иудеев или скорее сатаны! Что пользы давать одному то, что ты отнял у другого? Ты должен помочь именно тому, кого обидел, вернув ему вчетверо; иначе ты остаёшься должником. Милостыня, данная из неправедно нажитого, есть воровство и убийство».

Иногда Отцы шли ещё дальше: они не желали приписывать самому внешнему действию милостыни заслугу, которая принадлежит только милостыне, совершённой по-Божьему, и старались определить её истинные признаки. Они не допускали ни тени тщеславия или показухи, ни желания поработить совесть бедного, утверждая: «Тот, кто даёт бедным по этой причине, не в лучшем положении, чем тот, кто вообще ничего не даёт». Они требовали, чтобы милостыне сопутствовали любовь и смирение.

«Справедливый Судия, — говорили они, — смотрит не только на действие, но и на мотивы, которые его побудили». «Когда демон, — говорит Златоуст, — видит, что мы готовы спастись каким-либо добрым делом, он старается омрачить её гордыней и тем уничтожить. Милостыня, как и пост, и молитва, бесполезна, если смирение не лежит в её основании. Поэтому святой Лука замечает, что первые христиане клали свои имения к ногам апостолов, показывая тем самым, с каким смирением они творили милостыню, не думая, что они благодетельствуют, но считая честью для себя кормить Христа. Подлинная милостыня та, что совершается радостно и когда дающий верит, что скорее он сам получает».

Но надо признать: если Отцы IV века так старались подчеркнуть характер и условия милостыни, то ещё чаще они настаивали на её цене и необходимости. Поглощённые заботой о помощи всё более возрастающей бедности, они меньше обращали внимание на дух, в котором дают, чем на щедрость даяния, и не переставали поощрять милостыню обещанием небесных благ. Милостыня искупает грехи и открывает небо — вот что они проповедовали без исключения, вот тема, к которой они возвращались бесчисленное множество раз и развивали её с удивительным богатством образов. Среди всех дел, считавшихся тогда заслуживающими награды, этой отводилось первое место.

«Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души, — говорит Златоуст. — Хорошо украшать церкви, но не будет ли это насмешкой, если Христос увидит, что Его дом убран золотом и серебром, а Сам Он остаётся нагим у дверей?» Святой Августин говорит: «Древний закон требовал приношений Богу; ныне Царь Сам пришёл и тоже требует даров: каких же? — милостыни». «Нива Господня охраняется молитвой и возделывается постом, но засевается милостыней». Даже девство — ничто без неё: оно подобно пламени, а милостыня — это масло, которое его питает; её-то и не хватало неразумным девам, лампа которых угасла, и они были изгнаны с пира. Само мученичество — ничто без любви; одно оно не делает человека христианином, тогда как любовь без мученичества уже сделала угодных Господу учеников.

Милостыня облегчает и снимает бремя греха. «Она имеет великие крылья, которые рассекут воздух, пройдут небосвод и перенесут наши молитвы прямо к престолу Божию, — свидетельствуют милостыни сотника Корнилия. Каковы бы ни были твои грехи, если ты творишь милостыню, не бойся: она перевесит их всех на весах Судии». Богатство — это тяжёлое бремя, которое нужно сбросить, чтобы взлететь на небо и войти в тесные врата; это сокровище, которое нужно вынести из осаждённого города и отправить в безопасное место. Это — зерно, которое сгниёт на сырой земле, если его не положить в высокий амбар. Милостыня — это попутный ветер, что ведёт корабль к гавани. Это обмен, полностью выгодный богатому.

Это заём, обеспеченный наилучшей из гарантий, — ростовщичество по отношению к Самому Богу, этому щедрому Меняле, который, как напоминает святой Паулин, обещал за

каждый сотый вернуть сторицей. «Бог допустил бедность, — говорили Отцы, — чтобы дать место милосердию; Он пожелал, чтобы были бедные, чтобы богатые имели возможность искупить свои грехи». Поэтому бедные назывались врачами душ, сокровищами, драгоценностями Церкви, привратниками Царствия Небесного, нашими ходатаями у престола Божьего. Пусть же и они не думают, что лишены средств для искупления: каждый по-своему богат, и всякий дар, полученный от Бога, — это богатство, которым можно поделиться с братьями, а значит, монета, за которую можно купить рай. Одним словом, милостыня, совершаемая по силам и возможностям каждого, — вот тот надёжный, но необходимый пропуск, который Отцы требовали для вхождения в Царство Небесное.

Златоуст с патетикой переносит своих слушателей по ту сторону могилы и заставляет их созерцать разную участь злого богача и Лазаря. «Пришла смерть, – говорит он, – и переменила роли. Стало ясно, кто был богатым и кто бедным; богатого признали бедным, а Лазаря – богатым. Точно так же, как на сцене каждый играет роль, отличную от его действительного положения, а вечером, сняв маску, возвращается к своей истинной личности, так и богатый, как только наступил вечер, то есть смерть, стал самым бедным из людей и был вынужден просить у Лазаря каплю воды. Изгоняя Адама из рая, Бог, чтобы увеличить его наказание, поместил его так, чтобы тот видел место блаженства. Так же и злому богачу Он говорит: „Я поставил бедного Лазаря у твоих ворот, чтобы ты нашёл в нём наставника добродетели, предмет, к которому следовало проявить твою милость. Ты пренебрёг этим средством спасения; пусть теперь это станет материалом твоих мучений“».

К этим увещеваниям, обещаниям и угрозам, и к множеству других доводов (перечень которых я намеренно сокращаю), эгоизм тогдашних людей, как и нынешних, противопоставлял свои холодные отговорки. У богатых просили дать из своего излишка; но вот, как по словам святого Василия, они уклонялись от этого предписания, вот хитрость, которую им подсказывал демон: «Желая выдать излишки за необходимое, они делили их на две части — одну для настоящего, другую для будущего; одну для себя, другую для своих детей; затем первую часть они снова делили на две: одну — для текущих нужд, другую — чтобы держать её скрытой. И уже эта первая часть превышала необходимое: она должна была покрывать украшение внутреннего убранства, внешнюю пышность, удобство путешествий, приятность дома. Нужны были колесницы для них самих и для багажа, кони для бега и охоты, кучеры, лакеи, рабы всех видов, дворцы, бани в городе и в деревне и так далее». Одним словом, поддерживать положение, предвидеть несчастья, растить и устраивать детей — вот какие тогда, как и теперь, приводили предлоги против милостыни.

Следом шли обычные жалобы на леность, распутство, наглость бедняков. Но излишний и порой позорный роскошный образ жизни, который богатые считали обязанностью своего положения, отцы Церкви обличали самыми сильными словами. «Ты сидишь за роскошным пиром, – говорит Златоуст, – тогда как Христос не имеет даже необходимого; ты пьёшь вино с Тасоса, тогда как у Него нет и чаши воды, чтобы утолить жажду. Я даже не говорю о тех, кто зовёт к своему столу куртизанок: говорить с такими всё равно, что с нечистыми животными. Но разве вам не стыдно, вы, которые содержите за большие деньги собак, паразитов, низких шутов, а Христа отталкиваете? Женщина! Зачем тебе твоё золото? Чтобы казаться красивой? Но стало ли от этого прекраснее твоё сердце?»

Святой Василий добавляет: «Что ответишь ты своему Судье, когда ты покрываешь драгоценностями свои стены и оставляешь ближнего нагим, когда твоя пшеница гниёт, а ты не даёшь её бедняку? Бедняк стоит у твоих ворот, а ты говоришь, что тебе нечего дать; но рука твоя, блистающая дорогим перстнем, опровергает твои слова. Скольких должников можно было бы освободить, сколько домов восстановить этим перстнем! Твоего гардероба хватило бы, чтобы одеть целый народ, и ты не стыдишься отослать нагого бедняка. Всё, что

превосходит нужду, бесполезно и лишнее. Надеть башмак больше ноги — не помощь, а помеха. Хочешь построить себе великолепный дом — пусть он будет на небесах».

Святой Астер насмехается над магистратами, которые на январские календы разорялись на общественные пиры, празднества и зрелища ради тщеславной славы увидеть своё имя в списках, а в итоге получали лишь забвение или даже трагическую смерть, тогда как, помогая бедным, они были бы вписаны в книгу жизни.

«Я слышу, – говорит Астер, – отговорки некоторых скупцов: они боятся бедности. „Как обеспечить наше пропитание, если мы не позаботимся о своём имуществе?“ – слова безумцев, которые не доверяют Промыслу Божию, а полагаются на тленные богатства, которые могут подвести в любой момент. Не говори мне о своих сокровищах: нет ничего обманчивее. Сегодня они твои, завтра – другого; сегодня с тобой, завтра против тебя — это злонамеренные жильцы, домашние враги. Зачем считать богатство необходимым? Нет ничего нужнее, чем верить, что оно не нужно: бедность духом – вот истинное богатство. Мы бедны всякий раз, когда боимся бедности. Тот, кто сказал: „Господь дал, Господь взял“, – каким бы бедным он ни казался, тот был бесконечно богат: лишённый золота, но полный Бога».

Когда богачи оправдывались заботой о детях, святые отвечали: «Любовь к детям требует не оставить им много денег, а воспитать их христианами. Какое наследие им надёжнее? Милосердие к бедным приносит Божью милость, которая лучше любых капиталов. Бог, гарант такой сделки, вернёт твоё одолжение с прибылью. Богатства, которые ты им оставишь, могут стать причиной их погибели. Разве твоя душа не дороже тебе самих детей? Разве можно предпочесть кого-либо своему собственному спасению?»

Отцы Церкви признавали, что многие бедняки сами навлекли на себя нищету леностью или дурной жизнью, и потому учили различать: помогать настоящим бедным, а не бездельникам и обманщикам. Святой Амвросий предупреждает своё духовенство: «Нередко приходят крепкие телом попрошайки, бродяги, которые лишь хотят разорить средства для настоящих бедных. Пусть истинные нуждающиеся не будут жертвами обманщиков. Если уж нельзя всегда отказать настойчивому, то хотя бы не давайте чрезмерного преимущества наглости». Святой Василий говорил: «Кто даёт нищим-бродягам и развратникам, бросает свои деньги собакам». Святой Иероним добавлял: «Не давай ложным беднякам имущества Христова, принадлежащего истинно нуждающимся».

Но когда богачи в целом ссылались на пороки бедняков, чтобы вовсе не давать, проповедники спрашивали их, не применимы ли эти укоры ещё больше к ним самим. «Бедняк приходит к твоим дверям без куска хлеба, – говорит Златоуст, – а ты упрекаешь его в лености, не думая о том, что ты сам часто бездействуешь в том, что поручил тебе твой Господь, предаваясь праздности и, что хуже, разврату. Разве эти пороки не свойственны и тебе? Да, именно наша жестокость, наша жадность делают бедного наглым и дерзким. Это из-за того, что, жалуясь и умоляя, переходя от одной двери к другой, он не находит даже необходимого, что он вынужден прибегать к хитрым уловкам. Какое ужасное положение мы создаём! Видишь матерей, вынужденных ослеплять своих детей, чтобы их убогость и нагота умилили тебя.

Другие, устав напрасно умолять, идут далеко позади наших рыночных шутов, собирают старые кожи, забивают гвозди в чужие доски… И ты смеёшься, восхищаешься, даже поощряешь этот унизительный промысел своими подачками! Чего худшего может желать демон? А когда кто-то приходит к тебе во имя Божие, ты его даже не смотришь и отсылаешь с оскорблением. Бог говорит тебе: „Дай милостыню, и Я дам тебе царство небесное“ — ты не слушаешь; демон показывает тебе голову, пробитую гвоздями, и ты становишься

щедрым! И всё это происходит в Антиохии, в Антиохии, жители которой первыми получили имя христиан!» Наконец, даже если все эти жалобы на поведение бедных были бы обоснованы, разве они должны были остановить порыв милосердия?

Когда стольким несчастным, не находившим ни работы, ни помощи, грозила смерть от голода, следовало ли производить столь суровое расследование их поведения? Следовало ли, опасаясь помочь недостойному, рисковать оставить без поддержки бедняков, действительно заслуживающих сострадания? Сам Амвросий, несмотря на свои предыдущие предупреждения, не может не считаться с обстоятельствами. «Милосердие, – говорит он, – не столь строго взвешивает заслуги; прежде всего оно удовлетворяет нужды». В том же духе Златоуст говорит: «Подражай Аврааму, который приглашал странников и который, расставив сети перед своим домом, принял ангелов, сам того не зная. Не слишком расспрашивай о нравах бедного: у него лишь одно основание – его нужда; не требуй от него большего. Бог освободил тебя от всяких дальнейших расследований. Береги лишь одно… Если мы будем слишком тщательно исследовать заслуги наших собратьев, Он поступит так же с нами, ибо, как мы судили, так Он будет судить нас». — Святой Григорий Назиянский следовал этому правилу: «Он всегда давал, – говорит его биограф, – даже менее достойным, чтобы не причинить вреда другим», вспоминая Писание: «Бросай хлеб твой по водам». Не будем слишком строго судить, в нашей задаче – эта щедрость без оговорок. Могут наступить обстоятельства, которые сделают для нас обязательным щедро помогать: бедствия настолько всеобщие и глубокие, что никто не мог бы быть заподозрен в протянутой руке без причины или отвергнут без жестокости.

Но в своих увещаниях к благотворительности отцы того времени иногда выдвигали принципы куда более радикальные, которые, по-видимому, противоречат как первоначальной свободе христианской милостыни, так и праву собственности, – и это требует от нас внимательного рассмотрения.

ГЛАВА IV.
УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ О МИЛОСТЫНЕ В ЕЁ СВЯЗИ С ПРАВОМ СОБСТВЕННОСТИ

«Кому я причиняю вред, – возражали святому Василию, – сохраняя то, что принадлежит мне?» — «Что именно твоё? – отвечал великий епископ. – От кого ты это получил? Разве ты не подобен человеку, который, находясь в театре, стал бы считать только за собой места, приготовленные для общего пользования? Так и богатые, первыми заняв то, что принадлежало всем, присваивают это себе, как если бы оно было их исключительной собственностью… Сохраняя свои блага только для себя, ты думаешь, что никому не делаешь зла! Кто такой скупец, если не тот, кто не доволен своим? Кто такой грабитель, если не тот, кто отнимает у других их собственность? Тогда не ты ли скупец и грабитель, когда присваиваешь то, что получил лишь для распределения? Чьим есть хлеб, который ты хранишь, если не того, кто голодает? Чьим есть плащ, если не того, кто наг? Чьим есть обувь и серебро, которые ты скрываешь, если не бедных?»

Хризостом говорит то же самое о богаче из притчи: «На деле он, признаю, не отнял ничего у Лазаря; но, не разделив с ним своё имущество, он совершил насилие. Все те случаи, когда мы не подали милостыню, будут вменены нам как хищение чужого». И ещё: «Не будем называть более счастливым плохого богача, чем разбойника, прячущего в своей пещере награбленные сокровища».

Не менее удивляют подобные высказывания у латинских отцов. «Не без причины Иисус называет богатых неправедными, – говорит Иероним, – ибо всякое богатство происходит из неправды: один не может приобрести, не лишив другого; отсюда пословица: “Всякий

богатый – или неправедный, или наследник неправедного”». — И Амвросий: «Пример птиц небесных, приведённый у святого Луки, доказывает, что причиной бедности является лишь жадность; ибо если птицы небесные всегда имеют в изобилии пищу, хотя ни не пашут, ни не сеют, это потому, что ни одна из них не присваивает плодов, данных для общего пользования. Присваивая себе имущество, мы уничтожаем общее благо. Земля дана в наследие всем людям; никто не может называть своим то, что он насильственно отнял из общего достояния сверх того, что необходимо ему для жизни. Природа создала право общности, а узурпация породила собственность».

Августин говорит в том же духе: «Излишек богатых есть необходимое для бедных. Владеть излишком – значит владеть чужим». — «Нужно, – говорит святой Григорий Великий, – напоминать тем, кто раздаёт свои блага, чтобы они делали это со смирением, признавая, что лишь распоряжаются от имени Бога временными средствами, которые вовсе им не принадлежат. А тех, кто ни берёт, ни даёт, следует предупредить, что земля, из которой они созданы, обща для всех и щедро предоставляет всем свои блага. Пусть же не считают себя невинными те, кто пользуется исключительно для себя тем, что Бог сотворил общим. Раздавая необходимое бедным, мы лишь возвращаем им их собственное, а не даём им своё; мы исполняем долг справедливости, а не совершаем акт милосердия. Поэтому Писание называет милостыню правдой (т.е. справедливостью)».

И при всём том, что эти заявления кажутся парадоксальными и в какой-то мере опасными, мы полагаем несложным доказать, как по цели, которую преследовали их авторы, так и по обстоятельствам, в которых они были произнесены, что они вовсе не содержат учения, подрывающего право собственности.

Прежде всего никто, конечно, не сочтёт эти выражения необдуманными или чрезмерно суровыми, когда они применяются к похитителям имущества бедных. Когда, например, святой Амвросий, обращаясь к подражателям Ахава, восклицает: «До каких пределов, о богатые, вы простираете ваши ненасытные алчности? Разве только вы имеете право жить на земле? Земля дана в общее владение богатым и бедным: зачем же захватывать её лишь для себя? Кажется, бедняк причиняет вам обиду, если владеет чем-либо, что вам угодно. Кажется, всё, что не ваше, украдено у вас. Чтобы больше не встречать соседей, вы хотели бы расширить свои владения до самых границ обитаемой земли» — здесь, конечно, невозможно увидеть что-либо, кроме торжественного признания того самого права собственности, которое святой Амвросий, казалось, только что отрицал. Обличая захватчика чужого наследства и защищая от него законного владельца, разве он не выражает самым явным образом признание права собственности?

Что касается скупцов, которые не были виновны ни в вымогательствах, ни в грабежах, – чтобы понять суровые эпитеты, которые им адресованы, нужно учитывать время и место. Эти скупцы, судя по портрету, который нам передают, имели слух столь же глухой, как и сердце; чтобы быть услышанным ими, надо было говорить громко и ясно. Напор обличения должен был соответствовать силе сопротивления. Какой адвокат доброго дела в пылу своего рвения всегда тщательно выверяет каждое слово? Какой пламенный проповедник в жару импровизации никогда не рискует смелыми гиперболами? Если святой Иоанн называл убийцами тех, кто не любит ближнего, если святой Павел упрекал скупцов в идолопоклонстве, если святой Афанасий, святой Августин, а вслед за ними Боссюэ и Массийон называли убийцами тех, кто оставлял братьев без помощи, то и проповедники IV века могли, без чрезмерного преувеличения, назвать их похитителями. Когда они выражались с такой резкостью, нечего было опасаться, что бедные воспримут их буквально и станут силой отнимать то, что им отказывали.

Злоупотребления деспотизмом тогда были опаснее, чем бунт. Впрочем, далёкие от поощрения восстаний, христианские ораторы делали всё, чтобы их предотвратить. Перед богатыми они громили скупость; перед бедными – громили зависть и ропот. Богатым они проповедовали благотворительность, бедным – терпение. Они настаивали на этой добродетели так настойчиво, что на первый взгляд это могло показаться чрезмерным. Излагая человека нужде, Бог хотел не столько испытать его терпение, сколько возбудить его деятельность, развить способности и силы. Ни апатия индуса, ни пассивное подчинение мусульманина не соответствуют намерениям Провидения. В обычном ходе вещей полезно, чтобы бедный ощущал своё положение, дабы сопротивляться и бороться с ним; но к чему бороться, если нет никакой надежды победить?

В ту эпоху надежды такой у бедных не было: чтобы разбогатеть, перед ними были только неправедные пути. Проповедуя им, прежде всего смирение и терпение, Отцы Церкви давали новую доказательность своего неприкосновенного уважения к праву. Нет у них ничего, что разжигало бы алчность бедных; напротив, всё стремится умерить их страсти, усмирить ропот, примирить их с их положением, внушить им ненависть прежде всего к греху и несправедливости. «Бедность и болезнь — не зло, а только названия зла. Богатство с грехом — худшая из всех бедствий; гораздо лучше грех вместе с несчастьем, ибо там хотя бы есть средство к исцелению», — говорил один из них.

«Пример Лазаря, — говорит Златоуст, — делает непростительными бедняков, которые нетерпеливо переносят бедность: этот несчастный, лежащий у ворот богатого, не жаловался, не роптал; он не говорил, как многие другие: “Что это? Вот нечестивец живёт в наслаждениях, а я умираю с голода, униженный его презрением!” Нет, он этого не говорил; и доказательство тому — что после смерти его ангелы понесли на лоно Авраамово. Перестанем же говорить: если бы Бог его любил, Он не позволил бы ему быть бедным; лучше вспомним, что Бог наказывает тех, кого любит». — «Пусть богатый, — говорит Амвросий, — не презирает бедного; но пусть и бедный не завидует богатому».

В одном из своих сочинений он пространно говорит о вознаграждениях, обещанных бедности. — «Богатые, — говорит Августин, — любите, а вы, бедные, не крадите; богатые, раздавайте своё имущество; бедные, укрощайте свои желания и помните, что великое приобретение — благочестие при довольстве. Ищите довольства, не более». Разве это слова людей, которые хотели бы насильственно изменить распределение богатств и сравнять социальный порядок? Напротив, они повсюду утверждают основы собственности. Все заявляют наперебой, что нападают только на скупость, а не на богатство, что богатство само по себе не более преступно, чем бедность всегда свята.

Все признают, что оно — дар Божий, а потому законно и добро само по себе; и когда ученики Евстафия стали систематически и высокомерно презирать богатство, будто мирские блага оскверняют владельца, а пелагиане утверждали, что богатый не может войти в Царство Небесное иначе как, продав всё своё имущество, — тогда правоверные учителя выступили против этой новой ереси и заявили, что богатый не более исключён из Царства Небесного, чем бедный, ибо Бог смотрит не на имущество, а на чувства и расположение сердца.

Все Отцы того времени признают за человеком свободное пользование тем, что он имеет. Следовательно, они также провозглашают полную свободу милостыни. Они, конечно, желают, чтобы она была как можно обильнее, и по этому поводу обращаются к богатым с самыми серьёзными наставлениями; но при этом ясно заявляют, что не хотят предписывать никакой точной меры. Все они полностью следуют мыслям святого Павла; и Церковь настолько прониклась этими принципами, что никогда не произносила отлучения против тех,

кто отказывался давать милостыню бедным, хотя нередко извергала анафему на богатых грабителей и могущественных, злоупотребляющих властью.

В каком же смысле Отцы той эпохи, кажется, иногда учили общности земных благ и отрицали, что богатый по-настоящему хозяин своего имущества? Разве они подразумевали под этим, что Бог дал всем равные права на всё — на землю, на продукты труда, как на воду, которую мы пьём, или на воздух, которым мы дышим? Совсем наоборот: они учили прямо противоположному. «У тебя нет общего дома с богатым, — говорит Августин, — хотя у тебя с ним общий небосвод и общий свет». — «Бог, — говорит Златоуст, — не сделал богатства общими, желая через них приготовить нам средство искупления грехов». А Феодорет видит в неравенстве имущества одно из самых явных свидетельств мудрости Провидения: разнообразие положений необходимо, чтобы одни снабжали материалами для труда, а другие трудились, и все зависели друг от друга. Если бы все были равны, кто стал бы служить другим, пахать, сажать, выполнять грубые, но столь полезные дела?

Они, следовательно, не признавали за людьми общих прав на мирские блага. По их мнению, общим была лишь цель этих благ: Бог создал их для пользы всех, но присвоил их только некоторым. По отношению к другим людям богатый действительно хозяин своего имущества, в том смысле, что никто не вправе его оспаривать или требовать отчёта в его использовании. Но по отношению к Богу он лишь хранитель и ответственный распорядитель того же имущества: он получил его от Него и должен постоянно давать Ему отчёт. Он получил его для пользы братьев, равно как и для своей. Отклонять эти дары от предназначенного им употребления, использовать их только для себя — значит быть виновным перед Богом так же, как неверный управитель виновен перед своим господином: это воровство — не по человеческому закону, но по закону Божию.

Таков подлинный смысл новых изречений, которые будут приведены ниже и которые, сопоставленные с уже цитированными, не оставляют сомнения в истинном понимании этих слов. «Делись своими благами с братьями, — сказано в Апостольских постановлениях, — и не называй их своими собственными благами, ибо это дар Божий, данный людям сообща». — «Мы думаем, — говорит Астерий, — что владеем тем, чем пользуемся; но ничто из того, что мы получили, не наше. Откажись же, кто бы ты ни был, от этой гордости собственника и облекись в смиренные чувства простого управителя. Даже наши члены и чувства — не наши, ибо мы не можем распоряжаться ими по своей прихоти, а лишь по закону Божию. Тем более мы лишь управители благ, которые получили от Бога — по завещанию, браку, торговле, труду или иным образом: всё это всегда по воле и с помощью Бога. Ты лишь управитель: но как ты должен управлять ими? Раздавая голодным. Делая так, ты будешь вознаграждён Законодателем; нарушая Его закон, будешь наказан. Итак, все мы, желающие обеспечить себе будущий покой, должны, как управитель из притчи, приобретать друзей посредством того, что не наше, то есть того, что принадлежит Богу и что Он нам одолжил».

Нет иной обязанности, кроме религиозной; нет иного взыскателя, кроме Бога; нет иной санкции, кроме Божественной. В том же смысле говорит Златоуст: «Бог дал нам блага не для того, чтобы тратить их на роскошные одежды, разврат и оргии, а чтобы раздавать бедным. И если мы этого не делаем, мы столь же виновны, как казначей, который не распределяет средства по воле императора. То, чем владеет богатый, не его собственность, а собственность его сослуживцев. Управляй же своим богатством, как чужим, и делись им с бедными, подобно тому как в большом доме управитель должен давать отчёт и распределять то, что он получил, так, как велел хозяин». И в другом месте: «Наши блага — не наши, а Божии. Он пожелал, чтобы мы были их распределителями, а не хозяевами, и потому даёт их одним и лишает других. Разве ты из иного праха, чтобы заслуживать лучшую долю?» В том же духе высказываются святой Василий, оба святителя Григория, святой Сальвиан и другие Отцы.

Какой бы ни была сила — скажем больше, даже преувеличенность — некоторых из их выражений, их учение в основе всегда оставалось тем же, что и учение их предшественников, тем же, что и учение Евангелия: милостыня всегда проповедовалась как долг чисто религиозный, как предписание, обращённое именем одного лишь Бога и только Богом могущие быть востребованным к исполнению. Те самые епископы, которые столь сурово обличали скупца или монополиста, первыми стали бы защищать их от несправедливости или народного насилия, так же как они защищали от мятежей правителей, чью тиранию порицали с наибольшей резкостью. Это нам особенно важно было установить, прежде чем продолжить исследование последствий христианской любви. Необходимо было ясно определить дух, в котором она проповедовалась, вернуть ей тот характер свободы, который в наши дни пытались затемнить, и показать, наконец, что Церковь, настаивая более чем когда-либо на необходимости этой добродетели, вовсе не думала вводить её в сферу закона, а оставляла её, как и прежде, в области совести.

(Что касается полного пожертвования своих имуществ бедным, когда они проповедовали это богатым, то делали они это исключительно как дело сверхдолжное; в их глазах, как и всякий иной акт аскетизма, это была добродетель не божественного предписания, а совета, и в особенности свойственная тем, кто собирался оставить мир (Августин, Письмо к Гиларию; Иероним, Письмо к Хедибии, соч. т. IV, стр. 171; Письмо к Деметриаде, стр. 792; Феодорет, Комментарий на послание к Коринфянам, соч. т. III, стр. 242 и др.)).

Подлинный дух христианской благотворительности таким образом вновь обозначен; продолжим перечисление средств, которые она предложила римскому миру для облегчения бедности.

ГЛАВА V. Ресурсы, предоставляемые любовью

Когда вспоминаешь быстрые успехи, которых достигла Церковь начиная с IV века, когда видишь, как число христиан, ещё столь ограниченное во времена Константина, менее чем за двести лет увеличилось настолько, что составило подавляющее большинство и вскоре почти всю совокупность подданных империи, не следует ожидать, что ресурсы христианской благотворительности возросли бы в той же пропорции. Очень многого недоставало до того, чтобы все, кто называл себя обращёнными, были таковыми на деле; во многих отношениях Церковь никогда ещё не была менее христианской, чем после того, как сама империя была объявлена христианской.

Большое количество свидетельств о жадности богатых людей и строгие обличения, которыми они вызывали на себя епископов, а также подтверждение этих упрёков некоторыми современными авторами достаточно показывают, насколько часто дух язычества ещё противостоял усилиям христианской любви.

Тем не менее, она во многих случаях смогла преодолеть это сопротивление и произвела дела благотворительности настолько обильные и даже столь замечательные, что заслуживают нашего восхищения. Это, конечно, не мраморные памятники, которые могли бы нам рассказать об этом: бедные, которые были объектом этой помощи, не могли столь дорогостоящим образом засвидетельствовать свою благодарность; и Церковь ещё не совсем забыла ту скромность, которая должна украшать милосердие. Когда магистрат устраивал для народа великолепные празднества или оставлял членам своей муниципии средства для ежегодного пира в свою честь, погребальная колонна с похвальной надписью должна была увековечить память его щедрот. Напротив, в древних христианских надписях, собранных в Риме, едва ли встречаются имена одного-двух благотворителей бедных.

Однако свидетельства столь же достоверные — прежде всего свидетельства врагов самой Церкви — не оставляют нам сомнений в подвигах её милосердия. Имена Небридия, Цезария, Паулы, Олимпиады, Василия вписаны в память Церкви более прочными буквами, чем, если бы они были высечены на мраморе или бронзе. Но простого перечисления имён и отдельных фактов было бы недостаточно. Стремясь представить нашим читателям точные и практически значимые сведения, мы последовательно изложим ресурсы, предоставляемые христианской благотворительностью, способ, каким Церковь их администрировала, и использование, которое она из них извлекала для облегчения бедности.

В ту эпоху по-прежнему существовал обычай среди наиболее ревностных христиан приносить Богу для Церкви и бедных либо первые плоды, либо десятую часть своих урожаев и произведений труда. Чтобы сделать эту жертву для них более лёгкой и привычной, придав ей характер святого обычая, Златоуст побуждал их, по примеру святого Павла, каждое воскресенье откладывать ту часть, которую они смогут посвятить на милостыню.

Также рекомендовалось верующим регулярно приносить на Святую Вечерю, насколько это было возможно, приношения — деньгами или натурой — которые символизировали жертвоприношения, приносимые на алтарь в древнем завете, и поэтому назывались «облатиями» или «жертвами». Имена жертвователей заносились в диптихи Церкви и зачитывались вслух диаконом перед причастием; надежда на более обильные духовные плоды жертвы у алтаря и на благословения, которые священник призывал на паству, а может быть (почему бы не признать?), и лёгкая мирская радость услышать своё имя провозглашённым в храме — всё это способствовало щедрости.

В годовщину похорон родственника и на службе, совершавшейся у алтаря в его память, приносились подобные дары, доходы от которых предназначались особенно для бедных. Этот обычай был ещё настолько распространён, что Златоуст сожалел, что верующие не делают того же самого при каждом причащении — в память о смерти своего Спасителя. Тем не менее, он признаёт, что с приближением праздников и когда великие годовщины Церкви особенно живо напоминали о событиях и благах искупления, щедрость верующих возрастала вместе с их благочестием.

Кроме того, в определённые случаи устраивались общие и регулярные сборы для нуждающихся — например, те, которые сопровождали посты, предписанные Церковью. Мысль сделать пост союзником благотворительности была старше христианства: её встречаем у иудеев и даже, как говорят, у некоторых язычников. Церковь, конечно, не пренебрегала таким плодотворным средством и лишала даже самых бедных повода уклоняться от подаяния. В начале квартальных постов Четырёхвремий каждого христианина приглашали передать сборщику то, что он сэкономит на своём обычном рационе.

Все проповеди о посте, произнесённые в ту эпоху, были одновременно проповедями о милосердии и благодарении; все они напоминали людям о благодеяниях Божьих и обязывающей их к добрым делам любви; все наперебой толковали эти прекрасные слова пророка: «Не тот ли пост Я избрал, чтобы ты разделил свой хлеб с голодным?» — «Бог благословил ваши поля и виноградники, — говорит святой Лев Великий в одной из своих проповедей на сбор, — Он благословил ваш труд, чтобы вы помогали тем, кто ничего не собрал своим трудом, так, чтобы они благословили Бога, как и вы, за плодородие земли. Он захотел, чтобы был пост в этом десятом месяце, чтобы каждый стал более умеренным для себя и более щедрым к своим братьям».

В начале Великого поста святой Августин и святой Цезарий Арльский также наставляли своих слушателей посвящать дни поста посещению больных и заключённых, заботе о странниках. «И не забудем, — добавляют они, — накормить наших братьев тем, от чего мы сами постимся». Последняя неделя поста особенно отмечалась делами милосердия. В периоды общественных бедствий, когда возникали многочисленные и настоятельные нужды, Церковь не ждала возвращения святых годовщин, чтобы объявить посты и организовать сборы. Её служители решительно обращались к пастве, живо описывали бедствия бедных, усиливали свои трогательные призывы и, прежде чем вызванное ими волнение угасало, часто собирали обильные средства.

Во время понтификата святого Василия Кесария подверглась голоду, какого не помнили современники, и который усугубляли махинации спекулянтов. Василий, «который не мог, — говорит его друг, — низвести хлеб с небес, сумел, по крайней мере, своей красноречивой речью склонить богатых открыть свои житницы; тогда, новый Иосиф, он собрал бедняков и ежедневно кормил их хлебом и другими припасами». При отсутствии свободной и активной торговли — единственного надёжного средства против монополий — лучшим решением было именно то, к которому прибег Василий. Когда-то Диоклетиан, устанавливая твёрдые цены на зерно, лишь вызвал рост цен; когда Юлиан захотел следовать его примеру, дороговизна вскоре распространилась на все продукты. Законы и насилие против скупщиков никогда не приносили ничего, кроме голода. Василий поступил мудрее: он сумел убедить самих спекулянтов, и именно их руками заставил открыть амбары и кошели.

Помимо этих разовых щедрых подаяний, к которым побуждала сама Церковь, многие другие делались христианами совершенно добровольно. Было почти общим обычаем, что состоятельные или богатые христиане завещали по своему последнему распоряжению тот или иной дар — больше или меньше — на благотворительные цели. Памятники того времени упоминают о множестве таких благочестивых завещаний, некоторые из которых уже носят формулы, так часто употреблявшиеся в Средние века. Родители святого Григория Назанзина поручили своим детям отдать бедным всё, что останется после них. Цезарий, брат святого Григория, и Сатир, брат святого Амвросия, выразили подобные желания, и их воля была добросовестно исполнена.

Но не все наследники проявляли такое же бескорыстие. Святому Григорию пришлось обратиться с жалобой против двух братьев, которые отказались выплатить его церкви наследственный дар, оставленный ему их матерью. Наследственные имения, которые Проба завещала Римской Церкви, были расхищены неверными администраторами; имущество Цезария разграбили лжекредиторы, которые при его жизни вовсе не заявляли своих прав. Некоторые епископы испытывали справедливые угрызения совести, принимая для своих церквей наследства, когда близкие родственники завещателя могли считать себя обойдёнными.

Многие, наконец, полагали, что дары, сделанные лишь на момент, когда человек уже не сможет ими воспользоваться, свидетельствуют о слабом самоотречении и малом духе жертвы. «Вы говорите, что дадите по завещанию? — замечает Сальвиан. — Значит, вы будете щедры только после своей смерти. Но какие ваши дела будут вознаграждены: те ли, что вы совершили при жизни, или те, что последуют после вашей смерти? И откуда вам знать, что у вас будет время составить завещание или что оно не будет оспорено, а ваше имущество не расхищено?» Чтобы по-настоящему доказать свою любовь к бедным, нужно было давать при жизни: вот жертва действительно угодная Богу, потому что она умерщвляет плоть и упражняет человека в самоотречении.

Так, святого Августина упрекали в том, что он отказался принять для своей церкви выгодные наследства; он объяснил это тем, что они происходили от отцов, несправедливо лишивших

своих детей наследства, и заявил, что всегда будет отказываться от подобных даров. Аврелий, епископ Карфагена, поступил столь же благородно: один гражданин города, уже не надеясь на потомство, отдал всё своё имущество Церкви, оставив себе только право пользования. Когда же он стал отцом, Аврелий вернул ему дар. «Действительный по человеческому праву, — говорил Августин, — он был ничтожен по праву небесному».

Хотя пожертвования, делаемые при жизни, не могли соперничать по количеству с завещаниями, они всё же бывали весьма значительными. Палладий знал в Анкире, в Галатии, некоего Севериана и его жену, которые, движимые великой любовью к бедным, расходовали на них весь свой доход. Они говорили своим детям: «После нас всё наше имущество будет вашим, но при нашей жизни позвольте нам раздавать его доход церквам, приютам, бедным и монастырям». Во время голода их щедрость была так велика, что привела обратно в Церковь многих еретиков, которые её покинули. Паммахий при жизни раздал большую часть своего состояния бедным, а остальное завещал им после смерти. Небридий, префект Константинополя, отдавал бедным жалованье за свою должность и все подарки, которые делал ему император.

Олимпиада, вдова, заслужила от Златоуста такое свидетельство: «С юности своей ты непрестанно кормила Иисуса Христа, утоляла Его жажду, посещала Его в страданиях, и до наших дней океан твоей благотворительности разлился до самых концов мира». «Нонна, — говорит святой Григорий о своей матери, — исчерпала бы море своими щедротами. Горгония, его сестра, не довольствуясь тем, что обогащала церкви, принимала у себя всех благочестивых, была подругой вдов, протягивала руку несчастным; её дом был приютом для всех её близких в нужде, её имущество — общим достоянием бедных». Щедрость Паулы и Фабиолы была увековечена святым Иеронимом; Мамерт Клавдиан и святая Энтропия были воспеты Сидонием Аполлинарием. И как можно было бы перечислить множество других примеров, приведённых современными авторами?

Стоило только священнику или епископу быть признанным одновременно благоразумным и сострадательным, хорошо знать нужды своей паствы и заботиться об их интересах — и благочестивые дары стекались к нему в изобилии. Святой Амвросий отмечал, что священники, которые больше всех отдавали, были также теми, кто больше всех получал, потому что благотворительные христиане, вручая им свои дары, были уверены, что они принесут наибольшую пользу бедным. Святой Епифаний, епископ Саламина, после того как раздал все свои собственные средства и щедро пожертвовал церковные, всегда находил в милосердии верующих достаточно, чтобы обновить свои раздачи. «Он постоянно, — говорит Созомен, — вызывал упрёки своего эконома, обвинявшего его в растрате церковных сокровищ. Но он не слушал его и всё раздавал, и всё же у него всегда было, что раздавать, потому что те, кто решил помочь бедным, передавали свои дары через его руки, будучи уверенными, что он исполнит их намерения лучше, чем они сами. И вот однажды, когда у него ничего не осталось, эконом получил от неизвестного лица, которое так и не назвалось, кошель с золотом. Поскольку невозможно было предположить, что автор такого дара пожелал остаться неизвестным, Созомен не увидел в этом ничего иного, кроме как сверхъестественное вмешательство».

Странная склонность историка — допустить чудо, лишь бы не признать добродетель! Неужели в Церкви уже не осталось душ, достаточно великодушных, чтобы тайно поддержать ради Бога святую щедрость своего епископа? И однако сам Созомен, как и другие современные ему авторы, передаёт множество фактов ещё более полного самоотречения — ведь речь идёт о христианах, которые полностью отказывались от своего имущества ради бедных. Правда, такой отказ происходил главным образом или почти исключительно от тех, кто посвящал себя монашеской жизни.

В ту эпоху, когда христианство ещё слабо проникло в общественные нравы, христианину, остающемуся в мире, было почти невозможно разорвать бесчисленные связи, освободиться от множества искусственных потребностей, от мнимых обязанностей, налагаемых тиранией общественного мнения. Если он хотел разумно употребить свой излишек и отдать большую часть несчастным, тысячи препятствий его останавливали: дети, привыкшие к роскоши; клиенты, которых надо поддерживать; друзья, которых нужно не обидеть; родственники, которых нужно удовлетворить; толпа жадных людей, требующих пиров и праздников как дань богатого; наконец, целая орда паразитов и льстецов, которым невозможно объяснить подобную жертву: «С вашим положением, вашим состоянием, таким скромным образом жизни, такой простой одеждой, таким скудным столом!»

Когда Паулин, сенатор и консул Рима, захотел раздать своё имущество бедным, вокруг него образовалась страшная пустота: родственники, друзья, вольноотпущенники, даже самые верные слуги покинули его; он стал мишенью насмешек и острот, от которых не смог защитить его даже единственный оставшийся друг, Сульпиций Север. Надо признать, требовалась почти нечеловеческая храбрость, чтобы выдержать такие бури; единственным выходом было уйти из мира и удалиться в пустыню. Так поступил Паулин. Так же поступила приблизительно в то же время Паула, знатная римлянка: овдовев и желая посвятить себя делам милосердия, она, «утомлённая, — говорит святой Иероним, — суетой своего дома и визитами римской знати, нетерпеливая к бегству, весной отправилась с дочерью, посетила самые известные монастыри Востока и сама основала несколько таких обителей, а также приюты для паломников… Она была чрезмерна лишь в своих подаяниях… она призывала Бога в свидетели, что всё делает ради Его имени; что хотела бы умереть, став нищенкой, не оставить после себя ни одного экю, ни даже савана для собственного погребения… „Если я попрошу, — говорила она, — многие будут готовы дать мне; но если этот бедняк попросит и не получит от меня, и умрёт от голода, с кого взыщут его жизнь?“ Я бы желал, — добавляет Иероним, — большей благоразумности в её домашнем хозяйстве; но в своём пламенном рвении она видела лишь своего Спасителя, которому хотела вернуть все Его благодеяния. Наконец, она достигла вершины своих желаний». Родители святой Мелании, которых богатые друзья Рима хотели удержать от отказа от имущества, тоже не нашли иного пути исполнить свой замысел, как удалиться в монастырь.

Пока одни из этих щедрых христиан принимали монашескую жизнь, чтобы делать добро с большей свободой, другие, движимые иным духом, отказывались от своих богатств, чтобы легче отвергнуть мир. Святой Антоний, отец отшельников; Пахомий, основатель общежительного монашества; Иларион, распространитель монашества в Сирии; святой Василий и святой Григорий в Малой Азии; Епифаний, епископ Саламина на острове Кипр; Порфирий Газский; Александр, основатель монахов акаеметов (бессонных); Феодорет, епископ Кирский; Авраам, епископ Карр; Исидор Пелусиот; святой Иларий и святой Оноре, епископы Арля; святой Клод, пресвитер Парижа; святой Мартин, епископ Турский; святой Григорий, епископ Рима; Марцелл, архимандрит Константинополя; Исайя, Кледоний и их подражатели, принимая монашеский образ жизни, из среды которого большинство впоследствии были возведены в сан пресвитеров или епископов, — все они полностью отдавали своё имущество бедным.

То же самое сделали и известные миряне: Непоциан, любимец Грациана и Феодосия; Феодул, правитель Константинополя при младшем Феодосии, и тот офицер, который, побеседовав со святым Макарием, отказался от всех своих земных надежд, раздал своё имущество бедным и принял монашество. Так поступили и святая Пелагия; Фабиола, после смерти своего второго мужа; дева Деметриада; святая Евпраксия; обе Мелании, римские знатные дамы, разделившие все свои богатства между монастырями, церквами и госпиталями Востока и Запада.

Некоторые епископы совершили подобное же жертвоприношение, не проходя ни пустыню, ни монастырь: благодаря строгой ограде, которую они возвели между собой и миром, епископский дворец стал для них чем-то вроде Фиваиды. Святой Амвросий, приняв пастырский жезл, раздал всё своё имущество бедным и передал свои земли Церкви, оставив за собой только право пользования ими для своей сестры. Григорий Нисский пожертвовал для облегчения своей паствы все блага, полученные им по наследству. Святой Спиридон, епископ Кипра, разделил все свои владения на две части: одну — для бедных, другую — для тех, кому требовался заём. Святой Августин вскоре после своего обращения отдал свой дом и земли церкви Тагасты, своего родного города, оставив себе из этого дара лишь самое необходимое для своего и сына содержания. Став епископом Гиппонским, он однажды возвестил с кафедры, что все священники и диаконы его церкви, как и он сам, добровольно отказались от всех своих благ в пользу благочестивых и благотворительных учреждений.

Наконец, история рассказывает нам и о ещё больших подвигах самоотвержения: о христианах, которые, лишив себя всего ради бедных, решили даже продать самих себя, чтобы иметь, чем помочь им. Так поступили Паулин, епископ Нолы, и Серапион, епископ Тмуиса. Во времена Юстиниана некий Пётр, бывший сборщик налогов, желая искупить силой милосердия свою прежнюю суровость, по рассказам, велел своему диакону продать его самого ради бедных. Не следует слишком поспешно называть эти рассказы баснями: если такие подвиги кажутся превышающими человеческие силы, одно обстоятельство может помочь нам поверить в них — нестабильность тогдашних состояний, которые пошатнувшаяся империя постоянно грозила увлечь в свою гибель.

«Чего мы добиваемся? — говорили два придворных Феодосия, задержавшись однажды в хижине отшельника и поражённые чтением жизни святого Антония. — Что удерживает нас при дворе, и чего мы можем там ожидать более великого, чем дружба императора? Но что может быть более хрупким, чем такое счастье? Какая участь более подвержена опасностям?» Контраст между волнениями двора и миром пустыни поразил их так сильно, что с этого дня они отказались от мира, богатства и надежд на продвижение и приняли монашество. Таков был ежедневный эффект, который производили несчастья стольких знатных выскочек — Руфина, Стилихона, Евтропия, Гайна.

Добавим, что в то время многие ещё вовсе не чувствовали себя уверенными относительно приближения конца мира. Видя бедствия империи, множество христиан, подобно своим предшественникам, непрестанно думали, что вот-вот наступит этот роковой момент, и обнаруживали при этой мысли такое отрешение, которое, возможно, одной только благотворительностью не всегда удавалось бы внушить.

ГЛАВА VI. Администрирование средств благотворительности

Десятины, первые плоды, приношения к алтарю, регулярные или случайные сборы, завещания, частичные или полные пожертвования, движимое или недвижимое имущество — таковы были главные ресурсы, предоставляемые благотворительностью. Церковь, хранилище большей их части, непосредственно распределяла лишь приношения натурой или наименьшей стоимости; остальные, особенно недвижимость, она пускала в оборот и употребляла доходы либо на собственные нужды, либо на облегчение нужды бедных. Так она оказалась обременена управлением гораздо более сложным, чем в первые века, и это требует некоторого внимания.

Вероятно, ещё до Константина Церковь получила в дар немного недвижимости. Миланский эдикт 313 г. упоминает дома и сады, конфискованные у неё и подлежащие возврату. Но эти

средства, несомненно, были очень скромны. Римский закон признавал право собственности только за корпорациями, прямо и поимённо уполномоченными государством, и мало кто из верующих решался дарить Церкви имущество, которое в любой момент могло быть аннулировано или конфисковано; самое большее — иногда под частным именем отдавали дома для собраний и участок земли под кладбище. Такой участок Александр Север отдал христианам Рима, вопреки корпорации, которая оспаривала его. Диоклетиан затем запретил всякие пожертвования в пользу христиан. Но как только Церковь была признана государством, Константин специальным эдиктом 321 г. разрешил ей принимать дары верующих.

С этого момента пожертвования стали быстро возрастать. Доходы церкви Кесарии Каппадокийской были столь значительны, что, по словам святого Григория, вид части этих богатств, перевезённых из Таурикуса в Кесарию, возбудил зависть Анфима, епископа Тианы. Во времена Златоуста церковь Антиохии могла ежедневно содержать три тысячи вдов или дев, посвящённых Богу, помимо чужестранцев, больных и немощных, которым она помогала. Но ничто не равнялось богатству великих митрополичьих церквей Рима и Александрии. Помимо огромных сумм наличными и сосудов из золота и серебра, различные римские церкви владели домами и землями не только в Италии, Сицилии и прочем Западе, но также в Сирии, Малой Азии и Египте.

Когда святой Иоанн Милостивый стал патриархом Александрии, он нашёл в церковной казне восемь тысяч фунтов золота и получил ещё десять тысяч. Говорят, что у этой церкви были собственные корабли для доставки зерна; утверждают, что за один день она потеряла тринадцать судов по десять тысяч мер каждое. Если это верно, можно судить об объёме её средств: святой Иоанн Милостивый, по преданию, кормил до семи тысяч пятисот бедняков одновременно. Благодаря этим богатым основаниям положение нуждающихся стало менее шатким: у Церкви появился постоянный фонд, чтобы восполнять капризы или вынужденные перерывы частной благотворительности. Но это преимущество имело и оборотную сторону: Церковь оказалась втянутой в хлопоты управления, часто весьма многочисленные и не имевшие прямого отношения к её духовной миссии.

Ей, провозгласившей, что она заботится лишь о Небе, приходилось заниматься чисто земными делами. Не все епископы имели, как Амвросий или Мамерт Вьеннский, талант одновременно церковный и хозяйственный. Им самим приходилось покупать, обменивать, продавать; нанимать колонов и рабов, содержать и надзирать за многочисленным штатом управляющих. При этом не все руки, касавшиеся церковной казны, были одинаково чисты: встречались неверные экономы, расточительные или корыстные епископы, не всегда достаточно строго различавшие имущество Церкви и своё собственное или слишком щедро делившиеся им с родственниками. Даже безупречная честность и постоянный надзор не могли помешать появлению подозрений. Бедные, чьи просьбы были отклонены или удовлетворены лишь частично, считали, что средства употреблены неправильно.

Сам объём фондов порождал у них ожидания, если не безграничные требования, а также давал богатым повод к оправданиям: когда Церковь настаивала на милостыне, ей противопоставляли её сокровища и владения и удивлялись, что при таком богатстве она не может помочь всем бедным. Так, по мере роста постоянных ресурсов, случайные пожертвования и сборы уменьшались; в обычные времена Церковь знала, откуда черпать, но несла большие обязательства и, в трудные времена, имела меньше средств. Дух благотворительности, который, как и всякое великодушие, развивается лишь через поступки, постепенно слабел: богатые привыкали отсылать бедных к церковной помощи, откладывая на будущее возмещение этому учреждению через завещания. Неудивительно, что при виде этих печальных последствий самые ревностные епископы начали сожалеть о дне, когда пожертвования стали фондами, а Церковь — собственником.

Златоуст был в принципе против накопления: «То, что принадлежит Церкви, разрушается временем или становится добычей похитителей; а что вы сами даёте бедным, того диавол не сможет отнять». Он советовал быстро и щедро раздавать собранные суммы, чтобы избежать судьбы эконома, который, спрятав добро бедных, вынужден был в войну отдать его врагам. «Вашими руками, — говорил он, — должен быть сокровищница Церкви; но ваша жестокость вынуждает её владеть домами и землями… Вы бесплодны на добрые дела, и служители Божии вынуждены заниматься множеством дел, чуждых их званию… Во времена апостолов им тоже могли дарить дома и поля: почему предпочитали продавать их и отдавать выручку? Потому что так было лучше… Ваши отцы хотели бы, чтобы милостыня давалась из вашего дохода, но опасались, что ваша скупость оставит бедных голодать; отсюда нынешний порядок… Вместо молитвы и учения мы вынуждены торговать вином и хлебом, терпеть обиды, получать вместо апостольских титулов мирские прозвища… Снимите с нас это бремя, станьте сами сокровищницей Церкви; иначе вот бедные перед вами: мы накормим тех, кого сможем, а остальных оставим вам на вашу совесть… Если бы каждый из ста тысяч христиан Антиохии дал хлеб бедным, все были бы сыты; если бы каждый дал хоть обол, бедняков не стало бы, и ваши священники могли бы исполнять своё подлинное служение».

Блаженный Августин также желал, чтобы его община взяла обратно все церковные средства и земли и сама содержала бедных и духовенство. Если этого не произошло ни в Антиохии, ни в Гиппоне, не следует заключать вместе с Томассеном, что христиане этих городов признали несправедливость своих подозрений, и не следует думать, что система благотворительных фондов была сама по себе наилучшей для Церкви и бедных, а лишь, что она лучше всего соответствовала нуждам времени. Рассчитывать на частные подаяния, которые ослабевание рвения делало всё более редкими, или на личные ресурсы, которые упадок деловой жизни всё уменьшал, — значило бы подвергнуть будущее жестоким разочарованиям. Средства, данные или завещанные Церкви, были гораздо прибыльнее и безопаснее в её руках, чем в руках прежних владельцев; они составляли для бедных страховой запас, который в ту эпоху бедствий ничто не могло заменить.

Мы видели, что изначально Церковь делила свои доходы на три отдельные части: одну — для содержания духовенства, другую — на расходы культа и третью — для бедных. Когда, вследствие расширения христианских общин, епископат приобрёл большее значение и подвергся большим обязанностям, особенно по приёму чужеземцев, временно пребывавших в главном городе, чтобы поставить епископа в состояние выполнять этот долг гостеприимства, для него учредили четвёртую часть. Сначала ничто не определяло точного соотношения этих четырёх частей между собой. Епископ, законный хранитель доходов Церкви, распоряжался ими, делая долю бедных более или менее обширной — в зависимости от степени своей бескорыстности и милосердия.

Когда Иоанн Златоуст был возведён на патриарший престол Константинополя, он нашёл в счетах эконома, касающихся как лица епископа, так и расходов на культ, чрезмерные траты, которые он урезал или вовсе отменил. Отныне он стал принимать пищу один, чтобы делать это более скромно, и все сбережения, полученные таким образом, посвятил бедным. Говорят, он даже полностью уступил им свою долю церковных доходов, тогда как Олимпиада заботилась о его содержании. Максимин, один из его преемников, удостоился похвалы папы Целестина за то, что был возведён в епископский сан лишь по голосу бедных и стремился к этой должности только ради возможности творить больше добра. Гонорий, епископ Арля, заметив, что богатства его церкви вредят дисциплине духовенства, употребил их целиком на раздачи милостыни, оставив лишь самое необходимое для своего и клириков пропитания. Святой Иларий, епископ того же города, трудился собственными руками, чтобы иметь больше, что отдавать. Однако не все епископы следовали столь похвальным примерам.

Феофил Александрийский, слишком занятый строительством или украшением церквей, часто пренебрегал делами милосердия. Его эконом Исидор был вынужден напоминать ему, что тела больных — это живые храмы Господа и именно их важнее всего поддерживать и исцелять. Чтобы предотвратить злоупотребления этого рода, папы Симплиций и Геласий установили твёрдое правило деления церковных доходов на четыре равные части. Но, назначая не менее четверти этих доходов бедным, они имели в виду, чтобы им отдавался и весь излишек сверх того, что необходимо для содержания духовенства. Таково, по крайней мере, мнение Томассена и Лануа, которые замечают, что в целом, по мнению Отцов Церкви и латинских соборов, все земельные владения и доходы Церкви рассматривались как достояние неимущих, и что само духовенство имело на них долю лишь в этом качестве.

В тех случаях, когда этих обычных ресурсов оказывалось недостаточно для нужд бедных, благочестивые епископы основывали новые фонды или продавали священные сосуды. Так поступили, среди прочих, святой Кирилл Иерусалимский во время голода, святой Иларий Арльский, святой Экзюпер Тулузский, святой Амвросий, святой Августин Согласно декрету Халкидонского собора, каждый епископ должен был иметь при себе эконома для управления имуществом своей епархии, чьё присутствие, предотвращая растрату этих благ, могло бы также устранить подозрения относительно их использования. Диаконы и субдиаконы, которых называли «рукой, устами и душой епископа», были, как и прежде, его помощниками в раздаче милостыни. Они по-прежнему вели список семей, которые должны были получать регулярную помощь. Их число, очень значительное в главных церквах, показывает, как велик ещё был объём их обязанностей, хотя к ним добавлялись и некоторые функции, связанные с богослужением. Архи-пресвитер и архи-диакон служили посредниками между ними и епископом и помогали ему в исполнении его служения милосердия.

Теперь рассмотрим, какие категории нуждающихся поддерживались из этих средств, и какие новые учреждения были созданы, чтобы помочь как можно большему числу людей.

ГЛАВА VII. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОНДОВ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

«Закон иудейский, — говорит один из учителей Церкви, — предписывал благотворительность лишь по отношению к членам одной нации; закон благодати приглашает земли и моря на пир милостыни. Святой Павел, рекомендуя прежде всего заботиться о служителях веры, повелевает христианам распространять свои дары также на иудеев и язычников». Святой Иероним выражается почти в том же духе, и приятно услышать из уст святого Льва Великого эти поистине евангельские слова: «Хотя мы должны помогать верующим прежде всего, мы также должны проявлять сострадание к несчастным, которые не верят в Евангелие. Ближний, которого нам велено любить, — это все люди, как имеющие с нами одну природу; люди всех сословий, праведные или неправедные, друзья или враги, — Бог велит нам творить добро всем, как Он Сам делает».

Такой была беспристрастность, с которой многие христиане всё ещё проповедовали и практиковали обязанность милостыни. Напоминают здесь признание Юлиана Отступника. Аттик, патриарх Константинопольский, узнав, что в Никее чувствуется голод, послал епископу этого города триста фунтов золота, чтобы они были розданы — как он специально велел — без различия веры, между всеми, кто страдал от голода и стыдился просить милостыню. Во времена императора Феодосия Молодшего римское войско увело в Месопотамию семь тысяч персидских пленных, которых отказывалось отпускать на свободу, и которые, лишённые всего, оказались в крайней беде. Акакий, епископ Амиды, собрал своё духовенство и сказал: «Нашему Богу не нужны ни чаши, ни блюда, ибо Он не пьёт и не ест: давайте продадим золотые и серебряные сосуды, которыми располагает Церковь, и

используем их, чтобы выкупить и накормить этих несчастных пленников». Так он снабдил их всем необходимым и отпустил к царю Персии.

Авраам, епископ Карр, хотя и имел серьёзные жалобы на некоторых язычников своей епархии, тем не менее, обязался выплатить за них большую сумму римским чиновникам. Поскольку у него не было этих средств, он вынужден был занять их, и этот великодушный поступок обратил их в христианскую веру. Тем не менее, следует признать, что такие поступки встречались реже, чем в первохристианской Церкви, и становились всё более редкими по мере того, как христианство приближалось к торжеству. Гонимая Церковь распространяла свою любовь даже на своих притеснителей; победоносная Церковь чаще отнимала у язычников, иудеев и еретиков, чем давала им. Дух нетерпимости сужал милосердие, и именно это побуждало различные христианские секты иметь собственные сокровища для помощи своим беднякам. Между ними и официальной Церковью возникало соперничество, которое, если и не служило делу единства, то хотя бы приносило пользу благотворительности.

Хрисанф и Павел, епископы-новатиане в Константинополе, проявляли чрезвычайно деятельную любовь к своим единоверцам, что, с одной стороны, способствовало процветанию их секты, а с другой — побуждало правоверных епископов к большей щедрости. Иногда же лицемерие пользовалось плодами этой конкуренции: историк Сократ рассказывает о некоем иудее, который, притворившись, будто обращается в христианство, последовательно ходил креститься к разным общинам — и еретическим, и православным — и от всех получал богатые подарки, пока, как говорят, Павел, епископ новатиан, не разоблачил чудом его обман.

Так и ныне одной из самых трудных проблем благотворительности остаётся: как дать частной милостыне свободу, избегая при этом дублирования помощи, и как совместить обилие средств с распределением, которое всегда было бы справедливым и разумным. Но вскоре, благодаря исключительной защите государства, Церковь избавилась от всякой неудобной конкуренции: язычники и еретики, чтобы избежать законов об исключении и наказаний, вынуждены были вступить в католическую Церковь, которая в конце концов насчитывала почти столько же членов, сколько империя — подданных.

Подумайте теперь о бремени, которое на неё легло. Если бы она захотела продолжать, как прежде, помогать каждому из своих бедных детей индивидуально, какими ресурсами можно было бы располагать для этого? Особенно в ту эпоху, когда рук, готовых давать, было гораздо меньше, чем рук, протянутых, чтобы получать: где найти опору для каждой вдовы, защиту для каждого сироты, отеческий очаг для каждого покинутого ребёнка, приют для каждого странника, кров для каждого бедняка без дома, сиделок и врачей для каждого немощного старика, для каждого больного, которого хотелось бы лечить на дому?

Именно размышление о таких трудностях побудило Златоуста, в одном из его щедрых, но утопических порывов, мечтать о том, чтобы превратить Константинополь в нечто вроде огромного фаланстера. Описав предполагаемое общее владение первохристиан, он восклицает: «Какое было бы у нас изобилие, если бы мы умели поступать так же! Позвольте мне хотя бы помыслом насладиться этим, раз вы не хотите, чтобы это стало действительностью. Допустим, что все продали бы своё имущество и сложили бы его в общую казну. Как думаете, сколько мы бы собрали? Может быть, миллион фунтов золота, если не в два или три раза больше… Какая это была бы помощь для ежедневного содержания наших бедных! Разве вы не видите, что разделение богатств, чрезмерно увеличивая расходы, становится причиной бедности? Представьте, что в каждой семье десять детей и родители: не потратят ли они, живя все вместе в одном доме, гораздо меньше, чем, если бы жили порознь, когда потребовалось бы десять домов, десять слуг и

так далее? … Сегодня в монастырях живут так, как жили в первохристианской Церкви, и никто там не умер от голода».

Правда, о Константинополе этого сказать было нельзя; но Златоуст, восхищаясь общинным укладом, забывал, что его невозможно совместить с условиями обычной жизни. Его век напомнил ему об этом. Однако, отвергая непрактичные стороны такого устройства, начали заимствовать у него то, что было экономически выгодным и полезным: концентрацию помощи и объединение усилий; первую воплотили в больницах, второе — в монастырях.

ПРИЮТЫ И БОЛЬНИЦЫ

Строительство зданий, специально предназначенных для помощи несчастным, составляет столь характерную и славную черту христианской цивилизации, что неудивительно: уже в IV веке их появление считали результатом особого усиления милосердия среди верующих. Однако мы видели, что, напротив, дух милосердия в Церкви несколько охладел после её торжества; об этом свидетельствуют многократные жалобы её руководителей. И сама по себе организация больниц доказывает, в некотором смысле, что стало меньше оснований рассчитывать на прежнюю личную благотворительность.

Но когда из этого делали вывод, чтобы опорочить учреждение больниц, когда хотели видеть в их создании лишь признак полного забвения первоначальной любви, — это было, по нашему мнению, гораздо более серьёзной ошибкой. Святой Ефрем, святой Василий, святой Иоанн Златоуст входят в число первых основателей приютов для бедных; однако никто не посмел бы обвинить их в том, что они ожесточили милосердие ради пустой роскоши или заменили скромную и деятельную евангельскую благотворительность фарисейской показной щедростью. Прежде чем выносить столь суровый приговор, следовало спросить себя, могла ли даже самая горячая личная милостыня первых веков удовлетворить новые нужды, вызванные распространением Церкви и ростом бедности.

Святой Иоанн Милостивый, который желал, чтобы дом каждого верующего был приютом для больных, всё же лечил их в госпиталях; идеал, к которому он стремился, не мешал ему видеть насущные потребности времени. Основание больниц было, прежде всего, экономической мерой, продиктованной обстоятельствами. Вероятно, ещё до Константина ощущали трудность — помогать каждому несчастному поодиночке; но как можно было тогда мечтать о больших учреждениях, которые неизбежно привлекли бы внимание властей и вызвали бы злобу или корысть врагов христианства? То, что было невозможно при языческих императорах, стало возможным при их преемниках. То, что прежде было лишь полезным для небольшой христианской общины, стало необходимым, когда Церковь объединила большинство подданных империи.

Особенно в периоды великих бедствий эта необходимость ощущалась сильнее всего. Примером может служить основание приюта в Эдессе. Около 575 года в городе разразился страшный голод, за которым, как обычно, последовала эпидемия. Ефрем, узнав, что множество бедняков, без хлеба и крова, лежат на городской площади, покидает свою пустыню, приходит в Эдессу и строго укоряет богатых, оставлявших своих братьев умирать от голода. Потрясённые его упрёками, богатые отвечают: «Нас удерживает не любовь к богатству, но мы не знаем, кому доверить раздачу — кругом лишь алчные люди, которые обратили бы всё в прибыль». — «А как вы судите обо мне?» — спрашивает Ефрем. — «Ты — человек, пользующийся всеобщим уважением и достойный доверия». — «Так вот, — отвечает он, — если это так, я беру это дело на себя». И тотчас же, получив от них средства, он устраивает в городских галереях триста коек, где размещает и сам ухаживает за больными — не только за горожанами, пострадавшими от голода, но и за крестьянами и

пришельцами, которых нужда привела в город. Когда бедствие прекратилось, Ефрем вернулся в свою пустыню, где вскоре умер. Вероятно, этот импровизированный приют пережил своего основателя. Вскоре подобные учреждения появились почти во всех городах — не только для временных бедствий, но и для постоянных напастей, особенно для ужасной и заразной болезни, терзавшей античность и Средние века — проказы.

Прокажённые, «чьи тела, словно пожираемые огнём, принадлежали скорее смерти, чем жизни; несчастные, которых можно было узнать лишь по имени, а не по искажённым чертам лица; покинутые друзьями и родственниками, привлечённые к городам голодом и вскоре оттолкнутые ужасом, который внушали; изгнанные с площадей и от источников, они блуждали повсюду, тщетно пытаясь вызвать жалость своими жалобными песнями» (св. Григорий). Святой Василий в 370 году первым открыл для них приют у ворот Кесарии. «Он научил нас, — говорит его друг, — не презирать тех, кто такие же люди, как мы, не оскорблять в них страдающего Христа. Он приближался к ним, обнимал их как братьев, не для показного мужества, а чтобы своим примером воодушевить тех, кому поручал их уход». Собрав их в приюте, он защитил их от нужды и вместе с тем предохранил общество от опасного контакта.

Вскоре поняли, как выгодно лечить все виды телесных недугов в одном месте с необходимыми средствами, и такие приюты для больных, называвшиеся носокомиум, распространились по всей империи. Говорят, что уже при Константине святой Зотик основал в Константинополе приют для увечных и немощных. Иоанн Златоуст, экономя на расходах своей епископской кафедры, обогатил или основал несколько подобных заведений в том же городе и поручил их священникам, управляющим и врачам. Его примеру следовали при Аркадии и Феодосии Младшем — патриции Флорентий и Дексикрат; при Юстине Фракийце — Евбул; при Маркиане — Стефан, камергери императора. Другие основали дом для неизлечимых бедняков, который позже, придя в упадок, был восстановлен Юстинианом. Святой Августин учредил подобный приют для больных в Гиппоне; знатная римлянка Фабиола открыла его в Риме и добавила к нему загородный дом для выздоравливающих.

Такие носокомии вскоре появились не только в больших, но и в малых городах, иногда даже в сельской местности. Благодаря им перестали обращаться с безумцами и буйными, как прежде, когда их пожизненно заключали в тюрьмы. Эти приюты обслуживались сиделками — параболанами, так называли людей, которые добровольно брали на себя опасный труд среди заразных болезней. Они считались частью клира, принадлежали к низшим чинам духовенства, и их огромное число, например в Александрии, показывает, как быстро распространялись эти учреждения. Вдовы, находившиеся на содержании Церкви, также привлекались к уходу. К ним присоединялись и добровольцы: христианство, учившее побеждать зло добром и забывать собственные страдания, помогая другим, приводило многих несчастных к постелям больных, чтобы они нашли там духовное исцеление.

Это лекарство советовал святой Антоний одному брату, страдавшему меланхолией. Палладий упоминает юную деву, которая, пав жертвой обмана соблазнителя, искупила свой грех тридцатилетним служением больным и немощным. Знаменитая вдова Фабиола, основав приют в Риме, сама просила чести ухаживать за его несчастными обитателями: «Сколько раз, — говорит святой Иероним, — она носила их на своих плечах, мыла раны, на которые другие не решались даже взглянуть… Не менее щедрая своим трудом, чем своим кошельком, она презирала отвращение, которое останавливало стольких других; и в язвах бедных она видела язвы своего Спасителя». Феодорит восхваляет такую же самоотверженность императрицы Флаккиллы: «Она сама приходила в госпитали, ухаживала за больными, готовила им пищу, пробовала их бульоны, выполняла все обязанности служанки; и когда её пытались отговорить от таких занятий, она отвечала: “Пусть император раздаёт золото, а я хочу делать всё это для Того, от Кого он получил свою империю”».

После заботы о больных, та, которая по своему объёму и сложности делала наиболее необходимым общее управление, — это была забота о детях, лишённых родителей. Для них сначала устраивали τροφφεῖα (дома для грудных детей), а затем ὀρφανοτροφεῖα (приюты для сирот, вскормленных грудью). Что касается подкинутых или брошенных детей, то, по-видимому, не существовало особых учреждений, специально основанных для них в то время, если только не считать таковыми βρεφοτροφεῖα, относительно назначения которых учёные не согласны. Основание святой Галлы, дочери Симмаха, которая собрала у себя дома бедных маленьких детей, которых она подобрала, кажется, было делом совершенно личной благотворительности.

Один отрывок у святого Августина указывает, что часто оставленных детей принимали посвящённые Богу девы, которые, представляя их для крещения, старались найти какого-нибудь милосердного человека, который бы взял на себя их воспитание. В V веке вошёл в обычай в Арле, Трире, Миконе, Руане и других городах Галлии помещать их в мраморную нишу у входа в церковь. Сакрист (sacristain) подбирал их, священник записывал их имена в реестр и искал кого-нибудь, кто бы согласился их взять; если никто не являлся, сама церковь брала заботу о них на себя и воспитывала их на свои средства в своих сиротских приютах. Во всяком случае, монастыри принимали их почти без различия, как только они достигали определённого возраста. Первые приюты для подкидышей, о которых сохранились хотя бы смутные следы, — это приют в Трире, упомянутый в легенде времён Хильдеберта; приют в Анже, во «Жизни святого Мамбефа»; и тот, который архипресвитер Датей основал в Милане в 787 году.

Те же экономические соображения, которые привели к учреждению νοσοκομεῖα (больниц) и ὀρφανοτροφεῖα (приютов для сирот), побудили создать также παρθενῶνες или παρθηνοκομεῖα (дома для дев и вдов, которых содержала Церковь), πτωχοτροφεῖα или πτωχεῖα (дома для бедных, которых она приютила и поддерживала), а также γηροτροφεῖα или γερωντοκομεῖα для престарелых немощных, которых она брала на своё попечение. Наконец, епископы, которые, как мы видели, с самого начала всегда были готовы принимать у себя чужеземцев, путешественников, паломников, рекомендованных другими церквами, подумали также об облегчении этой обязанности, сделав её менее тяжёлой и более удобной, поручив это особым учреждениям. Отсюда возникли ξενῶνες или ξενοδοχεῖα (гостевые дома, приюты), столь распространённые уже с IV века по всей империи и особенно многочисленные в Константинополе.

Святой Иероним заложил в Вифлееме основание подобного приюта для паломников; чтобы закончить его, он поручил своему брату Паулиниану продать остаток их общего наследства. Он сам поздравляет Паммахия, который только что обеспечил домом для приёма странников порт Остии. Паммахий, после смерти своей жены Паулины, не находил утешения иначе, как в делах милосердия, к которым она сама его побуждала своим примером. Не довольствуясь тем, что раздал бедным Рима огромное состояние, оставленное ей, этот благородный потомок Камилла, обменяв сенаторскую порфиру на грубое чёрное одеяние монаха, основал заведение, подобное учреждению Фабиолы, но специально предназначенное для путешественников. «Я слышал, — пишет ему святой Иероним, — что ты основал ξενοδοχεῖον в римском порту и посадил на берегах Италии отпрыск гостеприимного дуба Авраама. Как Эней, ты разбил лагерь на берегах Тибра, ты построил Вифлеем (дом хлеба) на этих берегах, долго опустошённых голодом».

Паэсий, из богатого наследства, которое он получил от своих родителей, построил дом, где принимал и лечил чужеземцев; по субботам и воскресеньям он накрывал там множество столов, куда приглашал всех бедняков. То же рассказывают об Алефии, Евхаристии и Спиридоне. Различные приюты, которые мы только что перечислили, иногда существовали отдельно, особенно в крупных столицах; чаще они объединялись в одно общее учреждение,

посвящённое разным нуждам, которое называли общим именем ξενών или ξενοδοχεῖον. Тот, который святой Василий основал близ Кесарии и который Григорий Назианзин воспевает в своей похоронной речи на честь друга под именем «Василиада», вероятно, был такого рода, хотя первоначально он был предназначен главным образом для прокажённых.

«Пройдите, — говорит Григорий, — несколько шагов за город и увидите этот новый город, этот храм милосердия, эту сокровищницу, куда по его призыву стекались, защищённые от воров, моли и зависти, излишки богатых и необходимое беднякам. С чем сравню я это здание — с Фивами со ста вратами, или с Вавилонскими стенами, или с Мавзолеем, или с Пирамидами, или с Колизеем, или с теми великолепными храмами, воздвигнутыми с таким искусством и ныне разрушенными, и со всеми этими памятниками, которые принесли своим основателям лишь бесплодную славу? … И не только этот город он так обогатил: повсюду вокруг, вдохновлённые его примером, хорепископы и правители соперничали в щедрости к беднякам; так что ξενοδοχεῖα появились по всему его диоцезу, даже в деревнях и сёлах Каппадокии. «Другим — искусные повара, хорошо сервированные столы, богатые экипажи, роскошные одежды; Василию — забота о несчастных и больных; ему, как Иисусу, — дар исцелять прокажённых своими руками, если не словом».

Как это бывает с самыми благими учреждениями, у истоков они встречают врагов и клеветников. Это заведение было оклеветано перед губернатором Каппадокии, и Василий должен был смиренно объяснять этому магистрату, что «основать приют для ухода за бедными больными, принимать путешественников, собрать для этого сиделок, врачей, устроить мастерские, одним словом, соединить всё необходимое для жизни его постояльцев — значит не вредить общественным интересам, а скорее способствовать украшению и чести провинции».

Пример святого Василия нашёл подражателей не только в Каппадокии, но и по всей империи. Святой Марциан, великий эконом Константинополя, посвятил всё своё имущество основанию ξενοδοχεῖον для своей церкви; святой Иоанн Милостивый сделал то же для Александрийской и Кипрской церквей, откуда он родом; святой Марцел в Месопотамии, папа Симмах в Риме, папа Григорий Великий — на островах Сицилия и Сардиния и в других пригородных провинциях. Несколько приютов имели мирян в качестве основателей: помимо уже упомянутых, Галликаникус, патриций и консул, основал один в Остии; Сампсон — другой в Константинополе; Велизарий — два в Риме (один на широкой дороге, другой на Виа Фламиния); Хильдеберт — тот, что в Лионе, который считается первым приютом, основанным во Франции, и чьи благодеяния были прославлены на Орлеанском соборе.

Будь то основанные епископами или нет, большинство этих учреждений находилось под их надзором. Именно епископ места назначал Magistri hospitalium, Xenodochi, Paramonarii, Orphanotrophi, Brephotrophi, Ptôchotrophi — словом, прямых руководителей этих учреждений; сами же медики и подчинённый персонал находились под его непосредственным или косвенным руководством. Епископ вместе со своими экономами также управлял имуществом, предназначенным для содержания приютов, если только жертвователи не распорядились иначе или если епископ не лишился доверия к себе. Короче говоря, управление больницами считалось, по сути, делом церковным.

Это было, во-первых, дань религии, которая давала толчок всем делам милосердия; во-вторых, это была гарантия надлежащего управления и дисциплины. Церковь, будучи тогда единственным хранителем духовных и нравственных интересов, обладала также средствами воздействия, что делало её участие в этом деле особенно ценным. Святой Василий, например, отказывал в приёме в монастыри и больницы бедным, чья жизнь была скандальной, говоря, что в них уже нельзя узнать образ Иисуса Христа. Эта моральная опека сама по себе способствовала благотворительности: помощи оказывали более охотно

тем, кто вёл достойную жизнь и чьи средства использовались надлежащим образом. Учредители приютов обычно выделяли на их содержание определённый фонд из денег или земли. Когда этого фонда не хватало, его пополняли либо за счёт обычных доходов Церкви, либо за счёт пожертвований и завещаний, часто весьма обильных.

Тем не менее, ни количество, ни богатство этих учреждений не позволяют говорить о пропорциональном росте христианской благотворительности по мере расширения влияния самой Церкви. Благотворительность скорее изменила форму и характер: она стала коллективной, тогда как ранее была индивидуальной. Если до Константина не существовало приютов, то, прежде всего потому, что в эпоху пылкой религиозности частная милость удовлетворяла ещё ограниченные потребности, потому что добро совершалось при жизни человека, а не после смерти, и потому что дом каждого брата поочерёдно служил и приютом для чужеземцев, и больницей для больных, и убежищем для сирот. Милосердие было повсюду, хотя его учение не имело конкретного выражения — подобно скрытым источникам, о которых узнаёшь лишь по прохладе и плодородию, которое они поддерживают на земле.

Тем не менее, с IV века создание приютов стало абсолютно необходимым. Только учреждения, основанные в широких масштабах, могли удовлетворить столь многочисленные нужды и столь обширное и глубокое бедствие. Неудивительно, что при виде этих памятников милосердия, неизвестных античности, сердца христиан наполнялись гордой радостью. Также понятно, что апостол Павел в послании к Тимофею (1 Тим., V, 10) и Тертуллиан (Ad Uxor., II, 8) приводят косвенные доказательства этого факта. Император Юлиан, завидуя этой славе, пытался перенести в свою языческую церковь институт, который восхищал его; его ошибка заключалась в том, что он считал достаточным только императорским указом основать такую благотворительную институцию.

Монастыри

Монашеская жизнь, восстановление которой почти совпадает с основанием больниц, не имела, как они, своей непосредственной целью практику милосердия; это была просто новая форма, новая организация, приданная христианскому аскетизму первых веков. Те, кто ранее посвятил себя жизни воздержания и умерщвления в своих домах, теперь, когда мир вторгся в Церковь и они чувствовали себя слишком слабыми, чтобы бороться в одиночку с потоком греха и пройти тяжелый путь воздержания, объединялись, чтобы идти этим путем вместе, вдали от примеров и искушений мира, под общей дисциплиной, поддерживающей их против ослабления.

Как говорит Флёри, они хотели «сохранять точное исполнение Евангелия, которое, по их наблюдению, ослабевало день ото дня». Святой Иоанн Златоуст говорил: «Если мы призываем христиан в пустыню, это чтобы оградить их от пагубных примеров наших городов, чтобы они могли избегать порока и практиковать добродетель». Хотя создание киновийной жизни не было напрямую вдохновлено принципом милосердия, оно стало полезным вспомогательным средством этой добродетели и во многих отношениях способствовало облегчению нужды. Не только оно, как мы уже видели, позволяло богатым, желавшим избавиться от своего имущества в пользу бедных, разорвать цепи, мешавшие им это сделать; не только привлекательность этих святых уединений побуждала многих богатых отказываться от своих богатств, чтобы вступить в них, но и сама организация монашеских общин и ресурсы, которыми они располагали, позволяли им распространять благодеяния как внутри общины, так и за её пределами.

Каждый, кто вступал в монастырь, должен был передать общине свои текущие богатства. Он также обязался отдавать ей всё, что получит впоследствии, будь то в дар или по

наследству. Монашеские общины обогащались также за счёт пожертвований благочестивых людей, которые, не желая или не имея возможности принять монашеский образ жизни, стремились хотя бы через щедрость к монахам обеспечить часть своих заслуг. К этим средствам большинство монастырей добавляло доходы от труда. Пример первым подал святой Антоний: «Он трудился своими руками и этим не только обеспечивал себя, но и мог помогать нуждающимся. Монастыри, которые он основал, были населены монахами, которые сочетали чтение, пение, молитву и труд, чтобы иметь возможность помогать другим». Главные основатели киновийной жизни — святые Пахомий, Василий и Епифаний — наложили ту же обязанность на своих учеников, научив их не пренебрегать никакой профессией и особенно уделять внимание сельскому хозяйству.

Монахи Антиохии пахали, сеяли, шили мешки; египетские монахи, по некоторым сведениям, насчитывавшие около 60 тысяч, занимались почти всеми необходимыми ремёслами. Феодосий из Розуса в Киликии постоянно работал руками, занимаясь плетением из тростника или обработкой полей, и требовал того же от тех, кто собирался вокруг него. Епифаний осуждал массалиев или еухитов, которые хотели жить на милостыню и заменять труд молитвой. Святой Августин ещё строже осуждал ленивых монахов в Африке, которые, цитируя слова Спасителя «Птицы небесные не сеют и не жнут…», оправдывали свой отказ от работы, на что он отвечал словами апостола Павла: «Кто не хочет трудиться, тот пусть и не ест».

Особая заслуга святого Бенедикта из Нурсии — утвердить в монастырях Запада необходимость труда. В то время как восточные монахи, несмотря на предписания святого Василия, всё больше посвящали себя праздной и созерцательной жизни, святой Бенедикт сделал труд одним из основных обязанностей монастырской жизни. Он говорил: «Безделье — враг души; следовательно, братья должны в определённые часы заниматься ручным трудом, а другие часы посвящать священному чтению». Семь часов в день отводились на труд, продукция которого продавалась на благо общины. Старший предписывал каждому конкретные занятия, а дух послушания, неизменная дисциплина монастыря и убеждённость, что труд — условие спасения, стимулировали в общинах этот необходимый элемент процветания, который в гражданском обществе был почти утрачен.

К прибыли от этих источников добавлялась экономия от совместной жизни и ещё большая экономия от строгого режима в кельях. Так монастыри могли оказывать значительные услуги в деле милосердия. Среди тех, кого они принимали и содержали на общих средствах, были бедные, которые иначе не имели бы средств к существованию; много освобождённых рабов, для которых свобода без этой поддержки была бы лишь бедностью; дети, оставленные родителями; несчастные, спасавшиеся от публичных бедствий. По словам святого Василия, все находили в монастырях, наряду с необходимым и весьма скромным пропитанием, заботу и взаимную помощь, которые могли оказывать друг другу братья, тесно связанные между собой: «Здесь бедный получает помощь и утешение от своих братьев. Все одновременно и хозяева, и слуги; все свободны, но подчинены друг другу святым рабством любви».

Монастырская благотворительность, так тщательно заботящаяся о внутреннем круге, была не менее щедрой и наружу. С излишком своих доходов общины практиковали щедрое гостеприимство. Во время голода в Египте святой Пахомий раздал все запасы своего монастыря, не заботясь о будущем. Когда та же беда обрушилась на Понт и Каппадокию, Пьерр из Себасты, брат святого Василия, проявлял милосердие так широко, что его пустыня больше походила на город из-за потока бедняков. Святой Аполлон в Фиваиде делал то же самое, питая жителей и умножая хлеб, как Господь. Монахи Арсинои, объединённые вокруг Серапиона, в числе десяти тысяч, приносили каждый свой урожай пшеницы, который он

раздавал крестьянам; иногда он отправлял до Александрии корабли с зерном и одеждой для нуждающихся.

Монастыри устраивали приюты для путешественников, где их кормили и обеспечивали жильём; если гости задерживались дольше, они должны были работать на благо общины. Также предоставлялась медицинская помощь: Апполоний, богатый купец, прожил в одном из монастырей двадцать месяцев с собственной аптекой, ухаживая за больными. Многие другие монастыри имели аналогичные приюты, выполнявшие ту же роль в деревнях и пустынных местах, что и городские. Среди монастырей вокруг Оксиринха в Египте существовала настоящая конкуренция в гостеприимстве: путешественники, прибывшие в Фиваиду, иногда получали порванную одежду от монахов, споривших за честь принять их.

Монастыри также были местами убежища и воспитания детей; святой Иоанн Златоуст восхваляет услуги, которые они в этом отношении оказывали. В своих великих Правилах Василий настоятельно рекомендует монахам выполнять такие почётные обязанности, предписанные самим Спасителем. Он хочет, чтобы детей принимали в монастыри в любом возрасте, особенно тех, кто лишился родителей, и воспитывали их с всякой заботой, как если бы они были детьми самой общины; чтобы для каждого пола формировался свой род жизни, чтобы их готовили к благочестию через молитву; чтобы им преподавали истории и заповеди, содержащиеся в Писании; чтобы над их привычками следил одновременно мягкий и мудрый наставник и воспитывал их в добродетели; чтобы они посещали мастерские умелых учителей профессий и искусств, к которым они были способны, всё это — под постоянным наблюдением их опекунов. Теодорет рассказывает о заботах, оказанных с детства одному монаху, которому его мать доверила сына, и о добре, которое два монаха из Эдессы сделали в Египте через основанные ими школы. Бенедиктинцы с горы Кассино оказали такую же услугу населению Италии.

Таким образом, монашеские общины предшествовали миссии милосердия и просвещения, которую им предстояло выполнять в течение части Средневековья. Эта миссия объясняет и одновременно оправдывает щедрость, с которой они уже пользовались. Давать или завещать монастырям означало, по сути, на будущее сеять семена возможного упадка, который у некоторых из них проявлялся слишком рано; но в настоящем это означало передавать в руки трудолюбивых и милосердных людей богатства, которые иначе остались бы бесплодными для материального и духовного блага населения.

Глава VIII. Продолжение предыдущего: благотворительные действия вне монастырей и госпиталей

Совместная деятельность госпиталей и монастырей далеко не исчерпывает весь перечень благотворительных дел, совершавшихся в этот период. Индивидуальная благотворительность, хотя и более ограниченная, не потеряла полностью своей прежней силы. Многие несчастные получали помощь, собирались странники, вдовы и сироты, оказывалась медицинская помощь больным вне предназначенных для них госпиталей. Множество милостынь раздавалось у дверей храмов, либо верующими, либо диаконами беднякам, которые имели разрешение просить под святыми портиками. Бедные получали помощь и в своих домах, как советовал святой Григорий Великий, действуя с заботой и вниманием. Христианские женщины подражали этому примеру и у себя дома, проявляя щедрость по отношению к бедным, материнскую заботу о странниках, больных и всех, кто страдал.

Эфрем Сирийский, Галликанус, военный виконт Виктор и другие прославлялись современниками за свою заботу о больных и умирающих. Этий, глава евномиан,

использовал свои медицинские знания для бесплатного оказания помощи больным. Павлин писал о Сульпиций Севере, что тот, чтобы приютить гостей, был как хозяин у себя дома, и едва находил место для себя, так был его дом полон чужих и нуждающихся. Протокомес, жизнь которого описывает Палладий, гордился тем, что всегда щедро оказывал гостеприимство, не отпускал бедного без помощи и не оставлял чужака с пустыми руками.

Особенно отличались своей щедростью епископы. После разорений вестготами во Франции и войны, в ходе которой были сожжены все урожаи, святой Пациент, епископ Лиона, купил за свой счёт огромные запасы зерна, заполнил два склада на берегу Роны и Соны и бесплатно раздал его голодающему населению Арля, Авиньона, Оранжа, Альби, Валанса и Клермона. Святой Сидоний, благодаривший его от имени последнего города, отмечал, что узкие дороги, по которым перевозилось зерно, делали это ещё более удивительным, чем действия Иосифа, ведь Пациент предотвратил голод, который не мог предвидеть. Святой Сидоний сам, продав своё имущество и потратив все доходы, по слухам, прокормил четыре тысячи бедных вместе с помощью зятя Эддицина.

Папа святой Григорий делал так, чтобы каждый первый день месяца бедные получали различные продовольственные припасы в зависимости от сезона. Каждый день он отправлял помощь больным и немощным на дом и раздавал с собственного стола пищу стыдливым беднякам. Диакон Иоанн нашёл в Латеранском дворце большой реестр с именами бедных, которым обычно оказывалась помощь; когда он узнавал, что кто-то из «его паствы» нуждается, он обеспечивал его средствами из фондов Церкви, определяя в каждом случае объём и срок помощи. Благодаря его заботам, Рим не раз избегал ужасов голода. Он принимал и помогал толпам несчастных, убегавших от ломбардов.

Кроме того, существовали виды благотворительности, которые по своей природе не могли осуществляться ни в госпиталях, ни в монастырях. Например, Агапы — братские трапезы, сохранявшие некоторое время своё благотворительное назначение, установленное первыми христианами. Агапы посвящения, похоронные Агапы и Агапы, сопровождавшие праздники мучеников, во времена Златоуста и святого Августина считались средством помощи бедным. Именно по этой причине собор в Гангре поддержал их против чрезмерного аскетизма учеников Евстафия; и именно по этой причине Юлиан рекомендовал их имитацию священнослужителям, которых он старался восстановить.

Однако вскоре даже в Церкви начали замечать недостатки этих трапез. Для большинства богатых участников они стали показной благотворительностью, а по мере отдаления от истинной любви к ближнему возрастала роль чувственности. Языческая распущенность, проникшая в эти обряды, давала повод для нападок еретиков. Уже в IV веке их пришлось запретить в церквях и капеллах, как это сделали святой Амвросий в Милане, Аурелий и святой Августин в Карфагене, а также несколько соборов Востока и Запада.

Выкуп пленных в это трудное время был особенно благородным делом милосердия. «Что может быть достойнее, — говорил святой Амвросий, — чем спасти людей от смерти, женщин от позора, вернуть детей родителям, граждан — родине?» Небридий, находясь при дворе Константинополя, никогда не просил помощи ни для чего другого. Златоуст, даже в изгнании, выделял часть милостыни, получаемой в Константинополе, на этот объект. Мамерт Клавдий, брат и помощник архиепископа Вьенна, также с особым усердием занимался выкупом пленных.

Когда Павия была захвачена и разграблена войсками Одоуакра, святой Епифаний, её епископ, выкупил большинство жителей. Для этой же цели святой Амвросий, святой Иларий Арльский, Акакий Амидский и папа святой Григорий продавали, как уже говорилось выше, драгоценные сосуды своих церквей. После того как вандалы, после разграбления Рима,

сделали несколько тысяч пленных, святой Павлин Нольский выкупил сначала наибольшее их число. Среди оставшихся был сын бедной вдовы; не имея средств для его выкупа, Павлин сам предложил себя в плен; но варвары, восхищённые этим поступком, отпустили обоих и стали более сговорчивыми при выкупе других пленных.

Что касается пленных, которых вандалы отправили в Африку, они нашли ещё больше сочувствия у Деогратия, епископа Карфагена. Видя, что завоеватели безжалостно разлучали мужей с женами, матерей с детьми, этот милосердный пастырь продал золотые и серебряные сосуды церковного сокровища, чтобы выкупить всех, затем открыл две большие церкви, где их разместил, обеспечивал пропитанием и лечил сам, днём и ночью. После взятия Иерусалима персами в 614 году святой Иоанн Милостивый, не ограничиваясь встречей беженцев в Александрии, отправил в Палестину несколько клириков с крупными суммами, чтобы помочь несчастным и выкупить пленных. Наконец, помнят англосаксонских юношей, освобождённых на рынке Рима святым Григорием.

Вот что христианская милосердие совершило само по себе — самое значительное для смягчения страданий, которые давили на римский мир. Чтобы лучше оценить, на что оно было способно в этом отношении, нам пришлось сначала показать его действующим в одиночку, полагающимся на собственные ресурсы, действующим средствами, присущими ему самому, и без какой-либо помощи со стороны власти. Но наша работа была бы неполной, если бы мы не учли также, как мы это делали для первых трёх веков, и, тем более, помощь, которую оно получало от государства; если бы мы не проследили, что гражданская власть, вдохновлённая или призванная им самим, сделала с IV века для совершенствования его благотворительной деятельности. Серьёзные вопросы, касающиеся публичного милосердия, могут получить некоторое освещение из фактов, которые нам предстоит изложить.

ГЛАВА IX. СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ С ДЕЛОМ МИЛОСЕРДИЯ

Пока Церковь была отделена от государства, принципы милосердия проникали в римское законодательство и управление лишь довольно косвенно. Вводя улучшения в положение рабов, детей, должников и бедных, первые императоры полагали, что они лишь действуют как инструменты просвещённого мнения некоторых философов, хотя на самом деле, сами того не подозревая, они служили интересам презираемой и преследуемой религии. Теперь, когда Церковь не только завоевала право на существование, но и была признана и принята государством, императоры делают место милосердия в гражданском управлении сознательно и намеренно; теперь это происходит не через посредничество философии, а под прямым воздействием христианства, которое побуждает их принимать меры, соответствующие его духу.

С самого времени обращения Константина в христианство в римском законодательстве начинает пробиваться новый элемент, до того почти незаметный; теперь в нём ощущается не столько прежняя жестокая строгость закона, сколько отпечаток сострадательной симпатии; под тогой законодателя начинают ощущать биение христианского сердца. Кажется, что Константин, услышав трогательную проповедь или евангельский совет, или получив краткие и торжественные строки, в которых пустынный герой, князь анахоретов, увещевал властителя мира к любви к бедным, к справедливости и милосердию, действовал в соответствии с этим.

Императоры теперь считают своим долгом внедрять в управление империей всё, что возможно, из христианских принципов; они стремятся согласовать своё правление с заповедями милосердия и чистотой евангельской жизни. Часто, конечно, им препятствовало

общество; римская цивилизация, изначально сложившаяся в языческой среде, сопротивлялась преобразованиям, которые хотели ввести христианские императоры, и империя могла бы долго не пережить до завершения этих перемен. Тем не менее, хоть и медленно и с трудом, дело продвигалось; каждый император гордился тем, что превосходит своих предшественников. Кодекс Феодосия уже носит ощутимый отпечаток христианских принципов, а кодекс Юстиниана — ещё более глубокий. Многие действия, не относящиеся напрямую к законодательству, но зафиксированные историей, также свидетельствуют о стремлении императоров содействовать делу евангельского милосердия. Именно меры императоров в этом отношении будут изложены в этой и следующей главах, начиная с тех, которые имеют наименьшее прямое отношение к собственно благотворительности.

Мы видели, что Церковь самостоятельно брала инициативу в заботе о слабых и угнетённых; христианские императоры не только терпели это, но и в ряде случаев разрешали и поощряли такие действия. Увидев бедствия, вызванные с момента правления Феодосия I и Аркадия временной отменой права убежища в церквях и злоупотребления, возникавшие при незаконном его использовании, Феодосий Молодой счёл необходимым восстановить это право, а для того, чтобы оно не мешало богослужению и святости храма, распространил его на всю территорию храмов и прилегающих земель, запретив при этом принимать вооружённых ищущих убежища. Юстиниан, кроме того, исключил тех, кто преследуется за убийство, прелюбодеяние или похищение. Что касается рабов, ищущих убежища в храме, Феодосий Молодой постановил, чтобы хозяин был извещён в тот же день и мог вернуть их домой после прощения.

Частично для смягчения строгости закона императоры разрешили арбитраж епископов в гражданских делах и обязали стороны, согласившиеся на это, признавать решения этого духовного суда, «более гуманного и свободного от формальностей, — отмечает Троплонг, — и чьи решения возвращали право к разуму и справедливости». Императоры не ограничились лишь разрешением благотворительного вмешательства Церкви; иногда они сами его запрашивали, поручая епископам вместе с магистратами проверять, чтобы никто из заключённых не содержался несправедливо или не подвергался нечеловеческому обращению; освобождать незаконно заключённых в частные тюрьмы; защищать римлян, возвращающихся из плена; выявлять злоупотребления губернаторов; охранять женщин, детей и подопечных, подверженных несправедливости или тирании. Юстиниан особенно полагался на активное и заботливое наблюдение епископов.

Но было недостаточно полагаться на Церковь лишь для морального воздействия, если закон продолжал содействовать или хотя бы терпеть несправедливость. Христианские императоры поняли необходимость реформировать законодательство, постепенно устраняя всё, что слишком открыто противоречило принципам милосердия, и, внедряя, насколько позволяли нравы, дух новой религии. Римляне, уведённые в плен варварами, при возвращении домой часто обнаруживали свои имущества конфискованными или переданными чужим; иногда они оставались в вечном рабстве у тех, кто их купил. Валентин I поспешил вернуть им имущество, а Гонорий обеспечил свободу при возмещении стоимости покупки или отработке не более пяти лет. Церковь делала больше: выкупала пленников или добивалась их добровольного освобождения, а закон был обязан уважать приобретённые права, предоставляя справедливую компенсацию.

Несмотря на постепенные смягчения условий рабства с Нерона до Диоклетиана, эта участь была далека от счастья. Христианские императоры не пытались, как это сделал узурпатор Иоанн в IV веке, отменить рабство полностью, оставляя хозяевам средства для поддержания власти, но старались сделать участь рабов более терпимой. Константин признал убийство раба наказуемым, если хозяин причинял ему страдания с намерением убить. Уже с Никейского собора, вероятно по просьбе присутствующих епископов, он

запретил гладиаторские бои, ежегодно уносящие жизни множества рабов. Здесь римские нравы особенно сопротивлялись действиям христианского законодателя; эти пагубные бои продолжались до правления Гонория и были отменены только благодаря самопожертвованию мученика.

Религиозный закон о выходном дне в первый день недели, служил у христиан, как и у иудеев в субботу, для смягчения трудностей рабочего класса. Константин ввёл его в качестве гражданского закона, действующего на всей империи. Он постановил в воскресенье и в праздничные дни приостанавливать все городские и сельские работы, за исключением тех, которые были необходимы для сохранения урожая. Вместе с тем он разрешил в эти дни прерывать судебные каникулы для осуществления благотворительных действий, в особенности для освобождения рабов. В том же году он разрешил освобождение рабов в церквях, при условии присутствия члена духовенства.

Юстиниан отменил рабство, налагаемое как наказание. Его предшественники уже признавали свободными тех, кто в какой-либо форме пользовался свободой в течение шестнадцати лет. Юстиниан расширил это право на всех рабов, подвергшихся увечью по приказу хозяина; объявил свободными тех, кто с молчаливого согласия хозяина поступал на службу или вступал в монастырь; передал на рассмотрение высших судов все дела, касающиеся правового положения лиц, предоставив юридические гарантии тем, чья свобода оспаривалась; отменил препятствия, которые старый закон ставил перед освобождением по завещанию, и закрыл несколько лазеек, открывавших путь к рабству. Он также устранил различия между различными категориями освобождённых, приравняв их всех к свободным людям, сохранив лишь права, которые предыдущие императоры предоставили патронам и их наследникам. Таким образом, дело отмены рабства продвигалось заметно, но без поспешности.

Такой же дух гуманности проявился и по отношению к колонам. Закон, хотя и требовал от них верности и наказывал бегство рабством, запрещал собственникам отрывать их от обрабатываемых земель продажей или завещанием, а также делить членов одной семьи между разными владельцами при разделе имений. Константин, автор этого закона, говорил с человеческой теплотой: «Кто мог бы смириться видеть детей разлучёнными с родителями, сестёр с братьями, женщин с мужьями?» Гонорий защитил пленников, захваченных у варварской нации скиров, от превращения в рабов, оставив их в статусе простых колонов, как это предписывал договор.

Что касается рабов и колонов, которые, чтобы избежать жестокого обращения, шли в крупные города и пополняли ряды нищих, императоры, отказавшись от резких указов об их высылке, которые применялись в прежние времена, сочли необходимым принять меры общественной безопасности. Для пресечения бродяжничества и попрошайничества Валентиниан II в 382 году издал указ: «Следует тщательно проверять всех нищих, эксплуатирующих город Рим, и тех, кто способен и должен работать, но по состоянию является свободным, отнести к колонам, а тех, кто раб, — вернуть хозяину; при этом сохраняется право владельцев преследовать тех, кто способствовал побегу». Юстиниан сначала повторил этот указ, а позднее изменил его для Константинополя: отличая нищих свободного статуса, приезжих и местных, он постановил привлекать последних к общественным работам, а остальных отправлять в их провинции. Что касается рабов, их следовало по возможности возвращать к хозяевам.

Закон Юстиниана, несомненно, был более гуманным и мудрым, чем у его предшественника. Впрочем, это был всё тот же метод борьбы с нищетой, ведь публичные работы под императорами фактически оставались другой формой рабства. Эти два закона, единственные, касающиеся нищих в кодексе, не улучшали положения беднейшего класса.

Попрошайничество — лишь внешняя форма проявления бедности. Государство может иметь основания его пресекать, особенно если оно угрожает общественной безопасности, но этим оно не устраняет саму бедность, так же как нельзя вылечить язву, просто удалив её поверхность.

Следует помнить, что римское законодательство, как и почти у всех языческих народов, разрешало продажу или оставление новорождённых детей, которых родители не могли или не хотели кормить; те, кто их подбирал или покупал, могли превращать их в рабов и иногда использовать в ужасных целях — продавать для проституции, калечить для попрошайничества. Каждый мог безнаказанно злоупотреблять этими оставленными детьми. Диоклетиан пытался положить этому конец, объявив новорождённого ребёнка свободным, но не учитывал, что это лишало людей единственного стимула заботиться о ребёнке. Константин, осознав эту опасность, отменил указ предшественника: он постановил, что тот, кто подобрал и выкормили ребёнка, может оставить его как сына или раба, и родители, отказавшиеся от него, не имели права претендовать на него.

Тот же император приравнял к преступникам отцов, убивающих своих детей, хотя закон ещё не рассматривал оставление ребёнка как убийство. Валентиниан I первым ввёл здесь христианский дух в законодательство, осуждая отцов, совершающих это преступление. Что касалось самого ребёнка, после долгих колебаний между гуманностью и правом, при Юстиниане вернулись к закону Диоклетиана: все оставленные дети объявлялись свободными, и даже те, кто их воспитал, не могли претендовать на них как на колонов или рабов. К этому времени христианское чувство милосердия было уже широко распространено, а детские приюты в большинстве городов помогали сохранять жизнь несчастных иначе, чем превращением в рабство. Похищение детей и свободных людей, столь частое у римлян, было запрещено под угрозой смертной казни Константином, который издал также законы против всех посягательств на свободу подданных империи.

Тот же император стал защитником сирот, которые до этого плохо охранялись прежними законами. Их положение, иногда облегчённое другими не менее жёсткими законами, при христианских императорах регулировалось более справедливо. Процент по займам, который ранее зависел от прихоти или жадности кредитора, был установлен Константином и Феодосием на высоком, но предельном уровне; позднее Юстиниан снизил его — для знати, купцов и простых граждан — в зависимости от категории. Несмотря на это, трудно, безусловно, одобрять вмешательство закона в частные соглашения; тем более нельзя гарантировать, что оно было более удачным или эффективным, чем в прежние времена.

По нашему мнению, Юстиниан проявил большую мудрость, когда постановил возвращать имущество тем, кто, пользуясь нуждой земледельца, брал в залог его землю, волов, овец, рабов за поставленные продукты питания в момент острой нужды, и сурово карал кредиторов, которые насильственно вторгались в дома умирающих или нарушали покой умерших. Он, как и его предшественники, предоставлял должникам убежище в святилищах, но, защищая их личности, не освобождал от долговых обязательств, а в случае отказа от уплаты велел продавать их имущество до покрытия суммы долга.

При этом право на убежище в церквях распространялось и на должников государственной казны. Ещё до Юстиниана были изданы различные благотворительные положения в их пользу. За исключением случаев упорного неповиновения, больше не допускалось, как прежде, немедленное изъятие имущества должника за любую задержку в оплате. По указу Константина никогда не следовало брать в залог налоговых платежей рабов или волов земледельца, а также ничего из того, что использовалось для обработки земли. Если изъятого имущества было недостаточно, вместо уголовного заключения, к которому прибегал прежний закон, вместо клеймения и других видов пыток, применяемых

сборщиками налогов, Константин и его преемники разрешали только использование гарнизария. Было запрещено любое произвольное взимание налогов, и каждому, кто считал себя ущемлённым, предоставлялось полное право на обращение против сборщиков.

Кроме того, многочисленные указы о снижении или временном освобождении от налогов для перегруженных провинций или городов отражены в кодексах и летописях христианских императоров. Были также пресечены и другие злоупотребления властью. Разные законы, хотя и недостаточные, но основанные на непререкаемых принципах милосердия, защищали подданных от вымогательства со стороны адвокатов и судебных служителей, от неправосудия и продажности судей, от жадности губернаторов, от налогового гнёта чиновников, солдат и военных трибунов. Имущество женщин и детей преследуемых лиц, вместо того чтобы конфисковывать вместе с имуществом виновного, выделялось и возвращалось законным владельцам. Магистратам было запрещено заключать кого-либо в тюрьму вне публичных тюрем. Лица, обжалующие гражданские решения, освобождались от заключения и телесных наказаний.

Кроме того, мы видели, что по просьбе святого Амвросия Феодосий, чтобы предотвратить последствия поспешных смертных приговоров, установил тридцатидневный срок до исполнения казни. Таким образом, христианские императоры стремились внедрить в законодательство принципы милосердия, которые до этого проникали туда лишь косвенно и как бы украдкой. Сквозь сухость текстов можно проследить заметное стремление гражданской морали приблизиться к христианской морали; это стремление особенно похвально, поскольку в целом оно сочеталось с уважением к приобретённым правам.

Христианские правители не отменяли налоги, не останавливалась деятельность судов, но они смягчали суровость, пресекали насилие своих должностных лиц; не отменяли долгов и рабства, не принуждали хозяев освобождать своих колонов или рабов, не заставляли кредиторов прощать должников — они лишь препятствовали злоупотреблению правами, предотвращали с их стороны, как и воздерживались сами, любую необоснованную жестокость, ненужную строгость, всё, что превышало необходимую меру суровости для обеспечения исполнения закона; они вносили в жёсткие механизмы гражданской администрации дух евангельской мягкости, закрывая слабость и несчастье щитом милосердия.

Но теперь пора более особенно рассмотреть, что они сделали в интересах беднейших слоёв населения.

ГЛАВА X. УЧАСТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ — ОСОБЫЕ МЕРЫ В ПОЛЬЗУ БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ

С момента обращения к христианству Константин разрешил пожертвования и завещания в пользу Церкви, тем самым обеспечив для благотворительных фондов защиту обычного законодательства, гарантирующего право собственности. Однако эти фонды, быстро увеличиваясь, иногда становились объектом жадности: их расточали неверные администраторы, использовали не по назначению расточительные епископы или, под предлогом недействительности, конфисковали алчные проконсулы. Христианские императоры, считая обычные законы недостаточными, сочли необходимым взять эти фонды под своё покровительство и с помощью особых мер обеспечить верное исполнение воли жертвователей.

Поскольку обычные пожертвования могли быть признаны недействительными при отсутствии чётко определённого назначения, Валентиниан III и Маркиан постановили, что

завещания в пользу бедных сохранят силу даже тогда, когда конкретные получатели не будут указаны. Леон и Анфемий также постановили, что независимо от неопределённости лиц, любое завещание или фидеикомисс на выкуп пленных должно быть в течение года использовано епископом по назначению, и никакая власть не могла этому препятствовать.

Юстиниан, подтверждая эти положения, ещё точнее определил, кому должны были переходить такие пожертвования. Некоторые завещатели указывали Иисуса Христа наследником всего или части своего имущества, не уточняя, какая церковь или часовня должны получить пожертвование. Юстиниан, чтобы предотвратить оспаривание завещания и возможные споры из-за этой неопределённости, постановил, что пожертвование передается церкви того места, где составлено завещание, и используется её экономом на пользу бедных. Личное имущество епископов должно было строго отделяться от имущества церквей, которыми они управляли, чтобы последнее полностью предназначалось для заявленной цели, особенно для помощи бедным. Ежегодно экономы должны были отчитываться перед епископами о своей деятельности и возвращать церковной казне всё, что было присвоено. Та же норма применялась к руководителям госпиталей и приютов для сирот, а строгими правилами предотвращалось присвоение фондов для обогащения их семей.

Если кто-то делал пожертвование на строительство приюта, строительство должно было завершаться даже после смерти жертвователя по инициативе эконома и епископа. Епископ имел право требовать от наследников исполнения благотворительных завещаний и немедленно передавать управление этим пожертвованием соответствующему заведующему. Епископу и другим лицам было запрещено превращать в капитал доходы, предназначенные для церквей, или отчуждать и обменивать имущество, подаренное приютам и благотворительным учреждениям, которые должны были сохраняться «столько, сколько существует христианское имя», то есть на протяжении всех времён.

К этим гарантиям, обеспечивающим сохранность и целостность благотворительных фондов, христианские императоры добавляли различные привилегии для их расширения. Юстиниан освободил от обязательного нотариального заверения все пожертвования церкви, приютам или бедным стоимостью до пятисот солидов, а также любые пожертвования императорского происхождения. Он также освободил от регистрационного налога благотворительные пожертвования вообще, говоря: «Почему мы не должны делать различие между человеческой и божественной собственностью?» По той же причине Анастасий и Юстиниан продлили срок исковой давности по имуществу церквей и приютов до сорока лет.

По многократным просьбам церковных иерархов имущество церкви было освобождено от большинства повинностей и налогов, особенно от чрезвычайных налогов, обременяющих другие владения; лица, управлявшие им, в частности заведующие сиротскими учреждениями, приравнивались к опекунам, защищались от притеснений и освобождались от судебных издержек. Константин освободил от налога на торговлю («люстраль») доходы от коммерческой деятельности копиаториев и похоронных служб, которые использовались церковью Рима для бесплатных погребений. Константин, Анастасий и Юстиниан освободили от всех налогов офисы (ergasteria) Константинополя, занятые тем же делом.

Бедные получали помощь из церковных доходов, что было более непосредственной мерой поддержки, чем передача церквям и монастырям имущества священников и монахов, умерших без родственников или наследников. Чтобы доля бедных была как можно большей, Юстиниан ограничил число священников в кафедральной церкви Константинополя и распорядился, чтобы остаток имущества этой церкви использовался для конкретных благотворительных и религиозных целей, указанных жертвователями. В случае голода или

для выкупа пленных было разрешено закладывать и даже отчуждать сосуды и другие предметы из церковного сокровища.

Однако это были не все меры христианских правителей в пользу бедных. Они ограничились только поддержкой благотворительной деятельности церкви и её членов через законы и постановления, не выделяя сами каких-либо средств или фондов, которые они, казалось, считали столь важными. Следует начать перечисление их христианской щедрости с того, что было установлено ещё при языческих предшественниках: раздачи народу (congiaria) и военным (donativa). Чрезвычайные дары в дни вступления на престол продолжались, как и прежде, пока позволяли финансы империи. То же самое касалось регулярного распределения хлеба и других продуктов в крупных столицах; не решались лишать их этих выплат даже в опасные для порядка моменты.

Когда Константин выбрал новую столицу, он сохранил привилегии старой: жители Константинополя получали регулярные пайки, которые после одной теологической смуты были сокращены наполовину, но вскоре полностью восстановлены и позже увеличены Феодосием. Поскольку большинство зерна для обеих столиц поступало из Египта, необходимо было обеспечить ту же прерогативу жителям Александрии, чтобы избежать задержки или перехвата поставок. Эта мера, уже введённая Диоклетианом, получила дальнейшее распространение при Феодосии Молодом. Следует отметить, что эти распределения вовсе не были проявлением христианской милости: они предназначались не для бедных без жилья и хлеба, а для домовладельцев, которым приходилось быть записанными в «книгу бедности», чтобы получить пайки. Их осуществляли не священники и диаконы, а магистраты, не в приютах или у дверей церквей, а с высоких трибун для всех граждан, занесённых в реестр annonae.

Возможно, следует рассматривать больше как меру государственного контроля, чем как акт милосердия то, что императоры сделали для бесплатного погребения умерших в Риме и Константинополе. Константин выделил церкви последнего доход от девятисот пятидесяти домов (ergasteria), предназначенный для содержания такого же числа носильщиков (lecticarii), обеспечивавших погребения. Во времена правления Юлиана епископ-ариан Георгий пытался отменить эту практику, которая была восстановлена сыном Феодосия. В V веке Анастасий добавил ещё сто пятьдесят ergasteria с дополнительным доходом в 70 золотых фунтов; Юстиниан подтвердил это новое пожертвование, поручив патриарху Константинополя следить за тем, чтобы погребения были бесплатными для всех, чьи родственники об этом просили, а также для бедных.

С того момента, как Церковь начала основывать больницы и приюты, и когда опыт показал их пользу, христианские правители проявляли значительное рвение в их обогащении и увеличении числа. Констанс восстановил в Константинополе больницу, основанную святым Зотиком. Валент предоставил святому Василию земли в Каппадокии для его больницы. Императрица Эвдокия основала несколько больниц в Палестине. Пульхерия построила другие и при них организовала ксенодохии для чужеземцев и ксенотафии — учреждения для их погребения.

Юстиниан, стремясь сочетать великолепие своего правления с благотворительностью, восстановил ксенон Сампсона, который был разрушен во время смуты в Константинополе вместе со всеми находившимися там больными; он построил его вновь ещё более пышно и увеличил его ежегодный доход. Он основал рядом ещё два подобных приюта, уничтожил бордель и переселил его обитательниц в монастырь покаянниц, который построил на месте старого дворца, добавив при нём приют для женщин, которых бедность могла завлечь в безнравственность. Он также восстановил старый приют для неизлечимо больных, разрушенный временем, отреставрировал и снабдил средствами несколько больниц

(nosocomia) в провинциях, построил на дороге в Иерусалим приют для паломников и больных, а вместе с супругой Феодорой основал несколько ксенодохий для жителей провинций, приезжавших в Константинополь искать удачу или просить милости, и оставшихся без крова и средств.

Безусловно, для Юстиниана было бы лучше не обременять своих подданных налогами, не истощать их бесконечными войнами, не подвергать их жестокости торговцев; одним словом, было бы лучше не создавать нужду, чем потом её устранять. Однако не все правители так щедро исправляли последствия плохого управления; слишком много тех, кто разорял своих подданных ради иных целей, кроме больниц и приютов. После него Юстиниан Младший, Морис, Тиберий и их преемники также основывали в Константинополе приюты для больных и стариков.

В эпоху, когда правители распоряжались имуществом своих подданных практически произвольно и когда их личные сокровища часто сливались с государственными, трудно определить, считались ли вышеописанные учреждения актами публичной или частной благотворительности. Мы склонны считать, что это была скорее частная благотворительность: как и де Жерандо, нам кажется, что в большинстве случаев правители действовали как простые верующие, хотя и с щедростью, соответствующей их положению, выделяя средства на конкретные благотворительные дела, которые они могли бы потратить на пышные прихоти. Но есть дела более общего характера, где они действительно выступают как главы государства, как администраторы публичного имущества — такими были две завещанные Константином инициативы, о которых остаётся рассказать.

Феодорет сообщает, что император распорядился, чтобы префекты провинций ежегодно отчисляли из городских доходов определённое количество мер зерна для раздачи вдовам, женщинам, давшим обет безбрачия, и тем, кто исполнял священные служения. «Он определял это пособие, — добавляет Феодорет, — скорее по собственной щедрости, чем по нужде тех, кому оно предоставлялось». В других источниках, рассказывающих о данном декрете, упоминаются только церкви и духовенство, к которому относились посвящённые девицы и вдовы. Таким образом, распоряжение Константина, по-видимому, было не только актом милосердия, но и формой благочестия, своего рода субсидией, которую христианская империя предоставляла Церкви для нужд её культа и служителей.

В любом случае, эта раздача вскоре стала предметом споров между различными христианскими группами. Поскольку распределением занимались епископы, первоначально имела преимущественно православная Церковь; ариане Египта и Ливии, возмущённые исключением, обвинили святого Афанасия в присвоении выгоды и получили от императора Констанса право на распределение в будущем. Юлиан примирил обе стороны, отменив пособие. Иовиан восстановил его, правда, уменьшив на две трети из-за голода, но оно оставалось значительным по сведениям Феодорета. Оно существовало ещё во времена этого историка, примерно в середине V века.

Вероятно, именно это пособие упоминают Валентиниан III и Маркиан в эдикте 454 года: «Так как это соответствует нашей человечности — заботиться о нуждах бедных и обеспечивать им средства к существованию, — мы навечно предоставляем святым церквям пособия (salaria), которые до сих пор им выделялись в разных формах из казны». Юстиниан, включив этот закон в свой кодекс, казалось, обязался продолжать ту же помощь. Однако при перечислении публичных расходов, возлагаемых на муниципалитеты, никаких упоминаний о благотворительных учреждениях, содержавшихся за счёт городов или государства, не встречается. Таким образом, вероятно, эти пособия уже прекратили существовать не только на Западе после падения империи, но и на Востоке ещё при Юстиниане, и в целом известно,

что в Средние века Церковь содержала бедных и духовенство главным образом за счёт доходов собственных фондов, а не ежегодных ассигнований из казны или городских сборов.

Другая инициатива Константина носила более выраженный характер благотворительной деятельности, но просуществовала ещё меньше. Выше мы видели, что некоторые языческие императоры, желая заселить Италию, выделяли в этой провинции определённые средства на содержание бедных детей, которых их родители обязались воспитывать. Мы также видели, что эта субсидия, хотя и была местной и частичной, вскоре прекратила своё существование из-за нехватки ресурсов, и приходилось восполнять её местными пожертвованиями. Константин возобновил эту работу на более широком основании и с более христианскими целями. По мнению М. Ноэде (Naudet), он видел здесь не столько империю, которую нужно заселять, не столько население, которое нужно обновлять, сколько человеческие жизни, которые следует сохранять.

Он сделал это продолжением своих законов против оставления детей и против отцово-убийства; возможно даже, как предполагает Годфруа, он в этот раз уступил просьбам Лактанция, чьи высказывания действительно имеют некоторое сходство с формулировками двух эдиктов Константина: «Пусть по всей провинции, — говорит император, обращаясь к губернаторам Италии, — будет опубликован закон, который отвратит наших подданных от отцовоубийства. Если какие-либо родители принесут тебе детей и заявят, что из-за своей бедности не могут их воспитать, поспеши обеспечить их питанием и одеждой, ибо помощь новорождённым не терпит задержки. Для этого мы предоставляем тебе ресурсы казны и средства нашего личного сокровища».

В 522 году он направил такую же рекомендацию губернатору Африки, добавив слова, ясно выражающие дух закона: «Наши нравы не позволяют оставлять бедных детей голодать или побуждать родителей к ужасному преступлению». Этот вид помощи, имеющий некоторое сходство с налогом на бедных в Англии или с коммунальными и департаментальными субсидиями во Франции для оставленных детей, вскоре исчерпал, как и они, все выделенные на него ресурсы. Государственная и императорская казна вскоре не могли более удовлетворять запросы бедных и нерадивых родителей.

В это время богатства Церкви стали источником помощи: она открыла свои монастыри, основала бревиарии, детские приюты (orphanotrophia) — и именно ей императоры стали поручать заботу о том, чтобы спасти этих бедных детей от смерти. Поэтому вышеупомянутые эдикты Константина не были включены в Кодекс Юстиниана. Государственная благотворительность, исчерпав свои возможности, снова прекратила своё существование и уступила место церковной опеке. Примечание: если сравнивать эту меру с французским законом 1811 года по тому же вопросу, нельзя не признать, что она была в двух отношениях лучше:

- Принимая детей на государственную помощь только по представлению родителей, она гораздо меньше способствовала их отказу со стороны родителей.
-
- Оказывая помощь в родительском доме, а, не передавая детей чужим людям или наемным воспитателям, она сохраняла семейные связи, которые никогда не разрываются без ущерба для самой социальной ткани.

Резюме и заключение. Прошлое и будущее благотворительности

Какую бы часть истории мы ни изучали, только на основе множества фактов, почерпнутых из подлинных и современных источников, можно надеяться оживить прошлое так, чтобы оно служило факелом и путеводителем для настоящего. Именно это мы и поставили себе целью в предыдущей работе. Стремясь постичь истинный дух христианской благотворительности в течение первых шести веков, мы подробно описали её усилия в Римском мире, её действия в интересах страдающих слоев общества, вдохновленные ею дела и меры, которые она диктовала или добивалась в их пользу.

Теперь необходимо суммировать факты, которые прошли перед нашими глазами, чтобы сформировать общее представление о влиянии благотворительности в этот период, и, как мы и обещали, сделать некоторые краткие выводы о роли, которую она призвана играть в наши дни. Нищета, как и все другие бедствия этого мира, требует усилий для облегчения, но прежде всего, насколько это возможно, её следует предотвращать. С раннего времени благотворительность брала на себя эту двойную задачу. Она старалась как смягчать лишения, возникавшие из-за бедности, так и уменьшать или вовсе устранять причины этого бедствия. Следует различать, как это обычно делается, её помогающее и профилактическое (предотвращающее) действие и отдельно подвести итоги того, что она сделала в этих двух областях.

§ I. Помогающее действие благотворительности

Для того чтобы лучше оценить помогающее действие благотворительности, сравним его с системой государственной помощи, существовавшей у римлян в то же время, и прежде всего вспомним принципы, лежавшие в основе обеих систем.

В римской субвенционной (помогающей) системе, как и в предлагаемой современной замене благотворительности, вся собственность считалась принадлежащей государству, которое могло по своему усмотрению использовать её либо непосредственно, либо через владельца, для помощи определённым категориям лиц. В этом качестве государство раздавало гражданам завоёванные земли, выделяло дотации или награды в определённые дни или ежегодно; на налоги, уплачиваемые провинциями, оно распределяло ежедневно продовольствие бедным римским гражданам. Также, вмешиваясь в отношения патрона с его клиентами, государство определяло размер sportula — ежедневной выдачи клиенту, которую патрон должен был обеспечивать и после своей смерти.

Христианская система поднимала право собственности на более высокий уровень, приписывая ему божественное происхождение. Бог, Творец всех вещей, был также верховным распорядителем всех благ. Он давал их каждому на тех условиях, которые считал нужными, и одной из этих условий было использование богатства для помощи тем Его детям, которым не хватает необходимого. Но это не было обязательством по человеческому или позитивному праву; это было исключительно религиозное и моральное обязательство, основанное на вере, предписанное совести, без какой-либо гражданской или даже церковной санкции, в то время как римская помощь была упорядочена и гарантирована законом. Христианская помощь была абсолютно свободной и добровольной.

Из этой фундаментальной разницы в принципах следуют различия в её последствиях для облегчения бедности. Римская система, создавая для бедного положительное право на помощь, неизбежно исключала из сердца всякое чувство благодарности и одновременно бесконечно увеличивала его требования. Кто ощущает себя обязанным перед теми, кто просто исполняет долг? Кто не склонен думать, что они делают это недостаточно или

слишком поздно? Никогда легальная помощь не могла удовлетворить жадность римских граждан; их потребности росли пропорционально усилиям по их удовлетворению.

Сначала зерно продавалось по сниженной цене; к 695 году от основания Рима его пришлось раздавать бесплатно. При Августе — каждые четыре месяца, затем ежемесячно, с Аврелиана — ежедневно. Сначала помощь получала только восьмая часть жителей Рима; при Катоне Цензоре — треть; Юлий Цезарь нашёл более трёх четвертей. Попытки уменьшить эту долю через переселение колонистов не увенчались успехом; при Августе число получателей превысило двести тысяч. Сначала раздавали только хлеб, позже добавили масло и свинину; при Гонории раздача составляла четыре тысячи фунтов хлеба ежедневно в течение пяти месяцев, при Валентине III — более девяноста тысяч.

Если помощь задерживалась или предоставлялась нерегулярно, народ в Риме, Константинополе, Александрии приходил в ярость. В 559 году из-за задержки конвоя Тертýл, префект Рима, едва не был растерзан толпой, спасаясь лишь заложниками из числа своих детей. Во многих подобных случаях император рисковал потерять трон или жизнь. Христианская помощь, будучи полностью добровольной, не имела таких опасностей. Конечно, средства благотворительности, известные как депонированные в руках Церкви, вызывали у бедных ожидание, иногда даже нетерпеливое, но оно не было опасным. Некоторые вдовы, сопоставляя себя с другими, могли жаловаться на несправедливость, и Иоанн Златоуст в своём трактате о священстве описывает, как их жалобы испытывали терпение епископа. Но в другом месте он дает более почётное свидетельство: несмотря на нищету, бедные никогда не клянут, благодарят даже за малую подачку, не обижаются на отказ, довольствуются хлебом каждого дня.

Он также описывает бедных в Антиохии, тихо ожидающих милостыню у святилища, которые, не получив нужного куска хлеба, были назойливы, иногда дерзки, но никогда опасны или злонамеренны; а скупцы, согласно тому же отцу, лишь во сне подвергались оскорблениям и плохому обращению со стороны отвергнутых нищих. Римская помощь, чрезмерно возбуждая требования бедного, была унизительной, так как предоставлялась только в обмен на услуги и хлопоты. Патроны и префекты рассчитывали на благодарность и услуги граждан в обмен на еду и подношения, а императоры, как Нерон, требовали удвоенных или утроенных аплодисментов и восхвалений. Наряду с этим, бесчестие и распущенность населения возрастали; помощь без различия была пищей для лености, расточительности и разврата.

Христианская благотворительность, напротив, уважала достоинство бедного как дитя Божьего; помогая, она почитала его, облегчая бедность — возвышала. Она шла сама навстречу бедным, нежным и скромным, защищая их стыдливость, как ценнейшую гарантию добродетелей. Римская же помощь, представлявшаяся от имени государства, учитывала только гражданские права, оставалась чуждой всякой моральной оценке; бедный, трудолюбивый или ленивый, честный или порочный, бедность которого была результатом несчастья или проступка, имел равное право на субсидию; иногда даже предпочтение отдавалось хитрецам и надоедливым попрошайкам.

Иногда христианскую милостыню упрекали в излишней снисходительности к тем, кому она помогала; даже в те времена, о которых мы рассказывали, под давлением непреложных обстоятельств, которые заставляли её расширять свою деятельность, мы признавали, что она не всегда проявляла самый строгий рассудок. Какая же, тем не менее, была её несравненная сила по сравнению с римской помощью! Её самые щедрые дары предназначались всегда для несчастных, неспособных обеспечить себя сами; и если среди них иногда добровольно оказывались лица, мало заслуживающие внимания, никогда, по крайней мере, она не ставила нуждающегося бедняка ниже наглого попрошайки; она всегда соразмеряла свои милости с заслугами, а дары — с тем, как их использовали. Домашние

раздачи обеспечивали одну из самых надёжных гарантий этого. Диаконы, отвечавшие за эти раздачи, знали каждую семью в подробностях и следили за использованием помощи.

Позже, когда многочисленность нужд сделала такую детальную администрацию трудной и почти невозможной, когда понадобились крупные учреждения, когда служба диаконов была частично заменена деятельностью госпиталей, церковь продолжала активно наблюдать за нравами тех, кому она помогала. По древней традиции, которую восхищённо отмечал Юлий и которую он хотел внедрить среди язычников, она тщательно различала чужеземцев и путешественников, имевших рекомендацию своего епископа, от тех, кто приходил неизвестным и ещё не испытанным. Она поручала священникам серьёзное расследование относительно людей, заносимых в списки вдов и девиц, получающих помощь. Она исключала из этих списков тех, кто после приёма вел праздный или беспорядочный образ жизни; она не принимала в свои больницы и монастыри порочных людей, которые могли бы послужить примером скандала. Она отчитывала и исключала монахов, которые искали в монастыре лишь более лёгкую жизнь или более надёжное содержание. Одним словом, она помнила, что прежде чем быть приютом для несчастья, она была, по воле Бога, школой добродетели и святости.

Но оставим в стороне, если хотите, моральное влияние обеих систем помощи и ограничимся сравнением их положительных результатов, их материальных эффектов. Римская помощь, исходившая от власти, охватывала лишь те категории людей, к которым власть считала нужным привязать себя: сначала армию, которая создавала и разрушала императоров, затем народ нескольких крупных столиц, потом рабов и ремесленников, задействованных в государственных мастерских. Все остальные категории были исключены. Если в голодные дни какие-то несчастные приходили в Рим за недостающим хлебом, беспощадное привилегированное положение закрывало им путь, и без различия изгоняло нищих, чужестранцев, провинциалов, даже итальянцев, всё, что не было членом суверенного народа или не было необходимо для его развлечений, будь то гражданин или артист.

Христианская милостыня, напротив, просила, как благосклонность, имела для дарующего всё очарование добровольной жертвы, и, как все жертвы, исходящие от сердца, укрепляла чувство, которое её вдохновляло; христианин привязывался к братьям, которым помогал, с той же любовью, что испытывает к другу, которому оказал услугу; самые богатые подношения казались ему лёгкими; он всегда давал с радостью, потому что давал свободно.

Бесспорно и несправедливо была римская помощь, но, по крайней мере, она эффективно облегчала нужду тех, кто её получал, умела ли она правильно соразмерять помощь потребностям? Напротив, обычно она была крайне недостаточной и ненадёжной. Поскольку её единственной гарантией был закон, а рычагом — принуждение, она постоянно терпела неудачу перед сопротивлением людей или силой обстоятельств. Плохой урожай, война, восстание, буря задерживали или уменьшали поставки, и никакой государственной ресурсы, никакая индивидуальная жертва не могли восполнить их; спекулянты, пользуясь бедами общества, отбирали у потребления остатки зерна; чем строже закон, тем плотнее закрывались амбары, и казна могла дать только то, что имела сама.

Беды империи окончательно иссякли источники легальной помощи. Бесплатные раздачи, приостановленные в Риме во время восстания Гильдона, затем ограниченные пятью месяцами в году, прекратились после окончательной потери Африки и Сицилии и лишь на время были восстановлены Теодориком, чтобы после его смерти окончательно исчезнуть. В Константинополе, где они также время от времени прерывались, они были окончательно отменены Ираклием и заменены ежегодной субсидией в шестьсот золотых фунтов для поддержания хлеба по умеренной цене. Это были все следы, оставленные этой высоко

оцениваемой институцией. Так же обстояло дело с грантами, столь пышными при первых императорах и столь скромными, а затем почти исчезнувшими при последних. Фонды Константина, хотя и предложенные под христианским влиянием, разделили участь других легальных субвенций. Что касается раздач, обязательных по закону и обычаям для патронов, они прекратились после убийства или рассеяния крупных семей, и вскоре почти ничего не осталось от всех ресурсов римской помощи.

Ресурсы же христианской милостыни, как мы видели, были гораздо плодотворнее и долговечнее. Она черпала из истинного источника; вместо того чтобы принуждать богатого, она привлекала его, убеждала в деле помощи бедным. Будучи доброжелательным посредником между двумя классами, которые прежде разделяли многочисленные барьеры, она соединяла их тесной симпатией; она направляла к несчастным сокровища, бесцельно собранные в сундуках богатых. С вершины социальной иерархии, ранее ледяной и окаменевшей от эгоизма, она изливала, подобно Моисею, живительные источники, изменявшие лицо пустыни. По её зову монополист открывал свои амбары, скупец отпускал золото, тщеславная женщина расставалась с украшениями.

В своём изобретательном гибком подходе милостыня принимала все формы, необходимые для бесконечного разнообразия нужд. Она утоляла голод бедного, ухаживала за стариком в его болезнях, сидела, молилась у постели больного, защищала вдову, воспитывала сироту, приютывала оставленного ребёнка, навещала заключённого, помогала умирающему, заботилась о человеке даже в его безжизненном теле. Если нужды возрастали, если бедствие угрожало поглотить всё, милостыня не удивлялась и не отчаивалась. Она организовывала сборы, удваивала усилия, умножала ресурсы через экономию, училась облегчать страдания масс, которые прежде облегчала поодиночке; она открывала большие госпитали, где каждый нуждающийся находил подходящую помощь, или, используя дух самопожертвования, приюты в монастырях, снабжая бедность продуктами труда и дарами благочестия.

Сколько различных нужд было облегчено этими средствами! И как прав был святой Иоанн Милостивый, когда говорил, что сокровища Божьи неисчерпаемы! Без этих драгоценных ресурсов, распределённых по всей империи, без этой милостыни, как благодатного дождя, орошающего всю землю, где бы остановились страдания несчастного населения? Что стало бы с теми крестьянами, которые, по словам Гауденция, епископа Брешии, чтобы не умереть с голоду, не имели другого средства, кроме подаяний Церкви? Без милости святого Пациента, святого Григория, сколько тысяч больше было бы унесено голодом по Галлии и Италии! И наконец, во времена вторжений варваров, среди разграбления городов и провинций, что стало бы с теми пленными, которых никто бы не выкупил, с семьями беженцев, которых никто не принял бы, с беглецами, которые не нашли бы нигде приюта? Если верно, как признают большинство историков, что тяжесть налогов, бедность, депопуляция были самыми активными причинами падения империи, и если христианское милосердие было почти единственным противовесом стольким бедствиям, кто может оспорить её честь за то, что она не только смягчала, но, возможно, оттянула на многие годы эту катастрофу?

Во всяком случае, её влияние пережило бедствия империи. В то время как от институтов римской помощи ничего не осталось, христианская милостыня оставила средневековью как ценный компенсатор свои бесчисленные учреждения, больницы, монастыри, не говоря уже о братствах и ассоциациях предусмотрительности, возможно, больше экономических, чем милосердных, но также учреждённых под покровительством и защитой Церкви. К сожалению, в мире почти нет никакой власти, сколь бы благотворной она ни была, которая, будучи не подчинена контролю другой власти или не находясь под пристальным наблюдением общественного мнения, не злоупотребляла бы рано или поздно доверием,

которое она заслужила своими услугами. Законы, с помощью которых Юстиниан обеспечил сохранение и добросовестное управление благотворительными фондами, имели мало авторитета на Западе.

Церковь, чье имущество всегда считалось имуществом бедных, продолжала в Средние века собирать под своим именем щедрые пожертвования, но часто выделяла им лишь малую часть; большая часть шла то на обеспечение младших сыновей знатных семей, то на содержание в роскоши праздных прелатов. Имущество больниц, переходившее постепенно в доходы церковных структур, зачастую приносило больше пользы администраторам, чем больным. Можно было видеть богатые монастыри, которые в качестве помощи ограничивались лишь раздачей у своих ворот небольших порций супа или хлеба. По мере того как дух милосердия угасал, на его место приходил фанатизм. Церковь, забыв свою прежнюю беспристрастность, исключала из своей помощи и даже из сочувствия тех, кто мыслил иначе.

Наконец, когда промышленность начала возрождаться на Западе, можно было упрекнуть некоторые религиозные ордена в том, что они скорее препятствовали её развитию, чем содействовали ему, поддерживали с помощью бесцельных подаяний дух непредусмотрительности и лености, предпочитали ежедневно помогать нищим в лохмотьях, нежели поощрять труд, который превратил бы их в свободных ремесленников. Эти злоупотребления неизбежно вызывали со временем резкую и серьёзную реакцию. Люди возмущались, видя, как скрываются или тратятся впустую средства, которые могли бы полезно питать промышленность. Жадность духовенства служила поводом для жадности светских лиц. Короли, знать, народы завидовали и присваивали себе церковные богатства; имущество монастырей и больниц передавалось в государственную казну; в других местах управление им секуляризировалось; почти повсюду религиозная власть теряла исключительное право распоряжаться фондами благотворительности; помощь, прежде чисто церковное дело, снова становилась делом административным, вопросом гражданской полиции.

Возвращаясь таким образом, в разных формах, к римской системе, вскоре снова проявились её пагубные последствия. Налог на бедных, введённый от имени государства и под его властью, дал в Англии те же результаты, что и публичные распределения в Риме: наряду с слепой щедростью, где дерзость всегда получает наилучшую долю, применялись жестокие, произвольные и унизительные меры, возросшие, но всё ещё недостаточные расходы, ложившиеся на сельское хозяйство и собственность; благотворительность подавляла труд; богатые жертвовали против воли, тайно проклиная тех, кому вынуждены помогать; бедные были неблагодарны, недовольны, непредусмотрительны, расточительны, склонны ко всем порокам и способны на все крайности; население становилось несчастным и многочисленным, его можно было удерживать лишь силой и принуждением к труду через лишение свободы; в итоге — ужасный уровень бедности, который каждый день расширялся и распространялся по стране, как чума: таковы плоды публичной помощи в Англии.

Если во Франции последствия были не столь драматичны, то, как это справедливо объясняли, это потому, что помощь там ещё не считалась долгом; законы пока не признавали за бедным право быть обеспеченным государством; помощь лишь частично и косвенно ложилась на налогоплательщиков, другими словами, государственная благотворительность проявляла наименьшую форму легальной благотворительности. Тем не менее, кто не видит, что даже самая хорошо управляемая официальная благотворительность всегда имеет недостатки? Если она обладает преимуществом, часто довольно иллюзорным, централизованного контроля, кто не чувствует всего, чего ей не хватает — деликатности, рассудительности, истинной эффективности? Кто не оплакивает

опасные притязания, которые она порождает, и неизбежные злоупотребления, которые она вызывает?

Следует ли заключить, что государство должно полностью отказаться от заботы о благотворительности и полагаться исключительно на добровольную частную помощь? Наше мнение таково: нет. Привычки народов не меняются за один день. Как только истинный путь оставлен, к нему нелегко вернуться. Благотворительность, как и религия, долго поддерживаемая государством, не может внезапно оказаться лишённой этого покровительства без ущерба. Государство, ставшее в результате политических и религиозных революций обладателем прежних благотворительных фондов, обязано использовать их хотя бы частично по назначению, пока не найдётся иной способ.

Лишив Церковь имущества, оно унаследовало часть её обязанностей. Его положение здесь аналогично положению древнеримского государства: когда бедные граждане Рима лишились части «ager publicus», пришлось компенсировать это ежедневными раздачами; так же и в Англии, когда низшие классы больше не могли найти пропитание в стенах или у ворот монастырей, для прекращения их бродяжничества и восстаний был введён налог на бедных. Сегодня, сколь бы тяжело ни была эта обязанность и какие бы злоупотребления ни возникали, нет здравомыслящего человека, который осмелился бы требовать её немедленного упразднения.

Даже во Франции, где нищета не столь остра и где революция 1789 года, передав имущество «mortmain» в руки государства, открыла всем классам доступ к собственности, резкая отмена бюро благотворительности и государственных приютов оставила бы опасные пробелы и могла бы породить серьёзные угрозы. Таким образом, если государственная помощь — одна из тех институций, к которой следует подходить с осторожностью и рассудительностью, то вышеизложенные соображения позволяют утверждать: вместо того чтобы расширять роль государственной власти в этой области, следует непрерывно стремиться ограничивать её и устремляться к состоянию, при котором частная благотворительность, предоставленная самой себе и наделённая всей своей силой, будет способна в полной мере обеспечивать нужды бедных.

Таким образом, для бедствий, которые невозможно предотвратить, и которые, следовательно, необходимо облегчать, вместо того чтобы сразу же обращаться к Государству и ожидать от него помощи как от второй Провидения, рассмотрим, что мы можем сделать каждый лично; пусть каждый, в меру своих сил, помогает тем несчастьям, которые находятся в нашей досягаемости; пусть у каждого, как у первых христиан, будет свой священный «клад», увеличенный частично за счет сбережений, из которого можно черпать ради помощи бедным.

Затем, для бедствий, требующих более широкого развертывания ресурсов, обратимся к коллективной, но всегда частной и добровольной благотворительности. Пусть каждая церковь, каждая приходская община, каждая религиозная или благотворительная ассоциация помогает за счет пожертвований своих членов бедным в пределах своей юрисдикции. Эти церкви и разнообразные ассоциации смогут, надеемся, объединяться при необходимости: либо для оказания помощи через общие сборы при более широких бедствиях, либо для совместного содержания общих благотворительных учреждений, диспансеров, больниц, приютов для сирот, найденышей, глухонемых, слепых, инвалидов или больных, которых невозможно поддержать в их семьях.

Что касается организации этих коллективных пособий, она может сильно различаться. Можно подражать учреждениям первобытной Церкви, можно создать новые учреждения или адаптировать старые к современным условиям; можно поручить управление этим делам

церковным, светским или смешанным администрациям; можно обеспечить их содержание через фонды или ежегодные подписки. При этом нужно учитывать время, место, характер и дух народа, и было бы опрометчиво утверждать какую-либо универсальную схему.

Главное, чтобы те, кто управляет благотворительными учреждениями или в них участвует, приносили туда соответствующие качества духа и сердца. Необходимо лично удостовериться в реальности нужд; следить за использованием пособий; прекращать их сразу, как только они становятся ненужными; никогда не делать помощь такой легкой, чтобы она соблазняла тех, кто может обойтись без нее; никогда не ставить помощь на уровень ресурсов, которые бедный может получить своим трудом; никогда не заключать с ним обязательств на будущее; делать так, чтобы, даже получая помощь, он не терял ощущения личной ответственности и всегда ощущал последствия своих ошибок и проступков; воздерживаться от коварной помощи, которая, подпитывая пороки, увековечивает нищету — это лишь часть правил, диктуемых здравым смыслом, которым должны следовать органы благотворительности.

Но что еще более существенно для эффективности этой добродетели, так это чистота и возвышенность мотивов, из которых она исходит. История первых веков тому свидетель. Чтобы благотворительность приносила свои лучшие плоды, недостаточно, чтобы она была добровольной; она должна исходить из религиозного принципа, она должна быть вдохновлена любовью к Богу. Только религиозная благотворительность действительно полезна, потому что она исходит из совершенно бескорыстных, совершенно чистых мотивов. Бедные редко ошибаются в отношении мотивов своих благодетелей, и они всегда склонны злоупотреблять благами, исходящими не от сердца. Когда вместо истинного интереса к их судьбе они видят у тех, кто им помогает, мотивы тщеславия, осторожности или страха, они думают лишь о том, чтобы освободиться от бремени благодарности и использовать помощь для удовлетворения своих дурных страстей.

Только руководимая истинным желанием творить добро, религиозная благотворительность делает это вовремя и должным образом. Она выбирает с рассудительностью объекты своих даров; она помогает не тем, о чем больше говорят, а тем, кто наиболее достоин сочувствия; она приносит помощь туда, где ее никто не видит, проникает в места, куда не проникает светская благотворительность; она сопровождает свои дары тонкими действиями, которые возвышают бедного в его собственных глазах, и одновременно дает наставления и добрые советы; она предпочитает служить, а не нравиться; делает добро, никогда не потворствуя страстям.

Вдохновленная любовью к Богу, она вдохновляет ею и тех, кому помогает. Ее присутствие в доме бедного распространяет дух благочестия, который успокаивает и смягчает страдания. Благодаря проявленной доброте бедный ощущает, что это Бог послал ему помощь; и если иногда бедность затмила его взгляд на благотворную Провидение, если из-за страданий он обратился к небу с сомнением или упреком, при виде благотворительного друга он вспоминает компенсации, которые Бог готовит для несчастий, возвращается к вере и надежде и продолжает свои усилия с мужеством, ожидая Того, Кто должен увенчать его труды.

Наконец, только благодаря возвышенному примеру и масштабу жертв, на которые она способна, христианская благотворительность всегда соответствует нуждам. Пока государство никогда не могло обойтись без ее содействия, она в течение веков полностью обеспечивала помощь нуждающимся. Государство располагает ограниченным и быстро истощаемым «кладом», потому что для его пополнения используются принудительные средства; тогда как христианская благотворительность владеет ключом к сердцам, то есть к

неисчерпаемому «кладезю», который, как сказал один из Отцов Церкви, там, где ничего нет, все равно находит что-то, что можно отдать.

§ II. Профилактическая (предупредительная) благотворительность

Положительные лишения, материальные страдания — это не единственные и даже не самые великие бедствия, которые приносит с собой бедность. Возможно, самыми прискорбными являются те, которые меньше всего бросаются в глаза; это состояние зависимости, в котором бедный находится по отношению к своим ближним; это та нестабильная ситуация, которая лишает его всякой безопасности, всякого доверия к будущему; это постоянная озабоченность материальными нуждами, мешающая заниматься возвышенными делами разума; наконец, когда такое положение затягивается или усугубляется, когда бедность превращается в нищету, а нищета — в лишения, тогда появляются искушения, которым подвергается человек, всегда озабоченный завтрашним днем; это постоянная дилемма — остаться без хлеба или добыть его ценой добродетели или чести; это, в конце концов, состояние деградации, в которое погружаются, меньше по своей вине, чем по несчастью своего положения, тысячи человеческих существ.

Перед лицом всех этих бедствий, порождаемых бедностью, кто может верить, что достаточно лишь временно смягчать лишения, дать немного еды нуждающемуся, на мгновение рассеять заботы, унять страдания, которые вновь возникнут на следующий день? Наоборот, кто не признает, что если хорошо облегчать нищету, то еще лучше предотвращать её или устранять, по возможности устранять причины, вызывающие обнищание, и направлять бедного на путь улучшения своего положения, возвышения через труд и сбережения до состояния независимости и безопасности — одного из самых ценных привилегий достатка?

С этой точки зрения кажется излишним продолжать ранее установленное сравнение. Известно, что до появления христианства римское правительство ничего не делало для искоренения бедности; довольствуясь тем, чтобы день ото дня кормить население Рима, оно не стремилось вывести пролетариев из их печального положения, и его меры скорее увеличивали, чем уменьшали источники нищеты. То же самое, правда, нередко упрекали и благотворительность. Из-за того, что она иногда проявлялась в Средние века, делали слишком поспешный вывод, что в первые века христианства она также была недостаточной. Но этот вывод полностью опровергается фактами, приведенными выше.

Что же представляла собой эта защитная опека, которой Церковь, во имя благотворительности, окружала малых и слабых? Когда она выступала против злоупотреблений монополией и ростовщичеством; когда, рискуя гневом сильных, она осуждала их злоупотребления властью; когда она противостояла Андроникам и Евтропам, Феодосию и Евдокии; когда с высоты христианской благотворительности она обрушивалась на современных Ахавов; когда она защищала вдову и сироту от несправедливых правителей и неверных опекунов; когда она охраняла их имущество, распространяя на него «покров церковной неприкосновенности»; когда возвращала пленного в его дом и владения, возвращала бедному-должнику инструменты труда; когда защищала крестьянина от произвола хозяина, мелкого собственника от жестокости сборщиков налогов; когда, наконец, она доводила свои требования до трона, внедряя принципы благотворительности в сердца правителей и добивалась от них законов, защищавших угнетенные классы — разве это не было борьбой с одной из главных причин бедности и предотвращением падения множества римских подданных в пролетарский или еще более низкий класс профессиональных попрошаек?

Многочисленные предписания и постановления древней Церкви показывают, какое значение она придавала профилактическим средствам. Мы видели, что Апостольские Конституции предписывали епископам не только милостыню и гостеприимство, но и заботу о будущем сирот, обучение их ремеслу, обеспечение инструментами труда, чтобы они могли обходиться без посторонней помощи. Мы видели, что святой Василий рекомендовал своим монахам неустанно заниматься образованием молодежи и обучением каждого ребенка профессии. Святой Амвросий напоминал верующим, что хороший совет часто ценнее подаяния, а Иоанн Златоуст говорил, что милостыня совершается не только деньгами, но и делами, наставлением, поддержкой несчастного. Безусловно, нельзя было говорить или действовать более благоприятно для настоящих интересов бедного.

Но эти усилия, как бы ни были направлены, должны были терпеть неудачу из-за тяжести тех времен. Следует признать, и это одна из уроков исторического исследования, что благотворительность не может в одиночку уничтожить нищету. Она способствует более равномерному распределению и лучшему использованию богатств; она поддерживает добродетели, которые помогают их создавать, но сама создать богатство не может; этот дар предоставлен разуму и труду. Сельское хозяйство, умножающее плоды земли; промышленность, обрабатывающая их для нужд человека; торговля, обогащающая страны продуктами друг друга; искусства и культура, которые их развивают — вот источники процветания народов; труд и сбережения — средства, с помощью которых каждый человек обеспечивает себе устойчивую долю в этом процветании. Где этих элементов нет, какой бы активной ни была благотворительность, царят нужда и бедность.

Уже в IV веке римская цивилизация находилась в полном упадке; а что касается труда, то, несмотря на усилия Церкви, она лишь в религиозных общинах сумела восстановить его хотя бы частично; повсюду же он был дискредитирован предрассудками, разрушен ростовщичеством, парализован деспотизмом, подавлен конкуренцией рабского труда, и свободный труд окончательно рухнул во время войн и нашествий, опустошавших империю.

Бедному не было выхода из его положения: быть рабом или попрошайкой — вот его единственный выбор. Вместо восходящего движения, которое в процветающих государствах поднимает один за другим различные классы выше их исходного уровня, общая вялость подрывала общество; торговля, промышленность, сельское хозяйство увядали; бедность, словно наследственная язва, передавалась от отца к сыну; это был зияющий провал, бездонная бездна, в которую благотворительность была обречена постоянно бросать помощь без надежды когда-либо заполнить её. Сегодня обстановка благоприятнее для уничтожения нищеты? Становится ли разрушение рабства и другие достижения современной цивилизации поводом к тому, чтобы превентивная благотворительность была более эффективной?

В определенном смысле можно усомниться. Любое рождение дается с трудом, и рождение свободы — труднее всего; и не ускорением, а осторожностью можно уменьшить опасности. Так же произошло с освобождением труда, как и с другими свободами, которые, не будучи должным образом подготовлены, принесли опасные потрясения для населения. Подобно римскому вольноотпущеннику, оказавшемуся на улице без средств к существованию и вынужденному попрошайничать; подобно колониальному негру, которого объявили свободным, но оставили голодным, рабочий, вышедший из подчинения мастера, оказался сам ответственным за свою жизнь и часто был не в состоянии прокормиться; ремесленник, маленький фабрикант, брошенный без капитала в битву универсальной конкуренции, пал в первом же сражении; закон освободил его, нужда снова поставила под зависимость: ему снова пришлось сдавать свои услуги, впрягаться в колесницу крупной промышленности.

Сначала его положение казалось процветающим, высокие зарплаты приглашали к удовольствиям; освободившись от контроля, он тратил без меры, женился без предусмотрительности. Но внезапно наступает кризис, война или революция, рынки закрываются, потребление замедляется, капиталы ужимаются; разоренный разрушительной конкуренцией, ремесленник приостанавливает производство; или новая машина заменяет человеческий труд; рабочий, чьи силы превратились в «машину», больше не находит работы, тысячи голодают рядом с накопленными продуктами своего труда. Когда современное общество, к ликованию населения, упразднило последние остатки крепостного права, было ли предвидено, что вскоре оно столкнется с избытком свободы? Когда аплодировали гигантским успехам промышленности, предвидели ли, что класс, непосредственно участвовавший в её развитии, получит меньше всего плодов, а прибыль этих мирных завоеваний сосредоточится, как прежде во время войны, в руках немногих?

Но, хотя и жалеем, что освобождение рабочих произошло не с большей осторожностью и постепенностью, не следует из этого умалять достоинства свободы. Именно ей мы обязаны поразительным подъёмом торговли, удивительным развитием всех искусств. Благодаря ей продукция сельского хозяйства и особенно промышленности увеличилась сверх всяких предсказаний; сегодня бедный может приобретать за низкую цену удобства и даже удовольствия, которые раньше были недоступны и богатым. Везде рабочий класс сегодня лучше обеспечен жильём, одеждой, питанием, чем когда-либо прежде; средняя продолжительность жизни значительно увеличилась; голод, который в прежние времена периодически разорял низшие слои общества, теперь проявляется лишь издалека и в меньшей степени.

Как потребитель, рабочий, безусловно, выиграл от нынешнего положения. Не меньше он выиграл и как производитель. Доля колониального арендатора, которая при римлянах составляла лишь шестую или восьмую часть урожая, сегодня составляет более половины; заработная плата сельских рабочих выросла почти в той же пропорции. Напротив, стоимость денег упала более чем на две трети. И наконец, если у свободы есть свои риски, разве у неё нет и сладостей? Если у неё есть свои суровые бои, разве у неё нет и венцов? Можно ли сравнивать временное подчинение, порождённое нуждой, с законной, закреплённой законом рабской зависимостью? Разве для ремесленника не имеет значения возможность выбирать своего хозяина, распоряжаться хотя бы частично своей судьбой? Разве не важно видеть открытой перед собой карьеру, когда-то упорно закрытую, и иметь возможность своим умением и трудом завоевать позицию, ранее недоступную даже для самых упорных усилий?

Что касается препятствий, которые бедный всё ещё встречает на своём пути, новые достижения цивилизации ежедневно стремятся их сгладить. Можно предвидеть время, когда, вооружённый образованием и новыми ресурсами, он сможет предложить обществу более ценный труд, а значит, лучше оплачиваемый; когда ему больше не придётся тяжело бороться с конкуренцией машин; когда с высот интеллекта, которых он достигнет, он сможет противостоять этому потоку механической силы, который сегодня отвоёвывает у него почву.

Дух коллективного труда, развиваясь, будет предоставлять новые возможности, облегчать труд, способствовать экономии, придавать новым ценность сбережениям, позволять, возможно, соединять преимущества капитала и труда, отдавая предпочтение машинам не в борьбе, а в содружестве. Пока же подчинённый выполняет тяжёлую работу машин, человек сможет предаваться более высокому труду или достойному отдыху. Разве не для этого Бог дал ему власть над материей? Разве не в этом проявляется одно из качеств совершенства, отличающих наш вид, и не в этом смысле материальный прогресс современности должен служить духовным интересам человечества? Бережно относиться к этому провиденциальному и полезному движению необходимо, даже если оно временно

сдерживает интересы рабочего класса лишь потому, что наши институты ещё не в состоянии его поддержать.

Существует давняя жалоба на огромные прибыли капитала за счёт труда и на связанное с этим уныние рабочих. Для того, чтобы освободить их от этой зависимости, с 1830 года создаются рабочие ассоциации, где они трудятся на себя и делят часть общей прибыли, капитализируя остальное. Мы не рассматриваем ассоциации, основанные в 1849 году с государственной субсидией, почти все из которых сразу же исчезли после прекращения поддержки. Даже те, что возникли самостоятельно, хотя и имели большую стабильность, не полностью оправдали ожиданий. Сложность в распределении прибыли с учётом мастерства каждого работника, сохранение дисциплины и единства целей, поиск у простых ремесленников способностей к совместной работе — всё это затрудняло успешность таких ассоциаций.

Тем не менее, эти трудности не делают их невозможными. Можно надеяться, что для группы трудолюбивых и честных работников, начинающих с малого, но настойчиво продвигающихся вперёд, со временем появятся реальные шансы на успех. Принцип самоуправления чрезвычайно полезен и плодовит, и его значение будет только возрастать по мере развития ассоциаций и прогресса среди рабочих классов. Современные экономисты предлагают проекты организации промышленных ассоциаций, но, к сожалению, некоторые из них включают опасный принцип временной государственной субсидии.

В отношении малой собственности, она имеет свои преимущества. Например, страна с 60 мелкими земледельцами сможет прокормить 140 человек, а с 30 — только 100. Малая земля, после вычета затрат, даёт наибольшую чистую продукцию на единицу площади. Недостаток рабочих, инструментов и скота создаёт трудности, но почему бы мелким земледельцам не объединяться для обработки земли или управления скотом, как они делают в некоторых случаях? Объединение, доступ к земле и капиталу, более справедливое распределение — всё это элементы, способствующие искоренению бедности среди трудящихся.

Кредитование земли, сельскохозяйственные и промышленные ассоциации, свободная торговля — всё это вместе делает труд менее рискованным, даёт рабочему более стабильное положение, защищает его от последствий индустриальных кризисов, развивает чувство предусмотрительности и моральной ответственности. Примеры семей, сочетающих сельское хозяйство и ремёсла, показывают преимущества такой системы: они способны обеспечить свои семьи и накапливать средства на будущее, сохраняя при этом привычный уклад и семейные ценности. Современная цивилизация даёт возможности для развития, открытия новых земель, трудоустройства лишних рук, создания новых рынков. Экономическая наука должна способствовать использованию этих ресурсов для пользы рабочего класса. Но может ли наука обойтись без поддержки благотворительности в этом деле?

И где же еще могла бы она черпать движущую силу своих исследований? В изучении, целью которого является наибольшее благо наибольшего числа людей, какой иной стимул, кроме любви к человеку, мог бы оживлять и поддерживать её труды? Я говорю больше: к какому более светлому наставнику она могла бы обратиться? Какой более надежный факел способен направлять исследования экономистов? Доктор Чалмерс где-то выражает сожаление по поводу разделения, которое он наблюдал в своё время между милосердием и наукой. Эта жалоба возможна лишь со стороны либо ложной науки, либо ложного милосердия. Везде, где есть возможность делать добро, какой лучший советник, чем любовь? При равной разумности разве не самый преданный друг будет самым надежным советником, а самая нежная мать — самой бдительной? В любви, безусловно, можно

ошибиться, но гораздо легче ошибиться, если не любишь. Тот, кто испытывает искреннее сочувствие к своим ближним, кто глубоко скорбит об их страданиях, будет с тревогой искать способы их облегчить, соберёт со всех сторон знания опыта, привлечёт на помощь всю настоящую науку; и, если он обладает справедливым и честным умом, именно он откроет истинное средство.

Ах! Давайте поверим, что если до сих пор так часто заблуждались в этих исследованиях, если было сделано так мало шагов, или, вернее, так много неверных шагов в решении этой важной проблемы, то это потому, что до сих пор политика имела здесь большее влияние, чем милосердие. В страданиях бедного одни видели лишь опасность для богатого, и в качестве средства они говорили бедному: «Смирись, воздерживайся»; другие видели лишь возможность нарушить порядок общества в свою пользу и поднимали, вооружали бедного против богатого. Те, полностью занятые увеличением производства, возбуждали потребности, чтобы активизировать промышленность, проповедовали всем наслаждение ради того, чтобы стимулировать труд.

Другие, видя в правильном ходе производства высшее проявление экономической науки, превозносили прежде всего масштабные предприятия, крупные фермы, не думая о тысячах крестьян, уволенных и умирающих с голоду ради чистой прибыли. Здесь, в интересах владельцев или фабрикантов, чрезмерно повышали средства существования бедных; в другом месте предлагали лишить капиталиста ради работника. Всегда, одним словом, как у язычников, одна часть человечества жертвовалась ради другой, всегда благо одних искалось через страдания или разорение других.

Кто может подумать, что эти несправедливые или катастрофические меры могли бы выдержать хотя бы мгновение взгляд милосердия? Одним лишь словом: «Возлюби ближнего твоего как самого себя, поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой», оно разрушает все ложные системы, разоблачает все софизмы, преследует под любыми масками эгоизм каст и несправедливость грабителей. Не милосердие осудит холодно целую часть человечества на лишения без надежды; но и оно не научит бедного искать своё благо за счёт богатого: оно знает, что ни одно истинное и долговременное благо не достигается через несправедливость.

Рим, обогатившийся за счёт грабежей народов, в свою очередь постигла позорная потеря; та же участь сегодня грозит тем классам общества, которые надеялись бы возвыситься на руинах других. Как бы ни украшали это ограбление, как бы ни маскировали под именем общины, прогрессивного налога, права на кредит или труд; какое бы название ни давали государственные разбои, всё, что они принесут, — это общий уровень бедствия через разрушение труда. «Дикарь, — говорит Монтескьё, — срубает дерево у корня ради плода»; вот образ процветания, которое обещает социализм: сегодня грабеж, завтра голод. Это не милосердие когда-либо посоветует такой путь. Наполненное всеобщей доброжелательностью к людям, оно держит весы равновесными для всех; это от их объединения, а не взаимной вражды, оно ждёт общего блага; это через благо всех оно учит искать благо каждого.

Оно также знает, что никогда материальное благо бедного не достигается в ущерб его морали. Далеко от него доктрины, которые под предлогом оживления промышленности подрывают сбережения, умеренность, вызывают у бедного чрезмерное стремление к удовольствиям, что, прежде чем быть удовлетворённым, рискует отвлечь его от всех обязанностей! Без проповеди аскетизма, добродетели другого времени, необходимости эпохи страданий и лишений, без предписания воздержания ради воздержания, лишения ради лишения, напротив, показывая, что комфорт и благосостояние — законная награда

труда, оно рекомендует умеренность желаний, трезвость и экономность, на которых строится прочное благосостояние индивидов и семей.

Если оно желает видеть умножение богатств страны, оно ещё больше желает видеть рост общего благосостояния. Оно протестует против узких систем, которые учитывают лишь изобилие продуктов, не заботясь об их распределении. Великолепные замки среди пустынных деревень, огромные фабрики с бедными и истощёнными рабочими радуют его меньше, чем мастерская благополучного ремесленника или ферма счастливого крестьянина. Оно стремится не столько увеличить роскошь и накопления некоторых, сколько сделать благосостояние доступным для большинства; и, как уже говорилось, «расширить круг приглашённых к законным радостям жизни».

Итак, оно, истинный и беспристрастный друг людей, должно направлять экономическую науку в сторону их настоящего блага, указывать на опасности, отвлекать от ложных путей; наконец, если где-то существует эффективное средство против нищеты, оно должно открыть его или, по крайней мере, распознать среди опасных «лекарств», чья проба уже принесла столько бед. Это средство, каким бы оно ни было, всегда потребует прежде всего участия бедного; значит, прежде всего нужно действовать на самого бедного, чтобы направить его на путь улучшения своего положения.

Выглядит легко, но на деле крайне сложно. Люди обычно меньше всего понимают свои настоящие интересы. Невежество, упрямство, предубеждения расставляют на пути добра множество препятствий, которые может преодолеть только милосердие. Только оно находит в сознании своих намерений и в пыле своего усердия убедительные слова, которые побеждают предрассудки, разоружают недоверие, терпение, которое ждёт, ищет и наконец, встречает благоприятный момент, настойчивость, которую не останавливает ни одна неудача, эту святую упорность, которая одна способна склонить упорство обычаев. «Величайшая из всех сил, — говорил Тюрго, в своём Меморандуме к Луи XVI, — это доказанное желание делать добро». Это доказал бы сам великий министр, если бы не отставка и преждевременная смерть, которые унесли его из Франции. Но, ограничиваясь более скромными примерами, именно силой своего милосердия почтенный Оберлен вывел своих прихожан из апатии, в которую их погрузила нищета, и добился от них трудов, которые менее чем за пятьдесят лет превратили дикую долину в Вогезах в плодородную и процветающую землю, способную кормить в достатке население в пять раз больше прежнего.

Но если улучшение положения бедного, прежде всего, зависит от его собственной энергии, если по замыслу Провидения он должен быть главным творцом своей процветающей жизни, то далеко не всегда он может достичь этого лишь своими усилиями. Кто не видел трудолюбивых, честных, экономных семей, бедных, полных добродетели и мужества, которые, тем не менее, не могли выйти из своего положения? Сколько ремесленников с настоящими талантами провели всю жизнь в застое! Сколько, чьи труды оказывались бесплодными, или кто, на грани успеха, видел, как исчезают накопленные с трудом сбережения! Им нужен был только толчок, защита, совет, и этого ресурса не хватило в решающий момент.

Здесь особенно необходима преданность милосердия. Именно оно, в этой борьбе с бедностью, в этом трудном восхождении к обетованной земле, стоит рядом с нуждающимся; не заменяя его усилий своими, оно ободряет его, поддерживает, сглаживает перед ним препятствия, помогает преодолеть трудные шаги, протягивает руку, когда он колеблется, поднимает, когда падает, и не покидает его, пока он не достигнет цели. Когда бы каждый человек в сфере своих отношений оказывал вокруг себя такое доброжелательное покровительство (~), когда хозяин заботился бы с любовью о своих служащих; когда

фабрикант, считая себя отцом своих рабочих, никогда не разделял бы свою выгоду с их интересами, предоставлял бы им самые справедливые условия, постоянно имел бы перед глазами интерес к их морали и продвижению; когда бы богатый землевладелец, вместо того чтобы тратить доходы в столице, где его присутствие привлекает множество авантюристов и мошенников, предпочитал бы оставаться на своих землях, удерживая крестьян своим примером; когда бы вместо пустой демонстрации он использовал досуг и состояние на развитие полезной науки, отрасли промышленности, распространение лучших методов земледелия, заботу о бедных соседях, основание и руководство учреждениями, полезными для всех, — это были бы бесценные услуги, оказанные нуждающемуся классу.

Мы уже не живем во времена, когда богатый мог полагать, что выполняет свой долг перед обществом лишь потому, что управляет своим состоянием, расходует доходы и приятно проводит досуг. Нет, в этом вопросе я доверяю больше мудрости древних, чем здравому смыслу нашего века: не всякая роскошь приносит пользу общественному порядку. Разве не убедили нас в этом первая и вторая проба опыта? Для нескольких рабочих, которых ваше роскошное житьё поддерживает на короткое время, для некоторых ничтожных отраслей, которые ваши прихоти оживляют на один день и разрушают на следующий, ваш пример распространяет вокруг себя заразную привязанность к пустым и чувственным вкусам.

Этот подстрекатель, которому вы серьезно верите, что приносите благо, спрашивает себя: почему он сам не должен наслаждаться, почему его дворец не должен вкушать изысканную пищу, изысканные вина. Все его доходы тратятся на подражание вашим расточительным удовольствиям; он уже не работает из долга, а работает, чтобы блистать, чтобы наслаждаться. Но если бы он мог наслаждаться и блистать без труда! … И вот возникают желания, соблазны, очередная жертва, увлекаемая в бездну нищеты, очередной факел для очага революций. О, богатые! Сколько даров Провидения, которые могли бы стать в ваших руках плодородным источником процветания, обратились лишь в источник разрушения.

Что касается благотворительных действий, так же как и раздачи милостыни, ничто не заменяет личного участия; благо, которое человек совершает сам вокруг себя и сознательно, приносит наибольшую пользу. Но не все бедные имеют доступ к просвещенным наставникам или щедрым покровителям; и среди услуг, которых требует их положение, многие требуют времени и забот, которые немногие богачи способны посвятить. Поэтому здесь, как и в случае помогающей благотворительностью, необходимо сочетать индивидуальное действие с деятельностью объединений.

Отсюда многочисленные учреждения, созданные коллективной благотворительностью: ясли, приюты, бесплатные школы для детей и взрослых, институты для сирот, учебные общества, сельские колонии, трудовые и биржевые общества, общества опеки над заключенными, освобожденными, молодыми рабочими; мастерские, приюты, дома Провидения, ломбарды, народные банки, сберегательные кассы и кассы семейного содержания, пенсионные и страховые кассы и так далее — это все учреждения, через которые стремились поддержать труд и экономию бедных и дать им возможность достичь более счастливого состояния.

Среди этих учреждений, которым нужно лишь более широкое распространение, чтобы приносить все ожидаемые плоды, те, которые особенно требуют нового развития и управления в соответствии с их целью, — это образовательные учреждения. Как мы видели, важно, наконец, дать трудящимся классам то образование, которое в естественном порядке вещей должно было предшествовать их освобождению. Поскольку некому больше их вести, нужно поставить их в положение, чтобы они могли вести себя самостоятельно, правильно использовать для себя и общества свободу, которую они приобрели. Как уже говорилось:

«среди причин нищеты самой активной является недостаток интеллектуальных и моральных сил у населения».

Судьба рабочего будет эффективно обеспечена; он получит от своего хозяина выгодные условия лишь пропорционально уровню интеллекта и способностей, которые сможет проявить на службе, совершенству работы, которую он может предложить; он будет в безопасности от опасностей безработицы лишь в той мере, в какой сможет понять причины, ускоряющие или замедляющие ход труда, и развивать свои изобретательные способности, чтобы легко переходить от одного занятия к другому, создавать новые отрасли и источники дохода.

Следовательно, уже недостаточно элементарного обучения, которое он получает в школах. Нужно, без научного аппарата, но с ясностью и практической точностью, привить ему общие принципы домашней и социальной экономики и технические знания, необходимые, чтобы быть умелым в своей профессии. Особенно важно, через правильную методику преподавания, развить у рабочего привычку к размышлению, сформировать уверенное суждение, которое будет направлять его во всех обстоятельствах жизни, поможет здраво оценивать свое положение, предвидеть и предотвращать угрозы, просчитывать последствия своих решений, различать хорошие и плохие советы.

Но еще более необходимо предупредить в нем, через воспитание, пороки, вызывающие бедность; привить, отпечатанные печатью религии, добродетели его положения: труд, фундамент всех остальных; честность, вызывающую доверие; справедливость, необходимую для общественных связей; умеренность, сохраняющую силы и способности; бережливость, создающую капитал; осторожность, соразмеряющую расходы и доходы; справедливое желание улучшить положение, при этом строго законным путем; готовность к неизбежным лишениям с неустанным стремлением к самосовершенствованию. Такая направленность — то, чему должна стремиться превентивная благотворительность, обучая народ в своих школах.

Что касается государства, мы не отрицаем той роли, которую оно может играть в народном образовании. Оно может в чрезвычайные времена нанимать безработных на общественные работы. Оно может создавать для освобожденных заключенных сельские колонии, а для нищих — дома трудотерапии. Оно может осуществлять контроль над обучением и трудом детей в мануфактурах; оно может, при недостаточности частных объединений, временно выполнять функции хранителя и гаранта сбережений рабочего, кассира страхования для семей. Но в целом, для всех благотворительных дел косвенное участие государства кажется наиболее уместным. Вспомним опыт первых веков: христианские правители потерпели неудачу, когда пытались напрямую облегчить бедность, но их действия были полезны, когда они ограничивались пресечением несправедливости, защитой слабых, поддержанием законного права, устранением злоупотреблений, мешающих процветанию народа.

Пусть современные христианские правительства действуют в том же духе: с осторожностью, но с упорством уничтожают злоупотребления, порождающие бедность, устраняют препятствия, несправедливые монополии, разорительные покровительства; прекращают пустые пиры, амбиции и ложные доблести, расходующие ресурсы подданных. Пусть налоги, сведенные к необходимым, ложатся минимально на бедных. Пусть социальный механизм упрощен, налоговое законодательство изменено так, чтобы собственность стала более доступной тем, кто способен ее развивать, и меньше зависимой от государства и чиновников. Пусть сбережения рабочего будут священным кладом, к которому никто не посмеет прикоснуться без гнева общества.

Следить за внутренней и внешней безопасностью, защищать права всех, гарантировать имущество, свободу и жизнь каждого гражданина — такова цель общества и основной смысл существования правительства. Пусть они выполняют этот долг с предельной добросовестностью; их твердость принесет пользу не только богатым: благодаря общественному доверию капитал будет циркулировать, промышленность процветать; труд будет полностью востребован, а бедный, уверенный в том, что он пожнет плоды своих честных усилий и будет защищен от искушений, сосредоточится на своей работе и отвергнет тех, кто предлагает иные пути, кроме пути собственного блага.

Так я понимаю роль правительства в постепенном искоренении нищеты. Не возлагайте на них более широкие обязанности: они сделают достаточно для благотворительности, если прочно утвердят царство справедливости; они создадут достаточно богатых, если не будут создавать бедных; принесут достаточно добра, если предотвратят зло. Разве можно считать, что выполнение этой роли требует меньше самоотвержения и благотворительности, чем большинство дел, которые обычно называют благотворительными?

Благотворительность во всех её формах, во всех проявлениях имеет в наши дни великую миссию. Одна она в этом деле недостаточна, в этом мы признались; но, поддерживаемая цивилизацией и трудом, она сегодня может гораздо больше, чем могла в первые века. Тогда её влияние ограничивалось лишь более равномерным распределением ресурсов, которые с каждым днем уменьшались. Сегодня, возбуждая и направляя исследования науки, показывая бедному путь, который должен привести его к благосостоянию, оказывая ему помощь через собственные индивидуальные и коллективные действия, постепенно устраняя препятствия, исходящие от социального порядка, благотворительность может всё более ограничивать и постепенно уничтожать бедность.

Ей присущи свои средства убеждения и свои принципы действия. Правда, в наши дни вряд ли можно ожидать, что богатые, уверенные в конце света, будут искать через полный отказ от своего имущества искупления прошлых грехов. И это вряд ли было бы слишком желанным. Но если некоторые мотивы, которыми когда-то руководствовалась благотворительность, сегодня потеряли своё влияние, другие, своей величественной сущностью, способны добиться ещё большего.

Бог — отец и защитник всего человеческого рода; все люди объединены в нём узами тесного братства; любовь к ближним, неразрывно связанная с любовью к Богу; наше настоящее и будущее счастье, пропорциональное силе этой двойной любви; благотворительность как необходимое следствие, естественное выражение всякой живой и искренней любви — это истины, которые, хотя и древние, не потеряли своей достоверности и дают непоколебимую основу этому долгу. Они провозглашены величайшим из откровений, запечатлены Его кровью, проявлены на кресте, подтверждены всем, что за восемнадцать столетий совершили выдающиеся умы и возвышенные души, дорогие христианам, признаны всеми истинными философами, согласуются с самыми ясными понятиями нашего разума и с самыми благородными побуждениями нашего сердца, подтверждены всем, что показал опыт. Сегодня необходимо трудиться на благо обездоленных классов; нужно делать для них и ради Бога в них то, что уже не успеешь сделать для себя.